

Н.М. СОЛНЦЕВА

**КРЕСТЬЯНСКИЙ КОСМОС В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
1900 – 1930-х ГОДОВ**

Учебное пособие

Москва
Издательство Литературного института
им. А.М. Горького
2013

Солнцева Н.М.

Крестьянский космос в русской литературе 1900 – 1930-х годов: Учебное пособие.
– М.: Изд-во Литературного института им. А.М. Горького, 2013 – 112 с.

В настоящем издании рассматриваются мировоззренческие искания и эстетические установки С. Есенина, С. Клычкова, Н. Клюева и других поэтов новокрестьянского направления, чье творчество развилось в годы Серебряного века и представляет собой особый художественный мир в литературе 1920 – 1930-х годов. Пособие предназначено для студентов-филологов, учителей школ, абитуриентов.

© Н.М. Солнцева, 2013

© Литературный институт
им. А.М. Горького, 2013

ISBN 976-5-70-60-0146-9

Общая характеристика

Крестьянский космос – целостная мировоззренческая и эстетическая система, сформировавшаяся в произведениях поэтов и прозаиков новокрестьянского¹ направления, творческая судьба которых укладывается во временные рамки 1900 – 1930-х годов. Это Н.А. Клюев (1884 – 1937), С.А. Клычков (1889 – 1937), П.И. Карпов (1887 – 1963), С.А. Есенин (1895 – 1925), А.А. Ганин (1893 – 1925), А.В. Ширяевец (А. Абрамов, 1887 – 1924), П.В.Орешин (1887 – 1938), близкие им И. Приблудный (Я.П. Овчаренко, 1905 – 1937) и П.А.Радимов (1887 – 1967), а также вступивший в литературу в 1920-е годы П.Н. Васильев (1910 – 1937) и другие. Их книги появились в 1910-е: «Сосен перезвон» (1911), «Братские песни» (1912), «Лесные были» (1913), «Мирские думы» (1916), «Медный кит» (1918) Клюева, «Песни» (1910), «Потаённый сад» (1913, 1918), «Дубравна» (1918), «Кольцо Лады» (1919) Клычкова, «Богатырь», (1915), «Запевка» (1916), «О музыке и любви» (1917), «Алые маки» (1917), «Край солнца и чимбета» (1919) Ширяевца, «Радуница» (1916), «Голубень» (1918), «Преображение» (1918), «Сельский часослов» (1918) Есенина, «У плуга», «Умны крестьяне русские» (1910), «Пламень. Из жизни и веры хлеборобов» (1913) П. Карпова, «Зарево» (1918), «Красная Русь» (1918), «Дулейка» (1919) Орешина, «Полевые псалмы» (1912), «Земная риза» (1914, 1915) Радимова. Принадлежа культуре Серебряного века, привнеся в нее свои мировоззренческие и художественные пристрастия, они сформировали в ней самостоятельное направление. В официальной литературной жизни советского периода новокрестьяне были маргиналами, однако в литературном процессе и философии 1920 – 1930-х годов стали выразителями религиозно-мистической мысли, русского космизма, стилевых исканий Серебряного века.

Все они провинциалы. Клюев, Клычков, Карпов – из старообрядцев. Некоторые из них переступили традиционный для своего сословия образовательный предел, обучаясь в университетах или занимаясь самостоятельно. Определяющую роль в их творческой судьбе сыграл личный опыт. В Первую мировую войну Орешин был награжден двумя Георгиевскими крестами, Ганин проходил службу в Николаевском военном госпитале, в 1914 г. в Охте в первом запасном пехотном полку начал военную службу Карпов, Клычков прошел всю войну, не раз подвергался смертельной опасности, Есенин был призван в запасной батальон в Петрограде, был причислен к Царскосельскому полевому военно-санитарному поезду. Они пережили революции и гражданскую войну, их дальнейшая жизнь – пример фатальной обреченности: Ширяевец умер от воспаления

¹ Термин, введенный В. Львовым-Рогачевским, призван подчеркнуть отличие крестьянских поэтов XX в. от С. Дрожжина, А. Кольцова, И. Сурикова и др. См.: *Львов-Рогачевский В. Поэзия новой России. Поэты полей и городских окраин.* М., 1919.

мозга; Карпов вынужден был замолчать как поэт, чем спас себе жизнь; кончина Есенина – насильственная; Ганина расстреляли первым, затем были репрессированы Клюев, Васильев, Клычков, Приблудный, Орешин. Их обвиняли в кулачестве, троцкизме, контрреволюционной деятельности, даже фашизме, что точно было политическим мифом: так, Ганина осудили за якобы фашистские позиции; за несколько лет до расстрела Клычкову указали на якобы фашистские настроения; Горький в статье «Литературные забавы» (1934) усмотрел опасность фашизма в поведении Васильева; в деле Клюева также прозвучала «фашистская» тема, начальник управления НКВД Запсибкрая настаивал на том, что «Клюева надо тащить именно по линии монархически-фашистского типа <...>»².

Для литературной элиты Серебряного века они незнакомцы. Незнакомцем был сам народ. А. Белый отзывался о мужике как «явлении очень странном даже: лаборатории, претворяющей ароматы навоза в цветы», и «откровенно воняющем и тем, и другим»³. К. Бальмонт же с самоиронией признавал, что для крестьянина интеллигент – лишь тень от прочтенной книги («Исполин безмерной пашни...», 1907). Новокрестьяне, вступив в культурную атмосферу Серебряного века, а затем первых лет Советской России, избежали комплексов ученичества. Например, Клюев, ценивший таких мастеров слова, как Давида, Данте, Аввакум, Гамсун, Верлен, Фет, Кузмин, Ахматова, говорил, что «любая баба гораздо сложнее и точнее в языке, чем “Пепел” Андрея Белого», Ходасевич – «мертвая кость», его образам «устыдился бы и Демьян Бедный», «такие стихи о России, какие сочинил Блок, мог бы с одинаковым успехом написать и какой-нибудь пленный француз 1812 года», Вересаев «без божества, без вдохновенья, без звуков сладких и молитв», горьковская «Мать» «сделана по выкройке из Парижа, в стиле дешевых романов с социальной правдой»⁴. Новокрестьяне, по Есенину, сознавали в себе все «самое аристократическое – что есть в русском народе»⁵. Как писал Б. Пастернак: «<...> Есенин был живым, бьющимся комком той артистичности, которую вслед за Пушкиным мы зовем высшим моцартовским началом, моцартовской стихией»⁶.

Мировоззренческий и художественный мир новокрестьянских поэтов сложен. В их произведениях выразились философские искания от витализма до экзистенциализма, православные ценности и сектантство, богоискательство, старообрядчество и гностические традиции, почвенничество и евразийство; в их поэзии и прозе есть и

² Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева. Томск, 1995. С. 182.

³ Белый А. Арбат // Россия. 1924. № 1. С. 59.

⁴ Клюев Н. Словесное древо / Вступ. ст. А.И. Михайлова, сост., подгот. текста и примеч. В.П. Гарнина. СПб., 2003. С. 53, 60, 61, 67, 75.

⁵ Там же. С. 62.

⁶ Пастернак Б. Избранное: В 2 т. / Сост., подгот. текста, коммент. Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака. М., 1995. Т. II. С. 264.

мифологизация действительности и узнавание ее подлинных глубин, романтизация революции и ностальгия по патриархальности; в их творчестве сказались эстетические традиции фольклора, древнерусской литературы, проявился синтез поэтики религиозных текстов и модернистских открытий Серебряного века.

Новокрестьянские поэты были одарены мистической интуицией, определившей религиозно-мифологическое содержание их произведений. Как писал Иванов-Разумник в 1917 г., они были «подлинными эсхатологами, не кабинетными, а земляными, глубинными, народными»⁷. Клюев был интеллектуалом-искателем, другие верили по-детски. Для Ганина Господь «светлый и ласковый» («Певучий берег», 1916)⁸, для Клычкова «строгий» («Детство», 1910), у Есенина Христос «незримый», «пречистый» («Осень», 1914; «Не ветры осыпают пуши...», 1914).

Смысл космогонических и социально-утопических представлений поэтов – в ожидании земного рая, прежде всего в крестьянском мире как скрещении космоса и земли. Крестьянин подобен ветхозаветному пастуху-поэту, пастуху-пророку, у Есенина – Амосу, у Клюева – Давиду. Новокрестьянский поэт – своего рода теург, участник промысла Бога, принадлежит к невидимому народному Иерусалиму. Как писал гениальный Г.В. Свиридов: «Для меня они – величайшие русские поэты нашего века, есть нечто апостольское в их типах: нежное – от Иоанна в Есенине и суровое – от Петра в Клюеве»⁹. Крестьянин приведет человечество в новый Назарет – эта мысль Т. Карлейля отвечала идеологии новокрестьян. Клюев обращался к Есенину: «Не ты ль, мой брат, жених и сын, / Укажешь путь к Преображенью?» («Изба – святилище земли...», между 1916 и 1918); Есенин назвал Клюева «апостолом нежным» («О муза, друг мой гибкий...», 1917 – 1918); поэты в понимании Ганина – «питомцы вечных тайн», «священное зверье», рожденное «дыханьем звездных сфер» («Рожденные в веках дыханьем...»); Карпов видел в себе «солнцебога и пророка» («Предутрие»), в то время как другие поэты «обезъязычены» («Дракон»). Амбициозный проект потерпел поражение.

Новокрестьяне антибуржуазны и внепартийны. Февральскую и Октябрьскую революции они увидели глазами «скифов». Даже те, кто не печатался в «Скифах»

⁷ Иванов-Разумник Р.В. Две России // Скифы. 1918. №2. С. 228.

⁸ Художественные тексты цит. по: Васильев П. Сочинения, письма / Сост. С.С. Куняев. М., 2000; Ганин А. «К тебе пришел я, край родимый...» / Под общ. ред. Г.В. Судакова, сост. С.А. Тихомиров, подгот. текста, коммент. С.Ю. Баранова. Вологда, 2005; Карпов П. Пламень. Русский ковчег. Из глубины / Подгот. текста, вступ. ст. С.С. Куняева. М., 1991; Клычков С. Собр.соч.: В 2 т. / Вступ. ст. Н.М. Солнцевой, сост., подгот. текста, коммент. М. Никё, Н.М. Солнцевой, С.И.Субботина при участии Г. Маквея. М., 2000; Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Сост., подгот. текста, примеч. В.П. Гарнина. СПб., 1999; Н. Клюев. С. Клычков. П. Орешин. Избранное. Сост., вступ. ст., примеч. В.П. Журавлева. М., 1990; Сергей Есенин в стихах и жизни: Стихотворения. 1915 – 1925 / Общ. ред., вступ. ст. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995.

⁹ Свиридов Г. Музыка как судьба. М., 2002. С. 353.

Иванова-Разумника. Они поняли русские революции как органическое и стихийное явление, рывок «к свободному будущему мира, народа, человека»¹⁰. И этот проект тоже оказался утопией.

В послереволюционном творчестве тема ожиданиярая на земле сменилась темами исхода святых, торжества дьявола, немощи веры и разума. От революционно-религиозных утопий поэты обратились к реальной России. Их поэзия была оппозиционной, они стали «врагами народа».

Изучение творчества новокрестьянских писателей – одно из приоритетных направлений в современном литературоведении, в частности в учебных и научных центрах Москвы, Нижнего Новгорода, Омска, Петрозаводска, Рязани, Санкт-Петербурга, Томска и др. В силу недоступности в СССР архивных фондов этих поэтов, запрета публиковать произведения Клычкова, Клюева, Васильева и других активное изучение биографий, истории текстов, их содержательной и художественной специфики в отечественной филологии началось лишь со второй половины 1980-х. Из зарубежных славистов, обратившихся к творчеству новокрестьян как к предмету научного изучения, следует иметь в виду М. Никё, Р. Вроона, Г. Маквея; среди русских авторов книг и статей это К. Азадовский, О. Воронова, В. Гарнин, А. Захаров, Л. Киселёва, С. Куняев, Е. Маркова, А. Марченко, А. Михайлов, В. Морозов, Л. Пичугин, П. Поберёзкина, Т. Пономарёва, Т. Савченко, Е. Самоделова, С. Семёнова, М. Скороходов, Н. Солнцева, С. Субботин, Н. Шубникова-Гусева, В. Хомяков и многие другие. Темы диссертаций последних лет говорят о расширении тематического спектра исследований¹¹.

¹⁰ *Иванов-Разумник*. Испытание огнем // Скифы. №1. 1917. С. 304.

¹¹ Например: «Духовные искания Николая Клюева и его творческое наследие 1910-1930-х годов» (1999) Д. Савельева, «Традиции Сергея Есенина в поэзии Арсения Несмелова» (2003) Н. Епишкиной, «Метасюжет судьбы лирического героя в поэзии С.А. Есенина: основные культурно-художественные коды и мотивные комплексы» (2006) М. Жилиной, «Проза С.А. Клычкова: Поэтика магического реализма» (2005) К. Кислицына, «Неомифологические аспекты поэтики и гоголевская традиция в творчестве С.А. Клычкова (На материале романа “Чертухинский балакирь”» (2004) Е. Лыковой, «Небесный Град в творчестве С.А. Есенина: поэтика и философия» (2009) Н. Михаленко, «Андрей Белый и Сергей Есенин: Творческий диалог» (2009) С. Серёгиной, «Системный лингвокультурологический анализ этноактуальной лексики (на примере произведений С. Есенина)» (2007) Т. Синиченко, «Н.А. Клюев: Поэзия 1905 – 1908 гг. и проза 1919 – 1923 гг. Вопросы источниковедения и атрибуции» (2008) С. Субботина, «Проза С. Клычкова и В. Распутина: Миф о крестьянском космосе и философия русского космизма» (2008) А. Шетраковой и др.

І. Творчество новокрестьянских писателей в 1900 – 1910-е годы

Николай Клюев

Формирование ранних воззрений: старообрядчество, хлыстовство, голгофское христианство. Отношение к А. Добролюбову, Л. Семёнову, А. Блоку. 1. Клюевы были приписаны к крестьянскому сословию Новгородской губернии, но проживали в Вытегорском уезде Олонецкой губернии. Его интеллект, духовная культура, поэтический вкус формировались под влиянием старообрядческих традиций русского Севера, где располагались очаги дониконианской Руси – Соловецкий, Палеостровский и другие монастыри. В его произведениях отразились мотивы, лексико-синтаксические особенности писаний протопопа Аввакума, которого он считал своим предком по материнской линии, инока Епифания, старообрядческого историка Ивана Филиппова, автора антиниконовских «Поморских ответов» Андрея Денисова. Сильнейшее влияние на духовное становление, на художественное воображение оказала его мать, она донесла до него глубину и образность множества религиозных текстов. Следует иметь в виду и такую природную черту Клюева, как мистическая одаренность: видения являлись ему с тринадцати лет, в зрелые годы он видел пророческие сны. В раннем творчестве проявились и черты еретических ответвлений – хлыстовства, скопчества. Мощный источник его творчества – севернорусский фольклор. Кроме того, в поэзии Клюева выразилась и финно-угорская культура; на свои лапландские княжеские корни он указывал сам.

2. В ранней юности он был отправлен в Соловецкую обитель¹², где постиг суть послушания, носил вериги, но там же получил опыт самосознания: старец с Афона раскрыл ему тайны неортодоксальных религиозных учений, велел «во Христа облечься, Христовым хлебом стать и самому Христом быть»¹³. Он же вывез его с Соловков, приобщил к скопческой секте голубей-христов Самарской губернии, в ней юный Клюев два года был «царем Давидом»¹⁴ – слагал духовные стихи, обретя таким образом творческий опыт.

3. Покинув секту, он сблизился на Кавказе с неким Али из избранного ветхозаветного рода Мельхиседеков¹⁵, что, несомненно, повысило его самооценку: отношения с Али воспринимались как откровение Кадра-ночи, когда пророк через ангела

¹² «А в Соловках я жил по два раза. В самой обители жил больше года без паспорта, только по имени; а во второй раз жил на Секирной горе <...> Строителем был при мне о[тец] Феодор, я же был за старцем Зосимой». *Клюев Н. Гагарья судьбина // Клюев Н. Словесное древо. С. 33.*

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: *Аверинцев С.С. Мельхиседек // Аверинцев С.С. София-Логос. Киев, 2000. С. 129.*

Джабраила воспринял Коран; отношения Клюева и Али были осмыслены в контексте «скрытого восточного учения о браке с ангелом»¹⁶. Путешествуя от Беломорья до персидских земель, он уверовал в «народный Иерусалим», «церковь невидимую», уяснил свое предназначение спасти мир, участвовать в «плане Бога»¹⁷.

4. В лирике Клюева 1900-х годов религиозные мотивы сочетались с революционными. Он не только верил в наступление Царства Божьего на земле, но и, чувствуя в себе пророческую силу, предпринимал к этому определенные шаги. Его чрезвычайно привлекали две личности – А. Добролюбов и Л. Семёнов-Тян-Шанский, поэты-символисты, оставившие свою среду и подавшиеся в народ, среди которого распространяли один – свои нетрадиционные религиозные¹⁸, другой – революционные и затем богоискательские идеи. В стихотворениях Клюева начала 1900-х годов звучит тема рабского крестьянского труда, его скорбной жизни¹⁹. В годы первой русской революции он увлечен пропагандистской работой в крестьянской среде. В 1906 г. его арестовали, в тюрьме (сначала вытегорской, потом петрозаводской) он провел полгода. Следующее тюремное заключение, в 1907 г., связано с отказом служить в армии: Клюев считал грехом братья за оружие. Однако, несмотря на испытания, он по-прежнему в оппозиции к властям: в марте 1908 г. в «Нашем журнале» В.С. Миролубова вышла его анонимная статья «В черные дни (Из письма крестьянина)»; ее революционное содержание пронизано религиозной идеей, что отвечало характеру народной оппозиции. Например, он писал о портретах эсерки М. Спиридоновой, вставленных крестьянами в киот с лампадками. Тираж журнала был уничтожен. Семёнов, лично знавший Клюева, участвовал в его литературной судьбе, содействовал появлению в печати в 1907 г. его стихов.

В том же году началось эпистолярное знакомство Клюева с А. Блоком, который также помог начинающему поэту с публикациями. Письма многое проясняют в духовной и творческой биографии Клюева до середины 1910-х годов. В них он поначалу скромный проситель, затем – учитель, наставник, яркая личность, знающая, как и зачем жить. Почувствовав в Блоке близкого по духу человека²⁰, он, тем не менее, укорял господ, а

¹⁶ Клюев Н. Из записей 1919 года // Клюев Н. Словесное древо. С. 31.

¹⁷ Клюев Н. Гагарья судьбина. С. 35.

¹⁸ По В. Брюсову, «ушел он с намерением проповедовать Дьявола и свободу <...> Многому научили его молокане». Брюсов В. Дневники. Письма. Автобиографическая проза. М., 2002. С. 145. Запись от декабря 1902 г.

¹⁹ По мнению К.М. Азадовского, «многое в стихах молодого Клюева напоминает творчество крестьянских поэтов XIX века (И. Никитина, И. Сурикова, С. Дрожжина) и их последователей, поэтов-“суриковцев”». Азадовский К.М. Жизнь Николая Клюева: Документальное повествование. СПб., 2002. С. 26.

²⁰ В № 5 журнала «Трудовой путь» за 1907 г. были опубликованы стихи Клюева «Холодное как смерть...» и Блока «В час глухой разлуки с морем...»

вместе с ними и Блока, за то, что те далеки от народа. Он же сознавал, что без господ крестьянству пока не обойтись. Блок написал матери, что Клюев открыл ему глаза, в «Песни Судьбы» (1908), в «Литературных итогах 1907 года» он цитировал его послания, обращался к вопросу о разрыве интеллигенции и народа. Не без влияния Клюева развивалась в творчестве Блока тема России, углубилось чувство вины перед народом, обострилась мысль о справедливости возмездия.

5. Блок содействовал вхождению Клюева в круг голгофских христиан, которые восприняли его как пророка, писали о нем как об избранном. Это произошло в 1910 г. В воззрениях голгофских христиан срослись революционность и религиозность, что и сблизило их с Клюевым. Голгофа, жертвенная кровь во имя царства справедливости, Новой Земли, ценности первых христиан, духовное обновление – лейтмотивы их статей и книг. Идеологами движения были И. Брехничёв – поэт и священник, у которого за неортодоксальные позиции отъяли право священнослужения; о. Валентин (Свенцицкий) – проповедник аскетического монашества, автор скандальных книг «Второе распятие Христа (Фантазия)» (1908), «Антихрист (Записки странного человека)» (1908), автор книг о литературе²¹, критик социалистического учения, мыслитель, повлиявший на ряд русских философов²², он отрицал искажение смысла непротивления; выступивший за реформирование Церкви, объявивший себя христианским социалистом архимандрит Михаил (Семёнов), который присоединился к старообрядцам, увидев в них свободу от государства и истинную Божью правду, в старообрядчестве был произведен в епископы, в 1911 г. его арестовали. Клюев попал в свою среду. Он стал автором еженедельного журнала голгофских христиан «Новая земля»²³, проповедником их идей. Первая поэтическая книга Клюева «Сосен перезвон» (1911)²⁴ вышла в свет благодаря хлопотам Брехничёва, вторая – «Братские песни» (1912) – была издана дважды в издательстве голгофских христиан, во втором издании с пометкой «Песни голгофских христиан».

Темы. Мотивы жертвенного подвига, спасения, воскрешения встречаем в книгах Клюева «Сосен перезвон» и «Братские песни». Автор предисловия к первой книге В. Брюсов почувствовал в его стихах внутренний огонь, автор предисловия ко второй книге Свенцицкий услышал в них отзвуки песен первохристиан – мучеников Колизея. Лирический герой, познав убогость жизни и неволю казематов, не объят ужасом смерти, он хранит в себе «тайну Бога», он «работник Господа свободный», «жнец вселенской

²¹ «Религиозный смысл “Бранда” Ибсена» (1907), «Лев Толстой и Вл. Соловьев» (1907), «Жизнь Ф.М. Достоевского» (1911).

²² *Чертков С.* Свенцицкий, его последователи и эпигоны (Д.С. Мережковский, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев) // *Философия и культура.* 2010. № 5. С. 102 – 114.

²³ Иногда на страницах журнала печатались произведения А. Блока, В. Брюсова, И. Бунина, Д. Мережковского.

²⁴ На титуле – 1912 г.

нивы», верящий в приход «века колосьев золотых». Он мистически одарен: «Я был в Духе в день воскресный, / Осененный высотой, / Просветленно бестелесный / И младенчески простой». Его «светлая отчизна» – «голубиный Назарет». Природа, как в ранней лирике Есенина, сакральна: «В златотканые дни Сентября – / Мнится папертью бора опушка. / Сосны молятся, ладан куря, / Над твоей опустелой избушкой» или «О ризы вечера, багряно-золотые».

Книга «Сосен перезвон» была посвящена Блоку, и ряд стихов ориентирован на блоковскую поэтику. Например, в «Я говорил тебе о Боге...» поэт тоскует о рае, о «берегах иной земли», где «блуждают сонно корабли» с «представленными душами» и где они отдохнут «от бурных странствий»; мотив странствий, христианский символ корабля как места богослужения, в котором обретается спасение, сближают этот текст с известным блоковским стихотворением «Девушка пела в церковном хоре...» (1905). Блок чертой отметил ключевские строки: «Плывут представленные души / В незатемненный далью путь». Этот и подобные мотивы вошли в состав книги. Однако в ней достаточно блоковских образов и интонаций, диссонирующих с общим мотивным строем, они скорее свидетельствуют о дани уважения и о благодарности Блоку, чем о влиянии²⁵. Например: «Я болен сладостным недугом – / Багряной осени тоской», «Не говори – без слов понятна / Твоя предзимняя тоска», «Мы предвесенни, как снега», «И перья смятого берета», «И девической прически / В полумраке силуэт», «Буду грезить я тобой» или «Что взошел я новобранно / По заре на эшафот». Последние строки были отмечены Блоком и Гумилёвым²⁶. Впрочем, и в «Братских песнях» встречаются образы, отвечающие словарю модернистов и вторичные в поэзии Клюева («Мне уснуть зимою сладко / Под фатою серебра», «Ты, как осень, ясна, хороша, / Только строже и в ласках короче», «Час мечтательных прогулок, / Встреч и вздохов о былом» и т.п.).

Конечно, Клюев не мог долго существовать в идеологическом пространстве голгофских христиан, на что обратил внимание Гумилёв в рецензиях на «Сосен перезвон» и «Братские песни». Отметив узко-сектантское понимание Свенцицким творчества Клюева, он безошибочно предсказал расцвет эпического таланта поэта, увидел в его лирике проявление смены литературных школ, возврат русской поэзии к Пушкину; он отдал должное поэтике Клюева, например нечетким рифмам и переносу центра тяжести на слова внутри строки, словообразованиям вроде «властноокая», «многоочит», новым

²⁵ Из высказывания Клюева 1923 г.: «Я не нашел более приятных способов выражения Блоку своей приязни, как написав стихи в его блоковской излюбленной форме и чувстве. Стихи эти написаны мною совершенно сознательно по-блоковски, а вовсе не оттого, что я был весь пронизан его стихотворной правдой». *Клюев Н.* Словесное древо. С. 57.

²⁶ По словам А. Ахматовой, Гумилёв «часто повторял и очень любил строчку Клюева: “как взойду я новобранно по заре на эшафот”». *Лужницкий П.Н.* Встречи с Анной Ахматовой: В 2 т. Париж, 1991. Т. I. С. 188.

приставкам и забытым суффиксам, постановке дополнения перед подлежащим. В 1911 г. Клюев познакомился с С. Городецким, Н. Гумилевым, А. Ахматовой, вошел в круг «Цеха поэтов», в «Гиперборее» печатались его стихи.

К 1912 г. поэзия Клюева изменилась, в нее вошли новые темы, появились иные жанры, непосредственные интонации, гораздо богаче стал словарь, усилилась тропеизация языка, ставшая в дальнейшем отличительной чертой его стиля; но главное – это ориентация не на фольклор сектантов, а на устное народное творчество русского Севера, что, несомненно, вело к поэтизации живой, подлинной жизни. Все это характеризует третью книгу стихов *«Лесные были»* (1913). В сборнике прозвучали темы грядущей сакральной просвещенности человека («Придет пора, и будут сыты / Нездешней мудростью умы»), сопряжения повседневных хлопот с Божьей волей, избытого быта с горным миром, верой «в дали свободные», темы непритязательной природы, сродства с ней, плотской любви и др.

Клюев свободно владел языком народного творчества. И в этом сборнике, и в последующих он, опираясь на поэтику фольклора, создавал свой словарь уподоблений («Подмережник – жемчуга», «Парус – облако, весло – / Лебединое крыло» и т.д.), вводил повторы отрицаний («Не по зеленому бархату, / Не по рытому, черевчату / Золотое крыльцо катается» и т.д.) и синонимов («разведал, распознал», «по реченьке-реке» и т.д.), использовал традиционные образы («свет-детина», «казнобушка», «цепи-вороги», «темница», «светлица» и т.д.), сочетал лирическую тональность с эпическим содержанием, легко играл интонациями, легко выражал настроение в жанрах и духовного стиха, и лирической песни, и запевки вроде «На малиновом кусту / Сладкие ягоды в росту, / Они зреют, половеют / На заманку-щипоту». По-видимому, он стремился к сохранению в своей поэзии фольклорного стиля как системы. К месту вспомнить его отзыв на фольклорную образность у Блока: «Стихотворения “Песельник”, “Пляска” – балаганные прищелкивания про Таньку и Ваньку»²⁷

Но не следует относиться к «Лесным былям» как к стилизации только. В них Клюев – подлинный лирик. Есть в «Лесных былях» свойственное будущему Клюеву сочетание строгости, духовной требовательности – и страстности вроде «На лежанке пуховик – / Запрокинуть девий лик, / С перелету на груди / Птичьим пылом изойти». Страстность не только в плотском экстазе, но и молитвенном: «И чем смертельней лютый пламень, / Тем полногласней в вышине / Рыдают ангельские трубы / О незакатном райском дне». В «Лесных былях» родился индивидуальный стиль Клюева, проявился его

²⁷ Из письма к Блоку конца октября 1908 г. *Клюев Н.* Письма к Александру Блоку. 1907 – 1915 / Вступ. ст., подгот. текста, коммент. К. Азадовского. М., 2003. С. 157.

вкус к точному эпитету (от фольклорного «сизого голубка» до классицистского «буйноперый»), к метафорическому эпитету («ржавая марь», «в бледном воздухе»), его поиск новых метафор и в целом новых поэтических образов («Осень – с бледным челом инокиня», «Вечер нижет янтарные четки», «Сребробородый древний Бог» и т.д.), соседствующих с точными прозаизмами («молитвенный, с венчиком, лоб», «дятлы зловеще стучат» и т.д.).

В 1913 г. поэт отделился от акмеистов. Не принадлежа ни к одной группе, он вырабатывал свою творческую манеру, в которой можно выделить черты поэтики и символистов, и акмеистов; по экспрессивности, выпуклости, густоте, новизне, художественному эпатажу его образы и интонации не уступали опыту авангардистов. Но в его поэзии все ярче и очевиднее проявлялась культурная, в том числе и стилевая, традиция древнерусской эстетики, не говоря уже о северно-русском фольклоре.

В ноябре 1913 г. умерла мать Клюева. Возможно, это событие оказалось рубежным в становлении Клюева как самостоятельного, мощного поэта и мыслителя. С 1914 по 1916 гг. он создал посвященный ей поэтический цикл *«Избяные песни»*, составленный из пятнадцати стихотворений, объединенных внутренним сюжетом: смерть матушки, погребальные обряды, плач сына, посещение умершей матушкой, «бесплотной гостьей», покинутого дома, преодоление скорби по умершей, пасхальный праздник и гимн ковриге – «избяному светиле». Годовая печаль по усопшей после девятого стихотворения сменяется воспеванием жизни, преображение умершей в святую венчается мотивами «радости спасения» и покаяния ада. Уже в первой главе вдовы, исполняя обряд, обходят с ковригой печь, чтобы та «сытовые хлебы пекла», посыпают пепел на «куричий хвост», изгоняя «немочь». Таинство воскрешения постигает и тварный, и утварный мир избы: «Мама в раю, – запоем веретенце, – / Нянюшкой светлой младенцу Христу».

Пространство «Избяных песен» многомерно: изба, церквушка, космос. Убранство церкви символично: рундук – «пречудный Фавор», «Бревенчатый короб – утроба кита, / Где спасся Иона двуперстем креста», красный угол – рай, куда журавли отнесли матушку. Рай, в свою очередь, описан как воплощение мужицких мечтаний о довольстве: «Где в красном покое Дубовы столы / От мис с киселем, словно кипень, белы». Отметим, что и в «Октоихе» (1917) Есенина, и в его «Ключах Марии» (1918) образу рая также приданы черты крестьянской мирской культуры: за мировым столом собираются все народы, каждому подается золотой ковш с сыченой брагой.

Изображение крестьян идеализировано, что отвечает фольклорной традиции: народ «пригожий», девушки – «лебедушки», «парни, как мед». В утвари показана и узнаваемая реальность, и скрытая, антропоморфная: «вздохнула изба», «осиротела печь», «шепчутся»

горшок с таганом, «шушукает» заслон, «спит лохань» и т.д. Антропо- и зооморфна природа («Зима изгрызла бок у стога», «Закат-золотарь / Шасть в избу незванный» и т.д.). По поводу «Избяных песен» С. Городецкий высказался о Клюеве как о «русском Метерлинке, только уплотненном бытом и телом»²⁸. Метафора становилась чуть ли не основным средством²⁹ выражения единого избяного и космического пространства. Этому же служат уподобления («Как лещ наживку, ловят ели / Луча янтарную иглу» и т.д.). В лексической, морфологической архитектонике Клюев чувствовал себя свободным – его образы, как писал Пушкин в «Осени», изливались «свободным проявлением». Настолько свободным, что он вплетал в свой «желанный узор» строки «На одр положили родитель мою» или «Кота ж лежебока будите скорей».

Натура современного крестьянина, его обрядово-бытовая культура, почвенно-космическое единство мира, непосредственность восприятия библейских образов и сюжетов – стержни поэзии Клюева. Это видно и по сборнику «*Мирские думы*» (1916), в том числе по вошедшему в него циклу «Песни из Заонежья». В книге сказано много поминального о крестьянах-солдатах Первой мировой войны. В «Мирских думах», как в «Избяных песнях», раскрылась и индивидуальность Клюева, чего не было в первом сборнике. О такой эволюции его творчества писал в 1917 г. Г. Иванов. Он же высказался о преодолении Клюевым, как и Клычковым, и Есениным, модернизма: «И хотя Клюев достиг песенного мастерства, переболев литературой и даже модернизмом, все же нынешние его стихи в лучшей своей части чужды ей», они «глубоко народны, далеки от всякой ремесленности и в то же время отмечены неподдельным мастерством»; народность же Клюева в том, что он «видит мир не сквозь интеллигентские или эстетические очки, но ясным и острым взглядом крестьянина и славянина», что силен старообрядческой культурой, что «никогда его ясный крестьянский взгляд не потеряет своей зоркости»³⁰.

В 1910-е годы сформировалось клюевское понимание России, особенно очевидное в его стихотворении «*Белая Индия*» (между 1916 и 1918). В названии отразились средневековые представления об идеальном индийском царстве; русская Индия, Белая, ассоциировалась с утопическими представлениями о стране высокой духовно культуры; на образ Белой Индии, сквозной в поэзии Клюева, могли повлиять сказания о Беловодье – русской Шамбале. Разрастается миф: Господь обронил талисман Земли – «сказку» (слово),

²⁸ Кавказское слово. 1918. 28 сентября. № 207. С. 2. Цит. по: Письма Николая Клюева разных лет / Публ., подгот. текста, предисл., коммент. С.И. Субботина // Николай Клюев: Исследования и материалы / Ред.-сост. С.И. Субботин. М., 1997. С. 218.

²⁹ В 344 строках цикла – 271 простая метафора, из общего числа метафор – 180 метафорических сочетаний. См.: *Редько Я.П.* Поэтика цикла «Избяные песни» Н. Клюева. Автореф. дис. ... к.ф.н. Красноярск, 1999. С.12.

³⁰ *Иванов Г.* Черноземные голоса // Иванов Г. Собр.соч.: В 3 т. / Сост. Е.В. Витковский, В.П. Крейд; коммент. В.П. Крейда, Г.И. Мосешвили. М., 1994. С. 485, 486.

иначе – «алмазный узор», «вселенский рычаг» (основу всего); архангел Гавриил и «громокрылые» силы ищут талисман в Аду, в Смерти, у Времени, Месяца, Солнца, но «потеряшку» находит Земля («Саваофовых брашен кроха»), и крестьянский мир обретает смысл существования. Ранее люди прозябали, теперь Село, приняв Господнюю «сказку», становится Божьим миром, частью космоса: «Повыйди в потемки из хмарой избы – / И вступишь в поморье Господней губы, / Увидишь Предвечность – коровой она / Уснула в пучине, не ведая дна», «В потемки деревня – Христова брада», «Ночная деревня – преддверие Уст...» Село напитано интеллектуально: «Сократ и Будда, Зороастр и Толстой, / Как жилы, стучатся в тележный покой». Оно открыто мировой культуре и мировому духовному поиску: дорога «с Соловков на Тибет» проходит «через сердце избы». Клюев, «свирельный Саул», находит «за печуркой, под рябым горшком» целое царство, что «многоцветней златниц».

Клюевское понимание России как венца истории соотносится с историческим сознанием интеллектуалов Серебряного века: В. Брюсов, Д. Мережковский, А. Амфитеатров и многие другие писали о связи современной цивилизации с древнейшими, к дохристианским цивилизациям обращались В. Хлебников, Н. Рерих, И. Бунин, Н. Гумилев, о всечеловеческом опыте России писали А. Блок, А. Белый, Россия как библейское пространство – в творчестве А. Ремизова. Но Клюевым, в отличие от других, была отчетливо сформулирована мысль о космической природе крестьянской России.

Клюев был глубоко верующим человеком и интеллектуалом, посещал заседания Религиозно-философского общества, свободно ориентировался в религиозно-философских вопросах. Он осмыслил идеи Н. Федорова³¹. Он восхищался книгой П. Флоренского «Столп и утверждение Истины» (1914). Б. Филиппов вспоминал: «Известный русский философ Сергей Алексеевич Аскольдов рассказывал мне, как один раз он имел продолжительную беседу у Вячеслава Ивановича Иванова с Клюевым на религиозно-философские и философские темы. Клюев оказался прекрасным знатоком “Микрокосма” Лотце, писаний Якова Бёме, Баадера, Фихте-младшего...»³². С. Липкин приводил слова Клюева: «Читал я Кантову “Kritik der reinen Vernunft” (“Критику чистого разума”). Ум глубокий, плодоносящий. Не то что Фойербах (так он произнес). Для него, дурнобашкового, Христос не Богочеловек, человеко-бог. Мелок немец»³³. При этом он многое осваивал в оригинале. Так, по словам Д. Хармса, он «свободно читал по-немецки и

³¹ Семёнова С. Г. Поэт «поддонной» России (религиозно-философские мотивы творчества Николая Клюева) // Николай Клюев: Исследования и материалы. С. 21 – 53.

³² Филиппов Б. Николай Клюев (К десятилетию со дня смерти поэта) // Новый журнал. Нью-Йорк. 1948. Кн. 19. С. 191. Николай Клюев. Воспоминания современников / Вступ. ст. Л.А. Киселёвой, сост., коммент. П.Е. Поберёзкиной. М., 2010. С. 304.

³³ Липкин С. В Овражном переулке и на Тверском бульваре // Николай Клюев. Воспоминания современников. С. 581 – 582.

в оригинале цитировал “Фауста” Гёте»³⁴; о свободно читающем и говорящем по-немецки Клюеве вспоминали М. Бахтин, Г. Иванов, М. Молдавский, Б. Филиппов.

Конечно, для Клюева Христос – Богочеловек. Но в 1910-е он далеко не во всем следовал иерархии в отношениях между человеком и Спасителем. Христос – «Божий Сын» и «брат одноотчий» («Брачная песня», 1910). В стихотворении в прозе «За столом Его» (1914) он описал свое видение: Господь, прощая людям заблуждения и искушения, ибо и Его взор «часто глядел в бездну греха», говорит о том, как отдаст поэту и его братьям Царствие Свое, откажется от венца Своего; Клюев переполнен любовью к Господу: «Тогда я пал на снег и закричал: “Боже, как я взойду на престол Твой, в побеждающий свет Твой? Я боюсь, что умрет от радости дух мой! Зачем так полюбил Ты меня неудержимой любовью?..” И вновь я вошел в тело, и огляделся вокруг. Было уже под вечер, когда я пришел домой»³⁵. Клюев принимал Христа благоговейно, но велик был и интерес к Его человеческой природе. Иванов-Разумник отозвался о клюевском Христе как о «подлинном “плотяном”»³⁶. Клюев не скрывал своей чувственности к Спасителю, достигавшей предела осязательности: «теплый животный Господь» брал его на Свою ладонь, поил Своей слюной, облизывал «добрым родимым языком, как корова оближивает новорожденного теленка»³⁷. Между 1916 и 1918 гг. Клюев создал цикл «Спас» из восьми стихотворений, в которых мистицизм сросся с натурализмом вызывающе: Спас ему и Бог, и супруг.

Опираясь на архаичный сюжет о сотворении первого человека из земной тверди, он создает антропологический миф о собственной плоти как планете, плоти земной. Так, в «“Я здесь”, – ответило мне тело...» душа путешествует по телу: приближается к сердцу-Мадриду («В моем лазоревом Мадриде / Цветут миндаль и кипарис!»), минует жёлчные луга, «края Желудка и Кишок» с салотопнями и свалкой нечистот, оказывается у «материка любви и неги»: «Лобок – сжигающий Морокко, / Где под смоковницей фонтан / Мурлычет песенку Востока / Про Магометов караван» и т.д. В многослойных метафорах опять же происходит этически чрезвычайное для русской поэтической традиции; «высокое» и «низкое», сакральное и натуралистическое – в одном интимном и интеллектуальном пространстве; так, Клюев мифологизирует «нивы ярых уд», «ядра» ассоциируются с алмазным плугом Христа, Зороастра, Браммы, вспахивающих нивы человеческого бытия.

³⁴ Мануйлов В. Из книги «Записки счастливого человека» // Николай Клюев глазами современников / Сост., подгот. текста, примеч. В.П. Гарнина. СПб., 2005. С. 155.

³⁵ Клюев Н. Словесное древо. 116.

³⁶ Иванов-Разумник Р.В. Три богатыря // Летопись Дома Литераторов. М., 1922. № 3. С. 5.

³⁷ Клюев Н. Гагарья судьбина. С. 35.

Итак, поэзия Клюева отражает его интеллектуальное становление, религиозное миропонимание, этические критерии, формирование его художественной системы. Его творчеству, как и его отношению с окружающими, свойственно учительство, он независим в оценках философских учений, политических событий, поэтических школ. Кругам творческой элиты он был интересен, он притягивал необычностью.

Пимен Карпов

Сектантская утопия. П. Карпов и Л. Толстой. Хлыстовство в революционном контексте. Попав в 1905 г. в Петербург, Карпов приобщился к революционному движению. Он вел агитацию среди крестьян, мечтал о Светлом Граде равных и счастливых, в российских проблемах обвинял интеллигенцию, требовал от нее покаяния. Религиозные убеждения Карпова явно имели под собой социально-экономическую почву, что нашло отражение в его брошюре «Говор зорь» (1909). Христианский социализм Карпова развился тогда, когда часть интеллигенции толковала о своем слиянии с народом на религиозной основе. Как писал С. Булгаков в «Религии человекобожия в русской литературе» (1908), христианство доступно и философу, и ребенку, и крестьянину, а русское благочестие по преимуществу простонародное. Булгаков обвинял интеллигенцию в раскрещивании народа, в том, что она прививает народу идеи Ницше, Маркса, Фейербаха. Карпов, как и Клюев, напротив, судил интеллигенцию за отсутствие в ней должной революционности, за неготовность жертвовать собой ради народа.

«Говор зорь» был одобрен Л. Толстым. В письме к автору от 20 ноября 1909 г. он назвал себя любящим братом Карпова. Толстой обсуждал «Говор зорь» в своем кругу, в одном из писем сообщал, что в книге содержатся его собственные мысли о науке³⁸. Известно о встрече Карпова и Толстого в Ясной Поляне, а также о нескольких письмах Толстого к Карпову. Возможно, не только опрощение и народолюбие Толстого послужили основанием для их отношений, не только близость крестьянского уклада и толстовских коммун, в целом толстовства с его программой религиозно-морального самоусовершенствования, с его проповедью любви, антибуржуазности, с его идеализацией патриархальности, с противостоянием и власти и официальной Церкви. В сознании Карпова переплелись боголюбие и жажда новых «христов»; Толстой же открыто отрицал божественное происхождение Христа. Кроме того, для обоих жизнь Л. Семёнова и А. Добролюбова стала примером истинного подвига. Размышлявший о них

³⁸ Письмо к Н.Н. Булакову от 11 декабря 1909 г. // *Толстой Л.* Полн.собр.соч. М., 1955. Т. 80. С. 240. По-видимому, речь идет о статье Толстого «О науке», увидевшей свет одновременно с «Говором зорь».

Толстой испытывал стыд за свою «дурную жизнь»³⁹, Семёнову писал о своем раскаянии за то, что не избрал того же «чистого и прямого пути»⁴⁰.

Но в идеологии Карпова не было места христианскому непротивлению в том виде, в каком его исповедовал Толстой. И Карпову, и Ключеву скорее ближе мысль, высказанная В. Розановым в статье «Еще о гр. Л.Н. Толстом и его учении о несопротивлении злу» (1896): слова Спасителя о непротивлении не есть завет «главный, универсальный, все собою покрывающий», а лишь «увещание», Толстой же «поработил все Евангелие одной строке в нем»⁴¹. Остро вопрос о непротивлении зверю, злу, встал в «Умозрении в красках» (1915) Е. Трубецкого: ужасу войны, искажению человеческого облика, нравственной тошноте, царствующему в мире аду человек противопоставляет «аминь». С годами христианское непротивление получило убедительное разъяснение в «Сопровитии злу силою» (1925) И. Ильина: Толстой не призывал к полному непротивлению и полагал, что борьбу со злом «целиком следует перенести во внутренний мир человека»⁴²; Христос изгнал торгующих из храма, Он говорил о «твоей» рубашке, о просящем у «тебя», о взявшем «твое», о «твоей» щеке, но не государства, не слабого и обиженного. Так и новокрестьянские писатели были против безвольного созерцания насилия, были чужды наивно-идиллическому пониманию морали. Христианство призывало их к действию. Примечательно, что Карпов и Семёнов познакомились друг с другом в тюрьме.

На примере творчества Карпова видно, как в общественном сознании стирались противоречия между религиозными и социалистическими категориями. Хлыстовское отрицание частной собственности, установка на единую братскую семью, ожидание нового «христа», конспиративная практика, противостояние правительству, жажда земного рая – все это сближало сектантов с революционерами. На смычку революционного движения и хлыстовства были направлены и интересы Ленина. Показательно исследование В. Бонч-Бруевича «Материалы по истории сектантства и старообрядчества» (впервые изданы в Англии, 1901 – 1902), легшие в основу подготовленного им для Ленина доклада «Раскол и сектантство в России» на Втором съезде РСДРП (1903). Сектанты, как и революционеры, вносили свой вклад в создание новой форм жизни.

«Пламень» и «Серебряный голубь». В 1913 г. был опубликован роман Карпова о жизни хлыстов-пламенников. Тираж «Пламени» был конфискован, автор подвергся

³⁹ Письмо Ю.О. Якубовскому от 5 – 7 ноября 1909 г. // Там же. С. 176.

⁴⁰ Письмо Л. Семенову от 29 октября 1909 г. // Там же. С. 203.

⁴¹ Розанов В.В. Собр.соч.: О писательстве и писателях / Общ. ред. А.Н. Николюкина. М., 1995. С. 12.

⁴² Ильин И. Путь к очевидности. М., 1993. С. 12.

преследованию за богохульство. В романе действуют и кормчий хлыстовского корабля, и отвергнутый Богом Сын, и враг пламенников – зачатый от демона и творивший дьявольские мессы, подчинивший себе Церковь помещик, и сатанаил – игумен Загорской пустыни. Хлысты показаны религиозно-общественной силой, противостоящей в борьбе за землю пролетариям, помещикам, сатанистам. Им понятна красота мира, они физически сильны, их сознание поэтично. Карпов, во-первых, вывел на страницах романа ту скрытую часть народа, которая, как магнит, притягивала к себе интеллигенцию, а во-вторых, он ее идеализировал. В.В. Розанову он писал о том, что «Пламень» – не беллетристика, что в нем он выразил то, что сам пережил и через что сам прошел, что «никто не знал до сих пор» описанного им мира, что «мир этот – новый мир грядущего Светлого Града»; ему же он высказал свое убеждение в том, что бездейственная любовь – «пошлость, ханжество», а «ненависть, зло – необходимы жизни, чтобы воспламенить чистые, не полумертвые елейные сердца на любовь и добро *действенные*»⁴³. Обращение именно к Розанову понятно – ему принадлежат слова, актуальные и для Карпова: «Как пишущий по религиозным вопросам, я н у ж д а ю с ь в свободе <...> На вековечную жажду свободы Церковь вековечно отвечала отказом»⁴⁴.

«Пламень» возмутил Мережковских и близких им жесткостью поставленных проблем, натурализмом, проступавшей через лексический и интонационный строй агрессивностью. Но Блок в своей рецензии увидел в «Пламени» социальную глубину, бунт, наконец, образ России, которая жадно смотрит в глаза революции, он поставил роман в один ряд с «Антихристом» В. Свенцицкого. Блок же отметил влияние Белого на поэтику «Пламени». Но в контексте карповской прозы имя Белого возникает и в связи с содержанием «Серебряного голубя» (1909), в котором изображена разрушительная сила хлыстовства в судьбе славянофильствующего поэта-символиста. По-видимому, «Серебряного голубя» имел в виду Карпов, когда писал о том, что «Пламень» – не беллетристика и мира хлыстов никто не знал. Сатанинскую природу Белый почувствовал не там, где ее обнаружил и впоследствии показал Карпов. Хлысты в интерпретации Белого – воплощение темных, грубых, опасных, по сути преступных, народных сил. В сектантах Белому виделся Распутин. Как писал он впоследствии, материал о хлыстах собирался по публикациям, в том числе Бонч-Бруевича, а также по увиденному в селах; кроме того, в интриге и психологическом узле отозвалась личная боль Белого: в увлекшей героя хлыстовке есть нечто от Л.Д. Блок («объективировав свою “болезнь” в фабуле, я

⁴³ РГАЛИ.Ф.419, оп.1, ед. хр. 481.

⁴⁴ Розанов В.В. Темный лик // Розанов В.В. Собр. соч.: В темных религиозных лучах / Общ. ред. А.Н. Никольюкина. М., 1994.С. 404.

освободился от нее»⁴⁵). «Пламень» интеллигенцию отвратил, испугал, «Серебряный голубь» был принят. Так, С. Булгаков «совершенно потрясен» книгой, потому что увидел в ней «такое проникновение в народную душу, какого мы не имели еще со времен Достоевского»⁴⁶, и эта душа – стихийная, демоническая.

Итак, хлыстовство интересовало партийцев, оно же пугало, но и притягивало к себе творческую элиту. Хлысты и хлыстовские богородицы заседали в религиозно-философских собраниях. О происхождении и сути хлыстов велись научные споры. Например, прочитав статью В. Бонч-Бруевича «Новый Израиль» (1910), Д. Философов, опираясь на работы К. Грасса и имея в виду восточную и эллинскую натурфилософию, писал: «Языческий элемент в хлыстовстве, несомненно, есть <...>»⁴⁷. Отметим, что, согласно Грассу, русские хлысты – эпигоны раннего восточно-христианского гнозиса, что, на наш взгляд, подтверждает близость хлыстовской культуры, в том числе литературы, гностическим тенденциям как модернистской литературы, так и богоискательству, богостроительству Серебряного века. В кругу символистов были попытки исторически оправдать антицерковность сектантства, к которому причисляли и общину Христа, что следует из статьи Н. Минского «О свободе религиозной совести» (1903). «Пламень», как бы к нему ни относились, оказался в потоке той общественности, которая была устремлена к катаклизмам. Сам Карпов в романе видел символы, выражающие стремление всего мира к преобразению⁴⁸.

Сергей Клычков

Специфика поэтики. Творчество Клычкова характеризуют отличные от Клюева и Карпова черты. Таких, как он, называют тихими лириками. Его ранняя поэзия формировалась не без влияния символистов. В литературных группах он не состоял, но посещал символистский кружок Эллиса и К. Крахта «Молодой Мусагет». «*Песни*» (1910) и «*Потаенный сад*» (1913) вышли в ориентированном на символистов издательстве «Альциона». Известно, что он участвовал в работе «Общества свободной эстетики». Возможно, на него влияло интеллектуального общения с М.И. Чайковским. В его поэзии, несомненно, сказались семейная старообрядческая культура⁴⁹ и тверской фольклор.

С одной стороны, раннему Клычкову присущ романтизм: лирический герой – певец и пастух, он меланхоличен, одинок, его мир – потаенный сад; развиты ставшие

⁴⁵ Белый А. Между двух революций. М., 1990. С. 316.

⁴⁶ Письмо от 13 – 17 дек. 1910 г. // Новый мир. 1989. № 10. С. 238.

⁴⁷ Философов Д.В. Изучение русского сектантства // Философов Д.В. Неугасимая лампада. Статьи по церковно-религиозным вопросам. М., 1912. С. 91. Karl Grass. Die russischen Sekten. // Die Gottesleute (Chlūsten). Lpz., 1905. Die weissen Tauben (Skopzen). Lpz., 1909.

⁴⁸ Письмо А.А. Измайлову от 1.01.14. ИРЛИ. Ф.115, оп.1, № 141.

⁴⁹ Клычковы принадлежали к старообрядцам австрийского толка.

впоследствии постоянными в его творчестве мотивы сна, тумана, луны; в узнаваемом пространстве проступает мистическая суть («Пасутся в тумане олени: / И кто-то у горних излук / Склонил золотые колени / И поднял серебряный лук»). С другой – тема жизненного пути решена в религиозном аспекте: образ Троеручицы, будто предрекая поэту судьбу, указывает на три дороги, которые ему предстоит пройти, одна – гедониста, вторая ведет «к темным елям в келью», «к печали», третья – к неизвестному смертным миру («Образ Троеручицы...», <1910>). Есть образы, в которых фольклорная традиция пронизана космизмом. Например, мистические старец («В золотых лучах полумесяца / Старец проходит чашами») или колдунок («Борода у него – мелкий дождичек, / В бороде у него – дуга-радуга»); овраги, леса, небо подвластны Деду («Повалил он много яров / Золоченым топором, / И поныне от ударов / В синем небе – эхо – гром»), Ладе («Ходит Лада – сеет, / Вкруг нее синеет. / Взборонёна борозда, / Что ни зернышко – звезда!..») Символы, уподобления, антропоморфные и зооморфные метафоры передают веру поэта в единый космос и единый тварный мир, в котором зверь – «брат и тезка» («Крыша вздернута, как уши, / Окна смотрят, как глаза», «Очи – свежая роса! / Брови – словно паруса» и т.п.).

В модернистской поэзии ранний Клычков занял свою нишу. П. Журов в докладе 1929 г. «Основной миф Клычкова» высказал предположение о том, что его поэзия ознаменовала третье поколение символизма⁵⁰. В самом определении третьего поколения символизма (помним, что 1910 год для символизма кризисный) очевидно желание, во-первых, усмотреть в поэзии Клычкова продолжение художественных и философских исканий символистов, а во-вторых, все же представить его поэтом постсимволистской эпохи. В «Заветах символизма» (1910) Вяч. Иванов, ища пути выхода символистской эстетики из кризиса, придал особое значение как мифологичности, так и переходу от усложнения жизни и искусства к их упрощению. И то, и другое, конечно, есть в «Песнях» и «Потаённом саде». Поэзия Клычкова увидена Журовым как новое эстетическое явление. Отметим, что новизна заключена в синтезе столь различных эстетических традиций, как символизм и фольклор, в котором символ играет далеко не последнюю роль. Если А. Потебня писал о том, что причиной образования символов в народной поэзии явилась «потребность восстанавливать забываемое собственное значение слов»⁵¹, то Иванов – о том, что символизм суть воспоминание о языке жрецов и волхвов. Ассоциативность клычковской образности в большей мере фольклорна: «Раскидают кафтаны, сермяги / Всё на заячьем белом меху, / Что одной-то полой на овраги, / А другою по лесу, по мху...» или

⁵⁰ РГАЛИ. Ф.2862, оп.1, ед.хр. 6.

⁵¹ Потебня А.А. О некоторых символах в славянской народной поэзии // Потебня А.А. Эстетика и поэтика. М., 1976. С. 222.

«Шубу белую, дубленую / уложила в сундуки, / Лишь подкладочку зеленую / Обронила у реки...».

Следует отметить образный лаконизм Клычкова. Поэзия Клюева не была для него примером, о чем он написал Б. Садовскому⁵². И дело не только в том, что ему чужда была пророческая направленность Клюева, его хлыстовская истовость. Специфика клюевских тропов – в чрезмерности, в высокой плотности образов. Клычков придерживался меры, избегал создавать образ по принципу «ушедшей квашни: теста много, а блинов мало», как он писал по поводу стихов Л. Столицы⁵³.

Экзистенциальные интенции. Клычкова отличала от других новокрестьян острота экзистенциалистского восприятия, Экклезиастовы сомнения относительно бессмысленности жизни и тщетности человеческой воли, рано к нему пришло предчувствие необоримой силы зла. 2 июня 1912 г. он писал Б. Садовскому: «Вот поэзия: павлин, прекрасный, солнечный павлин, распустивший свой жемчужный хвост на грязной дворе. Что было бы, если бы этому павлину выдрать хвост. А ведь, пожалуй, понемногу, понемногу, а выдерут! Умрет прекрасный павлин, смежит павлиньи очи, – роща и земля свернется клубочком и укатится с горки прямо... черту в рот – проглотит нас окаянный, не поперхнется, запьет добрым штофом, от удовольствия на последнюю зарю хвостом перекрестится и затаяет на всю вселенную пьяную, мерзкую бессмыслицу <...>»⁵⁴ Потому столь много печали в его ранней лирике, весенний сад увял, сюжет о Бове заканчивается гибелью героя: он забыт, из его сердца вырос крепкий дуб, в котором делят добычу совы («Бова», 1910, 1918). Поэт избирателен в цвете: серебро, синева, редко – золотое, алое. Судя по письмам, в том числе к Журову, деревня в его представлении – не Аркадия, крестьянин угрюм, широта и воля русского человека оборачиваются его же обреченностью; Клычков и в себе рано угадал обреченность: он – как бычок Мишка, придет пастух Нил и зарежет его. Такие настроения не могли не отразиться в стихах 1914 г.: «Слушай, сердце, повечеру слушай / Похоронную песню берез!..» («Лес шумит и шумит, опадая...»), жизнь «Словно в поле холмик свежий / Без могилы и креста» («Грежу я всю жизнь о рае...»). Летом 1914 г. он был призван на войну. О его фронтовой жизни известно крайне мало, но из письма к Журову от 23 февраля 1917 г. видно, что пережитое на войне заставило его полюбить жизнь.

⁵² Письмо от 2.06.12. См.: Солнцева Н. Последний Лель: О жизни и творчестве Сергея Клычкова. М., 1993. С. 27.

⁵³ Письмо Б. Садовскому от 2.06.12. РГАЛИ. Ф.464, оп.1, ед.хр. 69.

⁵⁴ Там же.

Сергей Есенин

Влияния. Прежде всего – влияние семьи: первые три года своей жизни он провел в доме бабушки, А.П. Есениной: напротив дома стоит Казанская церковь, богомазы которой жили у Есениных; у деда, Ф. А. Титова, в доме которого прошло детство и отрочество, будущего поэта окружали иконы, в том числе Богородичные: «Я поверил от рожденья / В Богородицын покров» («Чую радуниц у Божью...», 1914). Неоспоримое влияние на сознание Есенина оказал о. Иоанн (Смирнов) – константиновский священник и законоучитель Константиновской земской школы. Интеллектуальная атмосфера его дома, его библиотека питали юного Есенина духовно и умственно. В дореволюционной лирике Есенина исконная сельская культура, включая ее бытовые, трудовые, поэтические, философские и религиозные составляющие, обогащалась внешними влияниями, источниками их были Н. Клюев и Р. Иванов-Разумник. Д.П. Святополк-Мирский высказал догадку о психологической неизбежности безусловного влияния Клюева и Иванова-Разумника на Есенина: и тот, и другой были людьми «с прочным идейным стержнем, без сомнений и без тоски. Подчиниться им Есенин должен был очень легко»⁵⁵. Как напишет Есенин в «О муза, друг мой гибкий...» (1917 – 1918): «Апостол нежный Клюев / Нас на руках носил», «Звездой нам пел в тумане / Разумниковский лик». Следует назвать А. Белого. Интерес был взаимный. К февралю 1917 г. относится запись Белого: «Этот месяц переживаю полосу увлечения поэзией Есенина и Клюева»⁵⁶. В заметке «О себе» (1925) Есенин написал: «Белый дал мне много в смысле формы, а Блок и Клюев научили меня лиричности»⁵⁷. И. Розанову он говорил: «Андрей Белый оказал на меня влияние не своими произведениями, а своими беседами со мной»⁵⁸. В черновике некролога на смерть А. Белого поэт, редактор Г. Санников отметил, что Есенин был под влиянием Белого, равно как «Маяковский, Бабель, Олеша и очень, очень многие другие»⁵⁹. Мироззрение Есенина во многом формировалось и благодаря профессорам, преподавателям историко-философского отделения Московского городского народного университета им. А.Л. Шанявского⁶⁰.

⁵⁵ *Святополк-Мирский Д.* Есенин // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. Вступ. ст., сост., коммент. Шубниковой-Гусевой Н.И. М., 1993. Т. 2. С. 63.

⁵⁶ Цит. по: *Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. Т. II / Гл. ред. А.Н. Захаров.* М., 2005. С. 23.

⁵⁷ *Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912 – 1925. Проза 1915 – 1925 / Сост. и общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой.* М., 1995. С. 303.

⁵⁸ *Розанов И.Н.* Воспоминания о Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: В 2 т. Вступ. ст. и коммент. А.А. Козловского. М., 1986. Т. I. С. 442.

⁵⁹ *Андрей Белый. Григорий Санников. Переписка. 1928 – 1933 / Сост., предисл., коммент. Д.Г. Санникова.* М., 2009. С. 214.

См.: *Михаленко Н.В.* Небесный Град в творчестве С.А. Есенина: поэтика и философия. Автореф. дис....к.ф.н. М., 2009. С. 12.

В самом начале 1910-х годов Есенин явно ориентировался на гражданско-романтические темы классиков XIX в. Прежде всего речь идет о назначении поэта. Поэт – чердачный житель, маргинал в мире *profanum vulgus*, готов клеймить толпу и принести себя в жертву людям: «Тот поэт, врагов кто губит, / Чья родная правда – мать, / Кто людей, как братьев, любит / И готов за них страдать». Ему близок М. Лермонтов; в четырнадцать лет он наизусть знал «Мцыри», в 1916-м говорил, что жить надо не дольше Лермонтова; ощутимы и лермонтовские интонации («Думы печальные, думы глубокие, / Горькие думы, думы тяжелые, / Думы, от счастья вечно далекие, / Спутники жизни моей невеселые»).

Религиозные акценты. Вере в высокую миссию поэта-пророка отвечали религиозные интенции молодого Есенина. В ранней лирике он ориентировался и на христианские образы, и на жанровые традиции духовных песен, псалмов. Есенин не был человеком церковного склада, но ему с детства была привита христианская культура, во многом определившая его понимание мира в целом, грядущих революций в частности. Кроме того, он с детства воспринимал Библию и эстетически, и как проект собственной судьбы: «Мне нравилось, что там все так громадно и ни на что другое в жизни не похоже. Было мне лет двенадцать – и я все думал: вот бы стать пророком и говорить такие слова, чтобы было и страшно, и непонятно, и за душу брало. Я из Исаяи целые страницы наизусть знал»⁶¹. Он писал Г. Панфилову в 1913 г.: «<...> в настоящее время я читаю Евангелие и нахожу очень много для меня нового...»⁶². Судя по письмам к Панфилову, Бога Отца он понимал как царство природы, Христос в его восприятии – совершенство, он хотел Ему подражать, был готов молиться за своих врагов, любить «и преступников, и подлецов, и лжецов, и страдальцев, и праведников»⁶³, сознавая, что может оказаться одним из них. Он знал о жизни за чертой земного существования, но верил в Христа не из-за страха перед жизнью после смерти, а просто «как в человека, одаренного светлым умом и благородною душою»⁶⁴. Он воспринял от Христа истину о том, что все суть одна душа, потому в дальнейшем отрицал всякое насилие.

Итак, Есенин в письмах 1913 года – христианский моралист. В его поэзию входят образы Св. Николая (Миколы), Св. Георгия (Егория), Богородицы «с пречистым Сыном на руках». Так, в духовном стихе «Шел Господь пытатъ людей в любви...» (1914) описана встреча неузнанного Господа и старого деда, подавшего Ему на бедность. В «Я странник убогий...» (1915) Есенин пишет о себе: «На сердце лампадка, / А в сердце Иисус»; он

⁶¹ *Рождественский Вс.* Сергей Есенин // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. 2. С. 124.

⁶² Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы / Общ. ред. Н.И. Шубниковой-Гусевой. М., 1995. С. 28.

⁶³ Там же. С. 30.

⁶⁴ Там же. С. 28.

уподобляется страннику, поющему о Боге «касаткой степной». Но в православной теме Есенин – лирик. Пророчество начальных стихов сменилось чувственностью. Пишет ли он о Пасхе, о Троице, он прежде всего сосредоточен на состоянии души. Псалом «Не ветры осыпают пуши...» (1914) – откровение о любви и скорби. Есенину интересен мир калик, он и сам – странник и кроткий инок: «В сердце почивают тишина и мощи». Лейтмотив его поэзии 1914 года – благодать.

Его главная тема – природа. В пейзажах ранней лирики встречаются тропы литургического характера. Березы ассоциируются со свечами, глухарка зовет к всенощной, «кроткие монашки» ивы «вызвенивают в четки» и т.п. В «Сохнет стаявшая глина...» (1914) образ ветра, «рыжего ласкового осленка», соотнесен с образом Христа: «Кто-то в солнечной сермяге / На осленке рыжем едет»; в «Чую радуницу Божью...» (1914) природа – олицетворение Христа: «Между сосен, между елок, / Меж берез кудрявых бус, / Под венком, в кольце иголок, / Мне мерещится Исус».

Как другие новокрестьяне, он создал двупостасный мир видимой и скрытой реальности. Кроме того, литургичность его пейзажей сочеталась с их органичностью, почвенностью.

Витализм. Помимо религиозной поэтизации мира в есенинской лирике выразилась жажда жизни; в пейзажах, равно как и в чувствах лирического героя, раскрывается колоссальная органическая сила. В цикле «Русь» (1914) Россия – «родина кроткая», разгульная, колдовская, веселая, прозаичная. И созерцательный, пасторальный лиризм, и экспрессия в одинаковой мере отражают влюбленность в жизнь, нетрагическое (скорее гедонистское) к ней отношение, готовность принять ее страстно, во всей полноте, вплоть до собственной ранней истощенности: «Все встречаю, все приемлю, / Рад и счастлив душу вынуть. / Я пришел на эту землю, / Чтоб скорей ее покинуть» («Край любимый! Сердцу сняться...», 1914). В лексике, интонациях, фонетике стиха раскрывается энергетика, целеустремленность, по Аристотелю («О душе») – энтелехия (entelecheia), витальная доминанта, силовое поле, порождающее жизнь. Витализм становится определяющим и в творческих интенциях Есенина, и в его личной жизни, и в общественных устремлениях. Лирический герой (не только «белобрысый босяк», но даже «смирный инок», «богомolec») – максималист, соперничающий почвенным и космическим движениям, ощущающий себя внутри природных потоков: «Хочу концы земли измерить, / Доверясь призрачной звезде», «Я хотел бы затеряться / В зеленях твоих стозвонных», «Гой ты, Русь моя родная», «Слышу шепот сосняка», «Я молюсь на алы зори, / Причищаюсь у ручья», «Черная, потом пропахшая выть! / Как мне тебя не ласкать,

не любить?» и т.п. Он экспрессивен и сопричастен, когда пишет и об убогой стране, о «горевом» народе: «И впилаась в худое тело / Спаса кроткого печаль».

Двойственность лирического героя. Есенин, Рильке, Рембо. Есенинская витальность не могла не породить в нем бунтаря. Этому могла способствовать и тяжелая жизнь деревни военной поры («Нечем нам на помин заплатить попу», «И был как пасынок твой я», «Родина, черная монашка, / Читает псалмы по сынам»). Его воля устремлена к раю на земле: «Не одна ведет нас к раю / Богомольная тропа» («Наша вера не погасла...», 1915). Он романтизирует Марфу Посадницу, Разина, Пугачева, Ваську Буслаева, кандалных людей, каторжников, «убийц или воров», ту Русь, которая мелькнула у Блока «разбойной красой» и «тоской острожной» («Россия», 1908). В противоположность китежской Руси и вслед за блоковским «Чудь начудила, да Меря намерила» («Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?..», 1910) он объясняет русскую безмерность исторической спецификой: «Затерялась Русь в Мордве и Чуди, / Нипочем ей страх» («В том краю, где желтая крапива...», 1915). В есенинской лирике появляется образ озорника, хулигана, богоотступника, бродяги, висельника: «Но и я кого-нибудь зарежу / Под осенний свист», «В зеленый вечер под окном / На рукаве своем повешусь», «Не ищи меня ты в Боге», «Пьяно кружуся я в роще помятой», «Уйду бродягою и воров», «И друг любимый для меня / Наточит нож за голенище». Такой лирический герой сосуществует с прежним – элегическим: «Полюбил я тоской журавлиною / На высокой горе монастырь», «Помолись перед ликом Спасителя / За погибшую душу мою», «Опять я теплой грустью болен / От овсяного ветерка. / И на известку колоколен / Невольно крестится рука», «И грусть вечерняя меня / Волнует непреодолимо».

Столь различные лирические «я» побуждают выстраивать соответственный литературный контекст. Безусловный интерес вызывает статья О. Вороновой «К проблеме “Сергей Есенин и русско-немецкие литературные связи (С. Есенин и Р.М. Рильке)”», в ней рассмотрены общие пасторальные мотивы в описании сельщины: «Поэзия раннего Рильке, как и Есенина, проникнута единством христианского и крестьянского мировидения. Как и в есенинском творчестве, деревенская изба является центром художественной Вселенной молодого Рильке»⁶⁵. Будем иметь в виду, что свой «Часослов», в котором есть и русский иннок, и странник, и размышления о Боге, Рильке издал в России в 1913 г. (перевод Ю. Анисимова). О. Воронова не исключает и факта знакомства Есенина с воспоминаниями С. Дрожжина «Современный немецкий поэт Р.М. Рильке» (1913). Вот как описал Г. Забежинский свой разговор с Клычковым о Есенине: «У нас с Клычковым было ощущение, что он преисполнен верой Алеши Карамазова, одарен

⁶⁵ Современное есениноведение. 2004. № 1. С. 22.

мягкой женственной душой, что он бредет по деревенским садам, перед избами, пахнущими мятой и ладаном, нежной поступью инока, может быть, близкого по характеру тому самому русскому монаху, в душу которого вселился Райнер Мария Рильке, когда писал свой «Часослов»⁶⁶.

Но не менее интересны и аналогии поэзии Есенина и Вийона, Рембо, Верлена, Бодлера⁶⁷. Возможно, есенинский поэтический эпатаж, как и двойственность его лирического героя, проявились не без их влияния. Отметим, что Верлен – один из любимых поэтов Клюева. Учтем и сказанное о Есенине И. Эренбургом: «Оказалось, что он читал в переводе Верлена, даже Рембо»⁶⁸. Он мог читать переведенного Рембо в сборниках русских поэтов, в антологиях 1980 – 1910-х гг. Молодого Есенина и молодого Рембо, пик таланта которого пришелся на пятнадцать – девятнадцать лет, связывает многое, и это многое происходит от поэзии и не от поэзии – от общего в их природе, в обстоятельствах жизни. Оба настроены на взрыв, противостояние (Рембо воспевал борцов Парижской Коммуны), оба обратились к каторжной натуре, в обоих – кабацкая энергетика, поэтизация бродяжничества, но и обожание природы. В есенинском лирическом герое сосуществуют и «сердцем чист», и «зарезу»; двойственность и во внутреннем мире Рембо, в его стихах – и исповедь, и мрачное пророчество, и гимн анархической свободе, и страстность, и восторг перед миром. По свидетельству И. Розанова, Есенин рано испытал религиозные сомнения, с детства узнал «резкие переходы» от молитвенности к озорству, желанию «кошунствовать и богохульствовать»⁶⁹; Рембо, автор многих богохульных строк, писал о себе: «Никогда не вижу себя ни в соборных Христе, ни в соборных сеньоров, представителей Христа на земле»⁷⁰. Но у Есенина была мера; мы не найдем у него ни в 1910-х, ни в 1920-х такого болезненного натурализма, такой вызывающей вульгарности и столь грубой антирелигиозности, какая есть в лирике Рембо.

Общие мотивы в ранней лирике С. Клычкова и С. Есенина. Есенин писал, что лиричность воспринял от Н. Клюева и А. Блока («О себе», 1925). Однако лиричность была в его поэзии и до знакомства с ними. Вероятно, в большей степени Клюев (первое письмо Есенин написал ему 24 апреля 1915 г.) стремился развить в нем эпическое мышление, религиозную глубину, понимание высокого – апостольского – предназначения

⁶⁶ Забежинский Г. О творчестве и личности Сергея Есенина // Русское зарубежье о Есенине. Т. I. С. 72.

⁶⁷ См.: Солнцева Н. Странный эрос: Интимные мотивы поэзии Николая Клюева. М., 2000. С. 81 – 88; Никё М. «Литературная личность» Есенина и традиция «проклятых поэтов» // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. М. – Константиново – Рязань, 2007. С. 219 – 225.

⁶⁸ Эренбург И. Был поэт... // Сергей Есенин в стихах и жизни: Воспоминания современников. С. 208.

⁶⁹ Розанов И. Н. Воспоминания о Сергее Есенине // Там же. С. 303.

⁷⁰ Рембо А. Одно лето в аду // Рембо А. Стихотворения. Озарения. Одно лето в аду. СПб, 1999. С. 190.

творчества. Характеру есенинской поэзии ближе созерцательность стихов Клычкова. Поэзия обоих отмечена сильным лиризмом.

Из «Нечто о себе» (1925) Есенина можно предположить, что он узнал Клюева и Клычкова в годы занятий в университете Шанявского, в 1913 – 1914-м. Г. Забежинский вспоминал, что Клычков познакомил его с шестнадцатилетним Есениным в пору собраний символистов в студии К.Ф. Крахта (кружок просуществовал до 1913 г.), куда Клычков хотел привести Есенина⁷¹. Значит, в 1911 г. Но Есенин приехал в Москву в конце июля 1912 г. Итак, точную дату знакомства Есенина и Клычкова мы не знаем. Их общение продолжалось до 1914 г. – летом Клычкова призвали на войну. В группе «Краса» Клычков не участвовал – в 1915-м он служил в Гельсингфорсе. Есенин осведомлялся о его судьбе, что видно из письма к Л. Столице от 28 июня 1916 г. Возобновились отношения в 1917 г.

Литературный дебют Клычкова состоялся в шестнадцать лет – в 1907-м, первая книга стихов вышла в 1910-м – ему было девятнадцать. Первая публикация Есенина пришлась на январь 1914-го; первый сборник вышел в январе 1916-го – поэту было двадцать лет. Отметим, что, по Забежинскому, Клычков называл юного Есенина гениальным. Есенин чувствовал в Клычкове родственного поэта, но, как это видно из есенинского письма к А. Ширяевцу от 21 января 1915 г., не во всем разделял его поэтический вкус⁷².

Позднее, в «Лысой горе» (1922 – 1923), Клычков говорил о душе как подлинном источнике поэзии. В автобиографии 1924 г. Есенин писал, что искал язык, которым хотел выразить себя. О лиризме как главном содержании поэзии идет речь и в его предисловии к предполагаемому собранию сочинений в издательстве артели писателей «Круг» (1924). В «Отчем слове» (1918) он уверял, что истинный поэт не проповедник. По Есенину, лиричность – основа русского мироощущения. Лиричность он ценил и в прозе, например в «Голом годе» Б. Пильняка («О писателях-“попутчиках”», 1924). Отметим, что он не отождествлял лиричность с меланхоличностью, сентиментальностью, слезами («В.Я. Брюсов», 1924).

⁷¹ Забежинский Г. О творчестве и личности Сергея Есенина // Русское зарубежье о Есенине. Т. I. С. 71.

⁷² К тому времени критики воспринимали их явлением одного литературного ряда. Так, в статье И.А. Оксёнова «“Взыскательный художник”: О творчестве современном и грядущем» («Журнал для всех». 1915. № 10) Есенин, Клычков, а также Клюев, Ширяевец были объединены как выразители национальной сути; в статье М. Левидова «“Народная” поэзия» («Журнал журналов». 1915. № 30) Клюев, Клычков, Есенин – поэты одной эстетической и социальной тенденции; в статье В.Л. Львова-Рогачевского «Великое ожидание: (Обзор современной русской литературы)» («Ежемесячный журнал». 1916, февраль) содержалась благосклонная оценка творчества Клюева, Есенина, Клычкова – поэтов-крестьян.

Ранний Клычков называл себя певцом и пастухом, его лирический герой кроток и печален. В стихах раннего Есенина есть претензия на пророчество, но все же определяющая черта – интимность. Лирический герой раннего Клычкова целен, Есенина – инок, босяк, странник, разбойник. Оба поэтизируют крестьянскую усадьбу, и «низкие» реалии тоже: дряхлую корову, мозоли на руках и т.п. Важнее следующее: ни Клычков, ни Есенин уже в раннем творчестве не столько изображают мир усадьбы, сколько передают субъективные восприятия. По Есенину, настоящий поэт – не отобразитель («Отчее слово»). При этом в поэзии того и другого утварь, дом, деревня, природа, космос – единое пространство. Отсюда и образы, соединяющие небо и почву. У Клычкова: «Месяц клонится щербатый / В васильки сырой межи» («Пахнет по полю полынью...», 1912 – 1913), «В небе месяц родился / И серпом лег у межи» («Зоряница», 1912) и т.п.; у Есенина: «Коромыслом серп двурогий» («Королева», 1913 – 1915), «Гарь в небесном коромысле» («Край любимый!..», 1914) и т.п. Лирика того и другого лишь соприкасается с пасторальной традицией. Уже в раннюю пору оба писали об убогости крестьянской жизни. У Есенина: «горевая полоса», «чахнет старая церквушка», веки богомольцев «выглодала даль» («Сторона ль моя, сторонка...». 1914); у Клычкова: «Сегодня у нас на деревне / Дерутся, ругаются, пьют» («Сегодня у нас на деревне...», 1914.). Одновременно, в 1912 г., в их лирике появляются идентичные сюжеты – они пишут о своем рождении на природе; в «Была над рекою долина...» Клычкова читаем: «В дремучем лесу у села, / Под вечер, собирая малину, / На ней меня мать родила...»; в «Матушка в купальницу по лесу ходила...» Есенин описывает, как мать его «породила» в лесу, в «травном одеяле». К слову, образ матери встречаем в есенинских «Бабушкиных сказках» (1913 – 1915), «В хате» (1914); у Клычкова: «И тайком моя матушка молится / И кладет за поклоном поклон...» («Вся в тумане, в дремоте околица...», 1914). Больше места в ранней лирике поэтов отдано образу деда – труженика; впрочем, в свод образов Клычкова первой половины 1910-х гг. включен и некий мифологический дед, выполняющий космические обрядовые работы («Сквозь весенний сумрак синий...», 1913; «Мокрый снег поутру выпал...», 1913, «Хоромы Лады», 1910). В раннюю пору Клычков более Есенина склонен к мифологизации, к магическим фантазиям, его магический реализм проявился уже в начальной лирике.

Образ крестьянского мира чрезвычайно метафоричен уже в первых поэтических опытах и Есенина, и Клычкова. Поэтика модернизма свойственна их творчеству, но не является результатом школы. Она проявилась в тропеизации текстов. Например, сквозной образ месяца (полумесяца, луны) лишен глубокого философского смысла, какой характерен для лирики символистов; в лирике Есенина и Клычкова месяц – реалья среды

обитания, но эта среда сама по себе имеет и повседневный смысл (в стихотворении Клычкова 1910 г. «Сегодня вечером над горкой...»: «В тумане пес протяжно лаял / На запоздавшую луну»; в стихотворении Есенина 1914 г. «Колокол дремавший...» – просто «белая луна»), и магический: в 1910 г. в лирике Клычкова появился образ «И бычок бодает тучу / Красными рогами» («Леший»), в 1916 г. у Есенина прозвучало: «Месяц рогом облако бодает...» («Месяц рогом облако бодает»). Оба создали метафорические жанровые картины и сюжеты. В «Чарах» (1913 – 1915) Есенин пишет о весне: «Пьяна под чарами веселья, / Она, как дым, скользит в лесах, / И золотое ожерелье / Блестит в косматых волосах. / А вслед ей пьяная русалка / Рососою плещет на луну». У Клычкова леший встал – и ожили кочки, пни, из-под платка Лады выплывают облака, или: «Лель цветами всё поле украсил, / Все деревья листьями убрал. / Слышал я, как вчера он у прясел / За деревнею долго играл...» («Лель цветами всё поле украсил...», 1914). Характеристике их поэтики в полной мере соответствуют слова Ю. Лотмана о тропах, являющихся «не внешним украшением, некоторого рода апплике, накладываемым на мысль извне, – они составляют суть творческого мышления, и сфера их даже шире, чем искусство»⁷³. Очевидный источник ассоциативного творческого мышления Есенина и Клычкова – космизм крестьянского сознания, порожденный образом жизни, спецификой труда и выраженный в фольклоре.

Особый аспект их ранней лирики – бытийные темы, свободные от модернистской философичности. Не по возрасту рано появляется тема смерти. Например, у Есенина от образа могилы, в которой он залечит «разбитые силы» («Пребывание в школе», 1911), от подражательного «И вот я кончил жизнь мою» («Исповедь самоубийцы», 1913 – 1915) – к подлинной интимности: «И меня по ветряному свею, / По тому ль песку, / Поведут с веревкою на шее / Полюбить тоску» («В том краю, где желтая крапива...», 1915); у Клычкова: «Завтра рано я умру – / Месяц выкует из звезд / Надо мной высокий крест» («У оконницы моей...», 1910). Оба рано обратились к религиозной теме. Причем Есенин в гораздо большей степени, чем Клычков. Еще одна тема – война. У Есенина она в эмоциональном отношении многообразна: «По селу тропинкой кривенькой...» (1914), «Молитва матери» (1914), «Бельгия» (1914), «Узоры» (1914), «Польша» (1915), «Русь» (1914), «Удалец» (1914 – 1915). Экзистенциализм Клычкова объясняет аскетичность в подборе мотивов («Грежу я всю жизнь о рае...», 1914; «Свет вечерний мерцает вдоль улиц...», 1914; «В далеком захолустье...», 1917; «Прощай, родимая сторонка...», 1917 – 1918). У обоих поэтов рано обозначилась негативная коннотация мотива города как чужого пространства (у Есенина «Город», 1915; у Клычкова «Над полем туманит,

⁷³ Лотман М.Ю. Риторика // Лотман Ю.М. Чему учатся люди. М., 2010. С. 161.

туманит...», 1914). Конечно, оба пишут о любви. У Клычкова она платоническая, мистико-романтическая, у Есенина преобладает страстность: «Мне хотелось в мерцании пенистых струй / С алых губ твоих с болью сорвать поцелуй» («Подражанье песне», 1910), «Зацелую допьяна, изомну, как цвет» («Выткался на озере алый свет зари...», 1910) и т.п.

Оба работают со звукописью, с жанровыми формами (это и элегия, и частушка, и романс, и духовный стих), оба стремятся к смысловой целостности в пределах одной – двух строк. Оба не сдерживают себя в цветовой образности, предпочитая пространственные цвета (синий, голубой, редко – бирюзовый, еще реже – зеленый). Частые в дохристианском искусстве красный (Есенин предпочитает «алый», «малиновый», «багряный», «багровый», «лазоревый») и желтый как цвета телесные в их лирике помимо традиционного назначения служат и созданию образа пространства. Излюбленные – золотой, серебряный, ими пронизаны космос, природа, плоть, быт: от серебряного тумана до серебряных ресниц, от золотой тучки и золота солнца до золотой чарочки и золотых снопов. Встречается белый (жемчужный) и непродуктивен черный.

Ранняя проза. Проза Есенина являет синтез классических традиций и модернистских стилевых исканий Серебряного века. Повесть «Яр» написана в Константинове летом 1915 г., появилась в печати в 1916 г. – после неореалистических, близких импрессионизму рассказов И. Бунина, Б. Зайцева, И. Шмелева, после прозы символистов, после экспериментальной прозы А. Ремизова. В интонационном, метрическом отношении эта повесть – особый тип прозы. Как пишет Ю. Орлицкий: «<...> уникальная для прозаического произведения урегулированность объема строф-абзацев, каждый из которых, как правило, состоит из одного предложения, что позволяет отнести “Яр” к так называемой “версейной” прозе, строфика которой ориентирована на библейских “стих” (“версэ”))⁷⁴. О поэтизации повести говорит активность «метрических фрагментов, длиной более четырех стоп двухсложного и трех стоп трехсложного размера»⁷⁵, но еще и дробность текста, тропеизация языка, экспрессивная лексика, что, заметим, не помешало рождению почвенного, органического образа, не очень-то характерного для модернистской и неореалистической прозы Серебряного века. Стиль «Яра» гетерогенный. При явных сюжетных и «персонажных» традициях повести⁷⁶ в языке есть игра: «По оконцам кочкового болота скользили волки», «Месяц в облаке качался, как

⁷⁴ Орлицкий Ю.Б. О стихосложении новокрестьянских поэтов (к постановке проблемы) // Николай Клюев: Исследования и материалы. С. 156.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Прокушев Ю. О прозе Сергея Есенина // Есенин С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1979. Т. 5. С. 280 – 304; Шахов В. Проза С.А. Есенина (традиции и новаторство) // С.А. Есенин. Эволюция творчества. Мастерство. Рязань, 1979. С. 44 – 66; Мекш Э. Чеховские традиции в повести Есенина «Яр» // <http://www.esenins.ru/c80.html>; Солнцева Н.М. Проза С. Есенина // Проблемы научной биографии С.А. Есенина / Отв.ред. О.Е. Воронова, Н.И. Шубникова-Гусева. Рязань, 2010. С. 104 – 116.

на подвесках», «Полночь проглотила гомон коростелей»⁷⁷; Есенин вводит в текст неологизмы («подлунье», сарафан был «скороблен ледяным застывом» и т.п.), диалектизмы («под обротями тропыхались вяхири», «корогод» и т.п.), вульгаризмы («Дед Иен высморкался, отер о полу халата сопли и очистил об траву»).

Неопытный в эпических жанрах Есенин в относительно небольшом тексте высказывает многое из того, что знает о крестьянском укладе. В повести есть и любовная тема, и социальная, и бытовая, и философская. Таким образом «Яр» актуален не только для характеристики стилевой специфики литературы того времени, но и для характеристики мировоззренческих установок 1910-х гг., в частности популярных среди интеллигенции взглядов на крестьянство, на национальные особенности: кто-то искал истину в народе, кто-то писал о нездоровье народной души. Повесть написана в том же году, когда появилась статья М. Горького «Две души». Позиция Есенина зрелая, в ней нет идеализации народа, но нет и снобистского скепсиса. Он изобразил живую, многотрудную, страстную и кроткую жизнь. Например, это касается любовной линии. Убедительны психологические, социальные портреты крестьян (Афонюшка, жертвующий на церковь деньги, вор Иен, куражливый Аксютка, насмерть забивающие его мужики и др.). Судьба к мужикам неблагоприятна. Письма Есенина 1915 г. не проясняют причин отсутствия в «Яре» удачливых, легких, ладящих с судьбой людей. Сам он, покинув родной дом, был успешен. Возможно, ему передались тревоги прототипов героев, сказались общие настроения военного времени. В повести и Церковь – не заступница.

Пусть Есенин был неудовлетворен повестью, пусть появились сдержанные рецензии, пусть, наконец, Горький решил, что «Есенин написал плохую вещь <...>»⁷⁸. Важно, что поэт нашел в русской прозе свою нишу. В 1916 г. был опубликован его рассказ «У белой воды», возможно, написанный в том же 1915 г.; этот текст – пример и тяготения прозы к поэзии, и модернистской стилистики при реалистичности характеров. Отметим экспрессию описания плотского томления, явно порожденную языком «Серебряного голубя». Достаточно сопоставить лексику текстов. К месту вспомнить слова И. Старцева о восприятии Есениным романа Белого: «И читал наизусть описание дороги мимо села Гуголева, восхищаясь плотскими судорогами рябой Матрены»⁷⁹. В новой стилистике, сочетающей фольклорные (плачевые и сказочные интонации, семантически однородные глаголы, глаголы с отрицанием, глагольные перехваты и проч.) и модернистские черты, написан опубликованный в 1917 г. «Бобыль и Дружок». С лирической экспрессией написаны эстетические эссе и рецензии Есенина («Ярославны

⁷⁷ Цит. по: Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912 – 1925. Проза 1915 – 1925.

⁷⁸ Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. С. 311.

⁷⁹ Старцев И.И. Мои встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. I. С. 411.

плачут», 1915; «Отчее слово», 1918; «О “Зареве” Орешина», 1918; «Ключи Марии», 1918; «Быт и искусство», 1920). Эссеистская практика Есенина также сложилась не без участия Белого⁸⁰.

II. Конец 1910-х – начало 1920-х годов

Скифство в новокрестьянском восприятии революций. Сближение новокрестьян с Р.В. Ивановым-Разумником, автором двухтомной «Истории русской общественной мысли» (1906), будущим лидером скифства, приходится на 1916 г. В письме к Ширяевцу от 24 июня 1917 г. Есенин характеризовал Иванова-Разумника: «Натура его глубокая и твердая, мыслью он прожжен, и вот у него-то я сам, сам Сергей Есенин, и отдыхаю, и вижу себя, и зажигаюсь об себя»⁸¹. Скифство, оформившееся в работах Иванова-Разумника как новое направление русской мысли, представляло собой неопочвенничество с установкой на стихийные, органичные, внебольшевистские движения, на духовное и социальное преобразование России, исторический выбор которой – особый. Современный скиф противопоставлен и буржуазии, и социал-демократии, но ему близки эсеры. Основную преобразующую силу Иванов-Разумник видел в народе. В нем он угадал колоссальный потенциал сродни скифскому (скиф – вольный, стихийный, деятельный, он воин и защитник), но знал и о его черноте, в которой винил интеллигенцию. Интеллигенция, по Иванову-Разумнику, вне народной почвы – бесплодная смоковница. И в 1913 г. («Клопиные шкурки»), и в 1917 г. («Микула и Вольга») он обвинил интеллигенцию в равнодушии к народу, обозначил их чужеродность.

⁸⁰ Есенин посвящает Белому «Пришествие» (1917), и поэма Белому нравится; Белый открыт к общению с Есениным, готов сотрудничать в «Знамени труда», поскольку к нему готов Есенин, как и Блок, Клюев, Ремизов. Они участвуют в создании «Московской трудовой артели художников слова», становятся лекторами открывшейся в октябре 1918 г. Школы стихосложения. Они природно похожи. В. Пяст вспоминает: «В юном Есенине было нечто “ланье”, как за девятнадцать лет до того в юном Андрее Белом» (*Пяст Вл. Встречи с Есениным // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т. II. С. 95.*). Блок 4 января 1918 г. записывает свои впечатления от Есенина, повторяющего интонации и жесты Белого. Есенин стремится закрепить личные связи с Белым – тот становится крестным отцом его сына. Белый притягивает своим интеллектом: в библиотеке Есенина есть работа Белого «Рудольф Штейнер и Гете в мировоззрении современности» (1917), как есть и работа Штейнера «Мистерии древности и христианство» (1912), актуальная для эстетики Есенина. В августе 1918 г. у них состоялся разговор, по отзыву Белого, «значительный» (цит. по комментариям к: Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., вступ. статья и коммент. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 165.), а в октябре 1918 г., после их беседы о творчестве, Белый предлагает ему опубликовать свои мысли о поэзии в предполагаемом (но так и не вышедшем) альманахе «Змий», куда его пригласили в качестве редактора.

⁸¹ Сергей Есенин в стихах и жизни. Письма. Документы. С. 71.

В 1917 и 1918 гг. вышли два выпуска альманаха «Скифы», третий издан не был в связи с арестом левых эсеров и самих «скифов». В альманахе печатали свои произведения Белый, Брюсов, Ганин, Есенин, Замятин, Клюев, Орешин, Пришвин, Ремизов, Шестов и др. Скифская идеология была представлена и в «Знамени труда», где в 1918 г. появились «Скифы» Блока.

Новокрестьянами (особенно Клюевым и Есениным), принявшими идеи Иванова-Разумника и изучавшими историю скифов по Геродоту, современное скифство воспринималось как народное движение. Опубликованные в альманахе тексты свидетельствуют о том, что крестьянство для этих поэтов – особая творящая сила, смыкающая российские быт и бытие с вселенскими движениями. В «Причастье Тайны» Ганина лирического героя великие огневые ветры мчат в космическом пространстве, чтоб показать ему «последнюю грозную сечь»: «То витязи Дня в солнцезарных бронях / На огненно-рыжих крылатых конях / Преследуют Змия и черную рать, / Пришедших, чтоб светлое царство забрать». В «Есть горькая супесь, глухой чернозем...» Клюева сказано: вся избяная Русь вот-вот «вспарит на распутья взывающих гроз», чему помогают небесные силы («Слетят серафимы из облачной мглы»). Мистика избы космична; в написанных явно под влиянием скифства «Ключах Марии» (1918) Есенин писал о венчающем избу коньке, устремленном к небу и символизирующем вечные скифские кочевья – сравним этот образ с цитируемым стихотворением Клюева: «Узнайте же ныне: на кровле конек / Есть знак молчаливый, что путь наш далек». Преображение, по Клюеву, будет евразийским, оно приведет к братству народов: «Индийская земля, Египет, Палестина – / Как олово в сосуд, отлились в наши сны» («Где пахнет кумачом...»). Более того, во втором номере «Скифов» он опубликовал «Песнь Солнценосца», где повторил свою мысль и придал проекту преобразования космогонический характер («Китай и Европа, и Север и Юг / Сойдутся в чертог хороводом подруг; / Чтоб бездну с зенитом в одно сочетать, / им Бог – восприемник, Россия же – мать»); грандиозные метаморфозы освещаются тремя солнцами (возможно влияние иконописной образности). «Песнь Солнценосца» отвечает гностическим представлениям Оригена Александрийского, Григория Нисского о примирении с демонами в конце света: «О, Демоны-братья, отпейте и вы / Громовых сердец, поцелуйной молвы!». Сравним с высказыванием Клюева 1922 г.: «Человек-пахарь, немногим умаленный от ангелов, искупит ржаной кровью мир. Ходатай за сатану, сотворивший хлеб из глины земной, пахарь целует в уста древнего Змия и вводит в субботу серафима и диавола, обручая их перстнем бесконечного прощения...»⁸².

⁸² *Клюев Н.* Словесное древо. С. 51.

Итак, космогоническая миссия крестьянина – в венчании истории всесветным братством, всеобщим прощением .

Революционно-мистический оптимизм новокрестьян Иванов-Разумник противопоставил опубликованному в «Скифах» же «Слову о гибели Русской земли» Ремизова, пронизанному тревогой, а то и страхом перед обновлением мира.

Скифская мифология – одна из сквозных в художественных и мировоззренческих установках не только «скифов», но и тех, кто не имел к ним отношения (это Ахматова, Бальмонт, Бунин, Гиппиус, Гуль, Гумилев, Зелинский, Вяч. Иванов, Кузьмина-Караваева, Лившиц, Мандельштам, Пинес, Сологуб, Форш, Хлебников, Цветаева, Шенгели и др.)⁸³. В исторических скифах видели культурное и даже национальное сродство со славянами, чему способствовали и раскопки около Никополя в 1912 – 1913 гг., и предположения историков⁸⁴. Свою роль, особенно в «скифологии» Блока, сыграла изданная в Петербурге в 1913 г. книга немецкого языковеда и историка, авторитетного исследователя этногенеза индоевропейцев О. Шрадера «Индоевропейцы». Согласно его концепции родиной индоевропейского потока были северные от Черного моря территории, северное побережье Каспийского моря: из населявших их праарийцев вышли как восточные индоевропейцы, так и западные; язык скифов, позднее заселивших эти земли, близок языку арийцев, о чем говорят заимствованные у скифов слова финского и славянского языков. Таким образом, через скифов славяне воспринимались наследниками арийцев, что отвечало идеологии новых скифов с их установкой на рождение новой цивилизации – и русской, и универсальной, о чем идет речь и в блоковских «Скифах», и в «Песни Солнценосца».

Проза Н. Клюева 1910-х годов. Проза Клюева религиозна и революционна одновременно. В ней есть и народолюбие, и укор «голштинскому самодержавию»⁸⁵, что «гостило на Руси» («Алое зеркальце», 1919). Красные орлы мчатся оборонять свое гнездо – Коммуну («Красные орлы», 1919). В «Красном коне» (1919) языком символов и аллегорий он описал библейскую суть революции – это как «Христос Воскресе! Христос Воскресе! Христос Воскресе!»; Красный конь (и Клюев, и Петров-Водкин – «скифы»)

⁸³ См.: *Солнцева Н.М.* Скифы и скифство в русской литературе // Историко-литературное наследие. Российское научное издание. 2010. № 4. С. 147 – 159; *Солнцева Н.М.* Скифы или азиаты? // Мир литературы: к юбилею проф. А.С. Карпова. М., 2010. С. 130 – 140.

⁸⁴ В «Сказаниях о Русской Земле» (1909 – 1911) А. Нечволодова высказана версия, согласно которой древние греки скифами обозначали славянские племена; в 1918 г., накануне эмиграции автора, вышла книга основателя отдела археологии Эрмитажа М.И. Ростовцева «Эллинство и иранство на юге России», где славяне представлены наследниками скифов. Эта точка зрения поддерживалась и далее. Например, в «Начертании русской истории» (1927) Г.В. Вернадского. Или в «Происхождении русского народа – великорусского, украинского, белорусского» (1944), «Славяне в древности: культурно-исторический очерк» (1946) академика Н.С. Державина.

⁸⁵ *Клюев Н.* Словесное древо. Далее проза Н. Клюева цит. по данному изданию.

вздыбился против Черного. Через экспрессию перечислений, риторических восклицаний, инверсий, через тире-жесты рождалась обрядовая проза, интонационно близкая заклинанию: «Нищие, голодные мученики, кандальники вековечные, серая убойная скотина, невежи сиволапые, бабушки многослезные, многодумные, старички онежские, вещи, – вся хвойная пудожская мужицкая сила, – стекайтесь на великий красный пир воскресения!». В «Огненном восхищении» (1919) он образно описал, как Россия мчится «в пламень неопалимый»: «Братья, братья, пребывайте в огненном восхищении!». Возродиться через пламень – в этом, конечно, сказала старобрядческая страстность. Он, непримиримый старобрядец-антицерковник, в «Сдвинутом светильнике» (1919) писал о расколе между Церковью и народом-Христом: паперть «проплевана», иконы не по чину расположены, в иконостасе – «ни на куриный нос вкуса художественного», врата храмовые – как адовы, церковь «Бога всемогущего за железный засов садит». В контексте этих и подобных текстов особняком стоит «Самоцветная кровь» (1919), в которой все же отразились сомнения в праведности происходящего: он написал о нечуткости вскрывающих гробницы со святыми мощами. Здесь Клюев поучающий, он объяснял неразумным и непросвещенным: суть не в самой плоти, а в «весточке “оттуда”, из-за порога могилы».

Маленькие поэмы С. Есенина. Есенин революции принял как новый скиф и христианин. В маленьких утопических поэмах 1917 – 1918 годов («Товарищ», «Певущий зов», «Отчарь», «Октоих», «Пришествие», «Проеображение», «Сельский часослов», «Инония», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор») разворачивается планетарная история об устремленной к земному раю России-Назарету, об избранном народе, о революции мужика-старобрядца – ловца вселенной. В 1916 г. у Есенина сложился образ беременного новой Россией вселенского чрева, ожеребившегося неба. В «Преображении» (ноябрь 1917) прозвучали даже эпатирующие (но нравившиеся Есенину!) строки: «Облаки лают, / Ревет златозубая высь... / Пою и зываю: / Господи, отелись!»⁸⁶. Богохульные⁸⁷, по сути они – о своей природной принадлежности Божьему миру, ощущаемой остро, до натуралистичности. Символичен в его текстах и мотив молока, которым светлый гость наполнит будни, и коровьих глаз родины. В «Певущем зове» (апрель 1917) разворачивается продолжение библейской истории: дьявол повержен («И змея потеряла / Жало»), Земле приготовлена новая купель, восстал из мертвых Иоанн Креститель. В «Отчаре» (июнь 1917) образы «буйственной Руси», обновленного мужика-

⁸⁶ См. реакцию В. Хлебникова на «Господи, отелись!» в стихотворении «Москвы колымага» (1920).

⁸⁷ Есенин сознавал, что в «Преображении», в отличие от ранней лирики, есть богохульство. См.:

Розанов И. Воспоминания о Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников. Т.1. С. 442.

старообрядца, истинной свободы («Гибельной свободы / В этом мире нет») получают космогонический характер; весь «необъемлемый шар» узнает рай, где нет голода и жажды, есть ангельский свет, братание и прощение («И рыжий Иуда / Целует Христа. // Но звон поцелуя / Деньгой не гремит»⁸⁸), там нет врагов – «все русское племя» сзывается к столам с сычёной брагой. В «Октоихе» (август 1917) Есенин – избранник, на своих руках он несет родине солнце, вдыхает «звездный знак» в тощий хлебный колос; в волосах созидающих новую цивилизацию «созвездий светит пыль»; в раю он видит своего деда: «Под Маврикийским дубом / Сидит мой рыжий дед, / И светит его шуба / Горохом частых звезд».

Но при всей утопичности максималиста, при всей жажде земногорая Есенин – пацифист. Лейтмотивны его обращения к Богу, Христу, Богородице, ряд фрагментов поэм исполнен в жанре молитвы. Главное, что он желал видеть в революции, – воплощение Христова учения о любви. Как сказано в «Певущем зове» (1917): «Не губить пришли мы в мире, / А любить и верить!». Он избегает слова «революция», говорит о преображении мира со светлым гостем – Христом и не хочет принимать земногорая через жертву Христа. До появления «Двенадцати» (1918) Блока он написал поэму «Товарищ» (1917) о мальчике Иисусе (в поэзии Есенина Иисус-дитя – частый образ⁸⁹), который шел под пули вместе с восставшими и погиб в борьбе «за волю, за равенство, за труд». Новая крестная жертва совершена – и «Больше нет / Воскресенья!», мир остался без Господа, но гремит «железное слово: «“Ре-эс-пуу-ублика!”»⁹⁰. Поэма написана в марте, еще тогда Есенин знал, что республика на крови – не его цель. В раннем письме к Г. Панфилову он писал, как вновь придет на землю Христос и люди его вновь предадут. В октябре 1917 г. он написал «Пришествие» (с посвящением А. Белому): он молит Бога ввести Россию в рай, но он же видит, как «из прозревшей России», сошедшей «из звездного чрева», Христос несет свой крест и за ним нет ни апостолов, ни учеников; Он упал «под снежною ивой» – и «Опять Его вои / Стегают плетьюми / И бьют головою / О выступы тьмы». В мистике Есенина происходит перелом: как же подняться в рай «с кровью на отцах и братьях»?

⁸⁸ Можно предположить знакомство С. Есенина с учением каинитов, уже нашедшим свое место в русской литературе (Л. Андреев, М. Волошин).

⁸⁹ См.: Воронова О. «Я поверил от рожденья в Богородицын Покров»: образ Христа-младенца в поэзии Сергея Есенина // Детская литература. 2001. № 3. С. 4 – 11.

⁹⁰ А. Бахрах, уверяя, что революция втягивала Есенина в «свою центростремительную воронку», увидел в смерти Иисуса тему убийства веры ради революции (Бахрах А. С.А.Есенин. Собрание стихов и поэм // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. С. 32). Вяч. Завалишин, литературовед-эмигрант послевоенного поколения, противопоставив религиозность Есенина революции, высказал иную версию: «В поэме “12” Александр Блок благословил Революцию именем Христа; в поэме “Товарищ” Есенин <...> доказывает, что революцией расстреляна вера в Христа» (Завалишин В. Творчество Сергея Есенина // Там же. С.107).

Он, приветствуя рождение новой России – Инонии⁹¹, не желал, чтобы ее счастливая жизнь выросла на Христовых муках. В этом суть «Инонии» (1918), посвященной пророку Иеремии. В «Книге Иеремии», «Плаче Иеремии» говорится о разрушении Иерусалима, вавилонском плене, страданиях иудеев за грехи и вероотступничество. Сам пророк погиб, был побит камнями своим же народом. По Есенину, земной рай не должен воздвигаться на крови. Он «говорит по Библии», но обещает народам жизнь без страданий – и без Саваофа карающего, без Христа распинаемого. Вот почему в поэме звучат ужасные слова: «Я иным тебя, Господи, сделаю». Или: «Тело, Христово тело / Выплюываю изо рта». Но не так все однозначно в этом богохульстве. Имеется в виду просфора, символ Христовой плоти. Есенин поясняет: «Не хочу воспринять спасения / Через муки Его и крест». Этот мотив возник не вдруг: 4 января 1918 г. Есенин о том же говорил Блоку, который записал за ним: «Я плюю выходя Причастие (не из кощунства, а не хочу страдания, смирения, сораспятия)»⁹². Ему хочется Инонии «без креста и мук», но – обязательно с Богом: «Слава в вышних Богу / И на земле мир!» Маленькие поэмы вписываются в контекст богоискательских и богостроительных идей, вызревших в литературе Серебряного века, да и подхваченных в эмиграции, если иметь в виду Мережковского. Когда Есенин пишет: «По-иному над нашей выгибью / Вспух незримой коровой Бог», он, конечно, не впадает в язычество. Его Бог добрый, кормящий, с родной крестьянину органикой и мистикой. Когда он пишет: «Проклинаю я дыхание Китежа», «Языком вылежу на иконах я / Лики мучеников и святых», «Проклинаю тебя я, Радонеж», он в своем отрицании страданий, жертвенности доходит до кощунства. Хватит слез на реках вавилонских и кровавых дождей, в Инонии живет могучий народ с космогоническими возможностями: распахивает «ночь», раскусывает месяц, как орех, вздыбливает землю «на пики звездные» и проч. Тут антропологическая утопия Есенина не уступает проектам Маяковского и других. Марксисты «Инонию» не приняли, увидев в ней идеологию Китежа, жажду всеобщего счастья, мужицкого лада. В эмиграции ее тоже не приняли; речь идет об «Инонии и Китеже» (1915) Бунина⁹³.

⁹¹ По-видимому, называя Россию Инонией, Есенин исходил из «Апокалипсиса», где идет речь об «ином знамении», «новой земле», «новом небе».

⁹² Блок А. Собр. соч.: В 8 т. Т. VII. М. – Л., 1963. С. 313.

⁹³ Бунинской точке зрения противоположно прочтение поэмы Н. Устряловым. См.: Устрялов Н. Есенин (К трехлетию со дня смерти) // Русское зарубежье о Есенине. Т. II. С. 73 – 84.

III. Поражение утопии: П. Орешин, А. Ширяевец, П. Карпов, Н. Клюев, С. Клычков, А. Ганин, С. Есенин

В начале 1920-х годов Орешин, Есенин, Клычков и сочувствовавший им С. Конёнков попытались создать крестьянскую секцию при Пролеткульте, но их инициатива не была поддержана. В ноябре 1924 г. Орешин, Клычков, Есенин, Клюев, Радимов, Карпов, Ширяевец, а также А. Чапыгин и талантливый крестьянский прозаик И. Касаткин (он принял Советскую власть, но участь его трагична – он был репрессирован) обратились в ЦК РКП с прошением дать им возможность самостоятельно издавать свои книги; речь шла о редакции при Госиздате со своей сметой, но и этот проект не был реализован. Но в творческой судьбе новокрестьян свою роль сыграла «Красная новь» под руководством А.К. Воронским. Журнал напечатал 51 стихотворение Есенина, 24 – Орешина, 22 – Клычкова⁹⁴. Их чужеродность в советской литературе, как и в литературной жизни, очевидна. В 1923 г. было сфабриковано «дело четырех поэтов»: Есенина, Орешина, Клычкова и Ганина обвинили в антисемитизме; поэты были арестованы, поскольку, сидя в московской пивной, высказали друг другу какие-то слова о такой-то власти, подслушивавшего их (и впоследствии донесшего на них) человека Есенин назвал такой-то мордой. Эпизод был использован в публикациях Л. Сосновского как факт несоветского поведения. Впоследствии на Есенина было заведено более десяти «дел». В печати их называли попутчиками, кулаками. Большинство новокрестьян испытывали настоящую нужду. Иванов-Разумник в письме к А. Белому от 29.11.24 сетовал на то, что «Клюев очень бедствует, Алексеи Толстые благоденствуют. Все в порядке вещей»⁹⁵; Б. Филиппов вспоминал: «Как-то Клюев показал на одного из нищих, обсевших домик Петра I на Петроградской стороне, и сказал: “Замечательный поэт... Но не может “приспособиться” и жить литературой. Да и не печатаю его. Карпов...”»⁹⁶

Осознание самообманутости или обманутости революцией пришло к новокрестьянам рано. Наиболее открытым идеям Октября был **П. Орешин**: «С заводом судьба мужика обручила» («Смычка», 1921); был у него и образы «силача-коммуниста» («Деревня», 1921), «стальной молодежи», которая должна «Смести с планеты человечью старь» («Комсомольцы», 1928). Если у Есенина: «На стенке календарный Ленин. / Здесь жизнь сестер, / Сестер, а не моя» («Возвращение на родину», 1924), то у Орешина: «В хате Ленина портрет / Для порядка!» («Родина», 1926). Но он же писал о трагедии деревни: избы соломенной Руси, «в ранах и заплатах», возносятся над миром («Журавлиная»),

⁹⁴ См.: *Магуайр Р.* Красная новь: Советская литература 1920-х гг. СПб., 2004. С. 242.

⁹⁵ Белый А. и Иванов-Разумник. Переписка / Публ., коммент. А.В. Лаврова, Дж. Мальмстада. СПб., 1998. С. 301.

⁹⁶ Николай Клюев. Воспоминания современников. С. 305.

деревню задушит «в полях ржанных железная рука», крестьянин покинет пашни и нивы, а стальную зарю будут встречать стальные соловьи («Стальной соловей», 1922). В поэме «Микула» (1922) он, с одной стороны, дал свободного человека, который вышибает из-под Бога земной шар, кистенем сшибает звезды, с неба снимает луну и бросает ее через плечо, с другой – создал образ вульгарной, анархической, разрушительной силы: храмы расписаны навозом, «над часовней оплеванный Спас». Его книга «Красная Русь» (1918) на заседании литературной секции Союза советских журналистов была названа белогвардейской; ему указали на то, что с революцией пришла не Микулина власть. Раздваиваясь между крестьянскими и партийными революционными идеалами, он все же убеждал себя (это видно и из его стихов, и из его рецензии 1927 г. на второй том собрания стихотворений Есенина) в том, что нужен выбор в пользу социализма, что несовместимы индустриализация, созидательная сила ума и патриархальная культура. Но вот беда: такая его поэзия неживописна; стараясь компенсировать свой художественный аскетизм, он создавал искусственные образы: «Семя красное весело бросим / Под оркестры весенних дождей» («Деревня»), «Взвивайся, золотистый месяц, / Как акробат, на тонкий шест» («Детство»). По-видимому, Орешин пережил творческую драму, понимал исчерпанность источников вдохновения. Судя по поэзии 1930-х, социальные темы должны были уступить место интимным и философским. Например: «Я б хотел прожить еще лет со ста, / Жить и жить, как птицы, как трава...» («Желание», 1937) и т.п.

Покинувший в 1922 г. Туркестан и обосновавшийся в Москве на Тверском 25, **А. Ширяевец**, возможно, раньше других понял свою маргинальность в новой культуре. Революцию он принял как «холопский рассвет», справедливое возмездие народа за мученическое прошлое «чернокостников-смердов» («Мужикослов»). Он практически не переболел революционно-мистическими иллюзиями Клюева, Карпова, Есенина. Когда увидел, что герой Октября – пролетарий, а крестьянину отведено место задворок, он занял антибольшевистскую позицию. Он не хотел публиковаться под одной обложкой с пробольшевистскими поэтами: «Участвовать в агитационном сборнике и конкурировать с Демьяном Бедным и иными “пролетариями”, вкушающими кремлевские пайки, я не согласен, [посему] будьте добры вернуть все посланное Вам»⁹⁷. Из-за религиозных мотивов «Мужикослов» Ширяевца с большим трудом прошел цензурный контроль. Поэт состоял в «Кузнице», но в 1923 г. «Кузница» отказалась от смычки с деревней, и он был изгнан. В письме от 1 апреля 1923 г. Ширяевец писал о том, что Христос изгнан из

⁹⁷ Письмо от 1921 г. Цит. по: *Никё М. Portrait de A.V. Sirjaev d'après ses inédits // Cahiers du Monde russe et soviétique. 1985. XXVI (3 – 4). С. 438.*

социалистического отечества, что сам он «коммунистических лбов» не прошибет, а печать... «не забывай, в чьих руках печать»⁹⁸.

Он писал о всевременной связи крестьянства с предками: «Вот встают они, праотцы, деды, отцы мои, / Мужики, мужики, мужики!» («Мужикослов»). В его представлении мужик не только кроткий страстотерпец – в его лирике есть крест и меч, и святые угодники и Пугачев, Ермак. Он выразил и лирическую суть народа, особенно ему это удавалась в стилизациях девичьих песен. В 1924 г. Ширяевец умер, его похоронили на Ваганьковском кладбище, где позже недалеко от его могилы похоронили Есенин, который хотел покоиться рядом с «Шуркой». «Может быть, и скоро мне в дорогу / Бренные пожитки собирать» – строки из посвященного Ширяевцу стихотворения «Мы теперь уходим понемногу...» (1924).

1922 г. вышел в свет сборник рассказов *П. Карпова* «Трубный голос», в котором содержался ряд антибольшевистских сюжетов – с осуждением продразверстки, карательных экспедиций, партийной агитации в деревнях. В поэме «Полевой сказ» крестьянин-скиф противостоит черту, его опричникам-живоглотам и их «царству железному». В 1922 г. был издан сборник стихов «Русский ковчег»; в нем было сказано об ошибке крестьянина, спознавшегося с «красным дьяволом», Антихристом-Кормчим; звучали покаянные мотивы: «Сторона ли моя окаянная, / Звездокормчих-хлыстов сторона, / Ты ли, Русь моя обетованная, / На пропятие мне отдана». У Карпова начались сложности с изданием произведений. К тому же он узнал об обыске в его деревенском доме. Карпов предпринял верный, как оказалось, шаг: уехал в родную деревню, крестьянский мир поручился за него как за нездорового, возможно юродивого – так можно понять письмо его брата к О.Н. Вышеславцевой: «Уважаемая Ольга Николаевна. На Ваше письмо считаю долгом ответить, что брат Пимен жив, но после перенесенного им потрясения болен физически и душевно настолько, что не всегда узнает своих близких. Заботятся о нем родные братья и сестры, хотя это и трудно при их нищете. В заключение приношу благодарность за внимание к ныне больному брату, просим не усложнять обстоятельств какой бы то ни было перепиской. Дело не в нас, а в том, что за Пимена, который ни в чем не виновен, поручились им лично и имущественно крестьяне целого села и они-то, перенеся немалый страх, требуют молчания и жалобы не людям, а Богу. В этом, может быть, есть своя мудрость. Всего радостного»⁹⁹.

Идеализируя революцию, *Н. Клюев* писал стихи о керженском духе Ленина, об игуменском окрике большевистских декретов; он вступил в партию и убеждал партийцев

⁹⁸ Там же. С. 435.

⁹⁹ Предоставлено мне О.Н. Вышеславцевой. Ее супруг, известный художник Н.Н. Вышеславцев, оформлял книгу П. Карпова «Русский ковчег».

в общности христианского и коммунистического учений; ассоциируя Ленина со Львом (вероятно, имеется в виду апокалиптический образ: из колена Льва произошел род Христа), призывал народ креститься в львиную веру; оправдывал «убийцу красного». Но и Клюев понял свою чужеродность в новой жизни: «Уму – республика, а сердцу – Мать Русь, / Пред пастью львиною от ней не отрекусь», «Тихий Углич, брянская гать / Заболели железной грыжей». Его, выступившего против разорения церквей, исключили из партии в 1920 г.¹⁰⁰

Поэзия Клюева не отвечала задачам дня. В поэме «Четвертый Рим» (1921) все еще звучала надежда на Россию – крестьянское государство с всеобщим братством и торжеством духа, что побудило его противников увидеть в нем врага и певца темной стихии. В поэме «Мать-Суббота» (1922) он создал мистический образ крестьянского мира. Суббота (седьмой день творения Вселенной, суббота воскрешения Лазаря, Страстная суббота) – мистерия избы. Путь от снопа к помолу и через огонь к хлебной ковриге – аллегория пути Христа. Клюев реализовал евангельскую метафору: «Я есмь хлеб жизни» (Ин. 6 : 35). Произведения Клюева христоцентричны. В его высказываниях, записанных Н. Архиповым, встречается и космический, и почвенный образ Спасителя. Поэт так объяснял суть поэмы «Мать-Суббота», из-за густоты ассоциативных образов сложной для понимания: «Причащении Космическим Христом через видимый хлеб <...>»¹⁰¹. У его Христа колоссальная творящая сила. Он настаивал на том, что его Христос отличен от Христа А. Белого: «Если Христос только монада, гиацинт, преломляющий мир и тем самым творящий его в прозрачности, только лилия, самодовлеющая в белизне, и если жизнь – то жизнь пляшущего кристалла, то для меня Христос – вечная неиссякаемая удойна сила, член, рассекающий миры во влагалище, и в нашем мире прорезавшийся залупкой – вещественным солнцем, золотым семенем непрерывно оплодотворяющий корову и бабу, пихту и пчелу, мир воздушный и преисподний – огненный»¹⁰². Крестьянству помогает «Ангел простых человеческих дел». В этой же поэме развернуты сюжеты о мифологическом зачатии и рождении поэта, о сотворении им «духостихов». В основе поэтики – продолжающий образность «Спаса» синтез мистичности и натуралистичности. Вся поэма являет собой поток тропов, в которых выражено и религиозное содержание, и земная страстность поэта. Клюев создал универсальный мир, в котором разнородные пространства входят друг в друга по типу

¹⁰⁰ По информации, размещенной в петрозаводской печати, Н. Клюев был исключен из партии постановлением Губкома РКП 28 апреля 1920 г., «так как религиозные убеждения его находятся в полном противоречии с материалистической идеологией партии и ее задачами в деле борьбы за освобождение рабочего класса» // *Клюев Н.* Словесное древо. С. 426.

¹⁰¹ Там же. С. 51.

¹⁰² Там же. С. 53.

матрешки или сопрягаются через метонимии: кошель деда – луг, «где Егорий играет в свирель», солнце выводит утят, «Сивых, соловых, буланых, гнедых / Поят с ладоней соборы святых»; «Мир очагу, где обильны всегда / Звездной плотвою годов невода!..» и т.п. Такая поэзия была знаком прошлого, молодой слушатель восхищался богатством образов, но оставался равнодушным к ее смыслу, как иностранец, что показала в «Сумасшедшем корабле» О. Форш.

Клюев – поэт не с интернациональным, а с евразийским мышлением. Имея в виду «Скифов» Блока и свой поэтический сборник *«Львиный хлеб»* (1922), он говорил, что «Россия примет Восток, потому что она сама Восток, но не будет уже для Европы щитом», что «обретение родиной-Русью своей изначальной родины – Востока и есть Львиный хлеб»¹⁰³. Восток – родина, там мир духа; у него и Россия – Белая Индия. Н. Казандзакис, описав в романе «Тода-Раба» (1929) встречу в Баку Гераноса (самого Казандзакиса) с Федором Тунгановым (Клюевым) – великим русским поэтом, который жаждал Востока, редуцировал в прозу такие строфы из «Львиного хлеба»:

Придет караван с шафраном,
С шелками и бирюзой,
Ступая по нашим ранам,
По отмели кровавой.

И верблюжьи тяжкие пятки
Умерят древнюю боль,
Прольются снежные Святки
В ночную арабскую смоль.

В «Львином хлебе» достаточно скифских мотивов: «Мы глухие смерчи и громы / Запряжем в земное ярмо!», «Забубённо, разгульно и пьяно / Бровь-стрела, степь да ветер в зрчках», «Хмура Волга и степь непогожа, / Где курганы пурга замела», «Повешенным вниз головою / Косматые снятся шатры / И племя с безвестной молвою / У аспидно-синей горы». Но скифское не умаляет китежского – ни «радужного Рублева», ни «ангелка-лампады».

В письме к Есенину от 28 января 1922 г. он назвал себя «полустариком»¹⁰⁴. Но этот «полустарик», разочаровавшись в прежних иллюзиях, и в 1920-х, и в 1930-х был верен народным идеалам праведности, стал проводником религиозно-нравственных установок, книжной и бытовой культуры старообрядцев. В 1922 г. он, прочитав «Записки из

¹⁰³ Там же. С. 54.

¹⁰⁴ Там же. С. 254.

подполья» Достоевского, сказал: «Человек из подполья – существо без креста, без ангела в сердце»¹⁰⁵. Он чувствовал в себе особую силу пророка и жертвы: «Судьба моя – стать столпом в храме Бога моего и уже не выйти из него, пока не исполнится всё»¹⁰⁶. Его отвращало литературное пейзажное. Для него сумрак гумна не менее священен, чем сумрак готического собора. Он полагал, что в поэзии Кольцова нет подлинно народного, есть «поселяне и мужички», созданные Кольцовым из того, что «подказала ему усадьба добрых господ»¹⁰⁷. В народе, по Ключеву, есть знание о Боге, которого нет у интеллигента: о Христе любая баба знает больше, чем Толстой и Ренан («Сорок два гвоздя»).

После статьи Л. Троцкого 1922 г., в которой Ключев был представлен далеким от революции выразителем избыточного мужика, поэта в 1923 г. арестовали в Вытегре и отправили в Петербург; арест длился несколько дней.

С. Клычков, судя по воспоминаниям, был воодушевлен Февралем, но далее начались его крымские муки: голод, аресты, угрозы расстрела у махновцев и белых. Скифская история прошла мимо него. В 1921 г. он вернулся в Москву нищим, благодаря Луначарскому поселился в доме 25 по Тверскому бульвару, где его соседями были Мандельштамы. В 1921 г. его родителями занялся местный исполком – семья подпадала под раскулачивание.

В 1919 г. вышел в свет сборник «Дубравна». С одной стороны, в нем говорилось об убогости крестьянского существования, с другой – о природном пространстве, обиталище лесной царевны, над ним восходит дочь зари Дубравна, луна обряжает подпaska в кафтан с золотой оторочкой и т.п. В поэзии Клычкова ничего не было о революции и новой власти. Он и в сборнике 1923 г. «Домашние песни» писал о том, что «Родимый край угрюм и пуст», что «Как на покойницу убор, / Легла на землю тень от плахи». С 1922 г. Клычков – сотрудник «Красной нови». Как поэт крестьянского (кулацкого, по оценкам критики) направления и как сотрудник журнала, объединявшего «попутчиков», отвечавшего установкам «Перевала», Клычков стал мишенью для нападок со стороны рапповцев.

В драматически складывавшейся литературной и семейной жизни Клычков нашел свой тихий «угол»: он был поглощен словом. Н. Павлович говорила о любви Клычкова к «слову как таковому», к народным словам, которыми он «вышивал»¹⁰⁸ свою речь. Если бы ему пришлось выбирать между словом и любовью, он выбрал бы первое; 24.12.27 П.А. Журов записал в дневнике его фразу о творчестве как высочайшем благе: «<...> ни одна

¹⁰⁵ Там же. С. 55.

¹⁰⁶ Там же. С. 63.

¹⁰⁷ Там же. С. 55.

¹⁰⁸ Павлович Н. Страницы памяти // День поэзии 1979. М., 1979. С. 37 – 38.

любовь не дает столько»¹⁰⁹. Слово наполняло его существование смыслом: «А я живу лишь от строки до строчки» («Мне говорила мать...», 1922). В 1922 г. он вступил в полемику с поэтами, принявшими революцию и благосклонно или с определенной долей терпимости принятыми властью; спор носил не политический, а исключительно эстетический характер: в статье «Утверждение простоты» (в 1923 г. – «Лысая гора») он негативно отозвался о формалистической эстетике Маяковского, имажинистов, Хлебникова; полемизировал с «Письмами о русской поэзии» Асеева; противопоставил «изошренную» поэтику Пастернака пастернаковской же лирической искренности. Никогда не претендовавший на теургическую, апостольскую, пророческую роль, он в новой России ощущал себя если не гостем, то странником.

Свою нишу в поэзии крестьянского космоса занял *А. Ганин*, поэт философской направленности, которая очевидна, например, в его сборнике миниатюр «Мешок алмазов» (1921). Поначалу влюбившийся в революцию, он создал свой миф о ней – освободительном огне, поглощающем деревни и города, рвущем «ночную твердь и облачную длань». Революционный восторг сменился ужасом, эсхатологическими предчувствиями, признанием своей ошибки. Поэма «Былинное поле» (1917 – 1923) – о крестьянских обольщениях: правнук Микулы, сбитый с толку сторонними речами о народном счастье, мечтает вспахать поле, добраться до края земли, где воля «и Лады кольцо золотое», для этого он дерзает обогнать Солнце и гибнет. После мировоззренческого перелома в «Мешке алмазов» зазвучала тема несовершенства человеческого разума: стада его собственных дум побиваемы бичом «колючих мух безумья»; его разум – «поводырь слепой», он ведет человека «во чрево Ночи»¹¹⁰. Ганин верил в Бога, ангелов, воскрешение, конечность времени и бесконечность вечности, в одоление Змия. Его представления о счастливой крестьянской жизни выразились в мистической идиллии, напоминающей созданный Клюевым и Есениным образ рая – человеческого братства, там «золотом крыты дворцы и изба», люди вкушают «Медовые

¹⁰⁹ РГАЛИ. Ф 2862, оп. 1, ед.хр. 23, л. 56. В ноябре 1931 г., издерганный критикой, лишенный возможности публиковать свои произведения, он сказал: «Мне снятся очень странные сны. Их очень трудно рассказать, потому что они очень бессвязны, но в основном все они сводятся к одному: тот, кому они снятся, так изголодался, так истосковался по творчеству, что слова в этих снах стоят перед ним диковинными цветами, стоит только нагнуться и сорвать, набрать их полную охапку, и глядишь, как венки из овздуванчиков, само лезет четверостишие, то ли лепестки, то ли буквы – ничего не поймешь, а когда просыпаешься, то еще в носу (может быть, оттого, что бросил курить и сплю с открытой форточкой) ходит некий аромат лепестково-буквенный, без смысла и содержания, полный, однако, радостного воспоминания и не менее радостной надежды» (Цит. по: *Субботин С.И.* Вступ. ст. к: Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии // Новый мир. 1989. № 9. С. 200.).

¹¹⁰ Эта тема, неактуальная в советской литературе, вводит поэзию Ганина в контекст философских дневников Л. Толстого, произведений Н. Гумилева и В. Ходасевича, римской лирики Вяч. Иванова, поэзии Н. Заболоцкого, романов С. Клычкова и др.

хлебы под птичий псалом» («Из облачной рощи, с небесных полей...»). Город – это адовы глубины, где по смрадным переулкам и улицам идут голод, смерть, зло. Его поэма «Сарай» (1917[?]) – о власти сатаны и обреченности земли: «Во тьму земной уперся Край»; поэт описал, как дорога в рай оказалась дорогой в ад, мир-храм – миром-сараем, кумир – дьяволом; время – дьявольский мясник; человек превращается в расчлененную тушу, мозги кричат «ура», дьявол пожирает крестьянских детей, ошибочно вместо храма пришедших к грязному сараю.

При аресте у Ганина обнаружили антиреволюционные тезисы. В них говорилось о том, что Россия «ныне по милости пройдох и авантюристов повержена в прах и бесславию»¹¹¹. Этот же мотив есть в «Стране негодяев» (1923) Есенина: «Пришли те же жулики, те же воры / И вместе с революцией / Всех взяли в плен...». В тезисах говорилось также, что большевики – воинствующая секта (ту же характеристику встречаем в «Солнце мертвых» И. Шмелева, 1923), что крестьянское население подвергается террору, Чека и Ревтрибуналы чинят произвол, марксизм псевдонаучен, целью большевиков является гибель России как христианского государства, а так же христианско-европейского Запада и Америки. И идейно, и по стилю тезисы близки эмигрантской публицистике. На допросе Ганин сказал, что готовил их для своего романа. Зная Ганина О.Н. Вышеславцева высказала мне предположение о том, что Ганин, в силу своей оппозиционности, мог руководить антибольшевистской группой (возможно, это были поэты, люди литературного круга).

В июне 1918 г. была опубликована маленькая поэма *Есенина* «Сельский часослов». В ней все еще звучала тема Третьего Завета и его начертательницы Руси, но невозможно не почувствовать смущение поэта: «О красная вечерняя заря! Прости мне крик мой». Он уже не пророк, в нем, как в сознании Ганина, вызрела мысль о пределах человеческого разума: «Пастухи пустыни – / Что мы знаем?.. / Только ведь приходское училище / Я кончил, / Только знаю Библию да сказки, / Только знаю, как поет овес при ветре... / Да еще / По праздникам / Играть в гармошку». В августе появилась «Иорданская голубица»: в ней есть радость по поводу гибели старого мира, чаяние «вселенского братства людей», но есть и искреннее оплакивание «отчавлившей Руси». В 1918-м он написал тихую лирику, в ней «коломенская грусть», «свечка чисточетверговая», «златое затишье», «нежная девушка в белом» и т.п. Он заговорил о «голубом покое», о том, что «хочет быть тихим и строгим» («Песни, песни, о чем вы кричите?..»¹¹²). «Кобыльи корабли» (1919)

¹¹¹ Ганин А. Мир и свободный труд – народам: Тезисы / Публ. С.Ю. Куняева // Наш современник. 1992. № 1. С. 168.

¹¹² Датировано 1917 г., но в 1918 поэт вернулся к тексту, окончательная редакция – 1922 г.

говорят нам, что его утопия рухнула: «черепов златохвойный сад», «рваные животы кобыл», «бешеное зарево трупов», «злой октябрь» и т.п. В 1919-м он пишет и о собственной обреченности – физической и творческой. В том же году на его тексты распространилась политическая редакция Госиздата: он забрал рукопись, потому что из его стихов вычеркнули слова «Бог», «Саваоф». В том же году он, очевидно, ища выход из мировоззренческого кризиса, увлекся «Опавшими листьями» В. Розанова. Можно предположить, что там он нашел отклик на свои вопросы. Как у Клычкова, у него был еще один путь преодоления сомнений и разочарований – это любовь к слову. Он профессионально занялся поэтикой.

IV. Эстетические установки Есенина как проекция космизма

«*Ключи Марии*». Есенинское «Отчее слово (По поводу романа Андрея Белого “Котик Летаев”»)» (1918) показывает созвучие их эстетических установок. Есенин восхищался опубликованным в «Скифах» «Котиком Летаевым» (1918). Он был поражен тем, как слово может передавать взаимопроникновение космического и почвенного пространств, вселенной и земной тверди; тем, как слово рождается из самого пространства; тем, как просто слово Белого раздавило заумный язык футуристов.

Его «*Ключи Марии*» (1918), во-первых, пронизаны космизмом; во-вторых, утверждают космизм – художественный и мировоззренческий – как особенность народного сознания; в-третьих, основаны на мысли о естественности, самозарождении поэтического слова. В этом теоретическом эссе сочетаются поэтическая интуиция автора и его филологический интеллект. К тому времени в его личной библиотеке были П. Мильфорд, Г. Спенсер, С. Смайльс, А. Шопенгауэр, была и актуальная для русской эстетической мысли 1910-х гг. «Философия в систематическом изложении» В. Дильтея, А. Рия, В. Оствальда, В. Вундта, Г. Эббингауза, Р. Эйкена, Ф. Паульсена, В. Мюнха, Т. Липпса, были у него и другие книги по философии, а также социальной психологии, были труды по мифологии. Мы помним, что в университете им. А.Л. Шанявского читался серьезный цикл историко-философских и филологических дисциплин.

В «Ключах Марии» Есенин следовал Белому, но и спорил с ним – автором «Жезла Аарона» (1917), воспевающим хвалу Клюеву и, возможно, тем самым вызвавшим в Есенине чувство соперничества. Судя по впечатлениям Блока от разговора с Есениным, творчество Клюева вовсе и не творчество, а подражание природе, тогда как настоящее творчество

суть «другая природа», и это они с Блоком «общими силами выяснили»¹¹³ (записи от 4 января 1918 г.). Эстетически Есенин и Клюев, действительно, принципиально различаются: у Есенина нет густоты образов Клюева, его авангардистской чрезвычайности и вычурности тропов (даже в имажинистский период), а у Клюева гораздо реже, чем у Есенина, встречаются «половодье чувств» и лирическая легкокрылость. В «Ключах Марии» Есенин обрушился на Клюева – рисовальщика, «миниатюриста словесной мертвенности»¹¹⁴. В то же время Есенин исходит из «Жезла Аарона». Белый писал о пушкинском образе, расцветающем в душе, как жезл Аарон. Но и у Есенина Мария суть душа. Белый хочет вскрыть «“герменейю” словес»¹¹⁵. Но и Есенин говорит о слове в аспекте герменевтики. Белый пишет о крахе филологии, потому что нет теории собственно слова. Вот Есенин и предлагает свою теорию слова. Оба пишут не столько о предметном смысле образа, сколько об ассоциативном, о метафоричности корней («Корень слова – метафора сама по себе»¹¹⁶), о слове как отражении сознания, об иррациональности поэзии («стихийной бездне»¹¹⁷). Наконец, оба прибегают к символике дерева для пояснения своей философии.

Как теоретик Есенин вызревал несколько лет. Свою роль здесь сыграл Клюев – и не случайно его лирика цитируется в «Ключах Марии». Мистическое отношение к слову – это и от школы Клюева. В марте 1915 г. Есенин читает и оставляет в личной библиотеке вышедшую в том же году книгу Д.С. Мережковского «Две тайны русской поэзии: Некрасов и Тютчев» – там мысли о «магнитных токах русской поэзии»¹¹⁸, о рефлексии поэта, обращенной к миру и космосу, о народолюбии русской литературы. В 1915 г. Д. Философов подарил Есенину свои книги: «Неугасимая лампада: Статьи по церковным и религиозным вопросам» (1912), «Старое и новое: Сборник статей по вопросам искусства и литературы» (1912), «Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени (1901 – 1908 гг.)» (1909). В них шла речь о метафизиках и «разложении материализма»¹¹⁹, о лестнице, которую символизм выстраивает от реальности к небу, о стихийном ощущении жизни, о поиске народной правды в современной прозе и противоположных ему

¹¹³ Блок А. Дневники // Блок А. Собр. соч.: В 8 т. / Под общ. ред. В.Н. Орлова, А.А. Суркова, К.И. Чуковского. М. – Л., 1963. Т. 7. С. 314. Запись от 4 января 1918 г.

¹¹⁴ «Ключи Марии» цит. по: Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912 – 1925. Проза 1915 – 1925.

¹¹⁵ Белый А. Жезл Аарона // Скифы. 1917. № 1. С. 172

¹¹⁶ Там же. С. 161.

¹¹⁷ Там же С. 168.

¹¹⁸ Мережковский Д.С. В тихом омуте: Статьи и исследования разных лет / Сост. Е.Я. Данилов. М., 1991. С. 417.

¹¹⁹ Философов Д. Разложение материализма // Философов Д. Слова и жизнь: Литературные споры новейшего времени. СПб., 1909. С. 88.

«версальских манерах», «отрыжке фиалками»¹²⁰ чистого искусства, о «подлинно русском»¹²¹ у Л. Толстого, о русском факторе в зодчестве иностранцев в России – о многом, что отзовется в «Ключах Марии». Философову он посвятил стихотворение «Черная, потом пропахшая выть...» (1915). В 1915 г. Есенин печатал свои стихи в редактируемом Философовым «Голосе жизни». Но Есенин будто и возражает Философову, обрисовавшему деревенскую убогость без «творческого огня»¹²², христианства, язычества, культуры, первобытности, но с обрядностью, пьянством, граммофоном в чайной.

Известно, что среди источников «Ключей Марии» – труды А. Афанасьева, Ф. Буслаева, А. Потебни, Д. Ровинского, В. Стасова, А. Котляревского, Д. Садовникова. Ученые мужи находили влияния иных культур на русское искусство – Есенин же, не отрицая влияний греческих миссионеров, «крещеного Востока», пишет о первейшем истоке русской эстетики – об изначальном космизме «самой русской жизни», исконной обращенности крестьянина к иным пределам.

Есенин и имажинизм. «Ключи Марии» Есенин посвятил А. Мариенгофу, другу-имажинисту, но в них нет ничего от имажинизма. Ничего, кроме интереса к метафоре. «Ключи Марии» изданы в 1920-м, и в том же году он написал антиимажинистское эссе «Быт и искусство», во многом повторяющее положения «Ключей Марии».

Есенин в имажинизме – гость. Есть основания предполагать, что эстетика имажинизма вызрела из полемики эгофутуриста В. Шершеневича, будущего теоретика имажинизма, с кубофутуристами. Инициатива создания имажинизма принадлежит и Мариенгофу. Под «имажем» он понимал прежде всего метафору, что объясняет его интерес к тропеической поэзии Есенина. Объединение имажинистов произошло осенью 1918 г. «Декларация», в основном созданная Шершеневичем, появилась 30 января 1919 г. В ней имажинисты осмеяли тех, кто хранит верность «пыли содержания» – «слепой кишке искусства»¹²³, что уже не соответствует сути «Ключей Марии». По Шершеневичу (« $2 \times 2 = 5$. Листы имажиниста», 1920), поэзия родственна математическому расчету, образ должен быть нарочитым (и такие образы появились у Есенина), а композиция образов случайной¹²⁴. По Мариенгофу («Буян-остров. Имажинизм», 1920), для поэзии

¹²⁰ Философов Д. Отрыжка фиалками // Философов Д. Старое и новое: Сборник статей по вопросам литературы и искусства. М., 1912. С. 88, 86.

¹²¹ Философов Д. Совесть человечества // Там же. С. 193.

¹²² Философов Д. Неугасимая лампада // Неугасимая лампада. М., 1912. С. 7.

¹²³ От символизма до «Октября». М., 1924. С. 172, 171.

¹²⁴ См. в «Лысой горе» С. Клычкова: «Однажды я застал Есенина за такой работой: сидит человек на корточках и разбирает на полу бумажки. На бумажках написаны первые пришедшие на голову слова. Поэт жмурится, как кот на сметану, подбирает случайно попавшие под руку бумажки и из случайных слов конструирует более или менее выигрышный образ. Выходило подчас совсем недурно. Прodelьвалось это все, может, в шутку и озорство, тем не менее для нашего времени эта шутка

необходимо равенство, даже соития чистого и нечистого (в стихах Есенина, действительно, появился некоторый натурализм); Шершеневич же считал, что важнее раз прочесть Брема, чем наизусть знать Веселовского и Потебню. Имажинисты отказывали творчеству в интуиции, занижали значение природного таланта и сосредоточились на ремесле образотворчества (поэтическая единица – строка, призыв отказаться от запятых, метра, ритмичность свободного стиха предлагали заменить аритмичностью, ценился верлибр метафор, осмеивался глагол и проч.). Проявившийся в есенинских образах, имажинизм в своих главных сентенциях был абсолютно неприроден Есенину. Или нужно говорить об особом есенинском имажинизме.

Имажинисты были настроены на мужественное и жизнерадостное искусство, упрекали футуристов в надсоновщине, но их арлекинада была уязвима: хотели они того или нет, но и у них вполне искренне звучат тревоги, вымаливание любви и проч. Имажинисты, в отличие от Есенина, поэты урбанистического пространства. Наконец, если Есенин в «Ключах Марии» хоть и напал на «старое инквизиционное православие», но писал о вознесении Христа как об уходе к Отцу и «сдвиге космоса», то Шершеневич в « $2 \times 2 = 5$ » называл христианство суммой беспринципных афоризмов, Христа – скромным рыбаком, творившим карьеру на буме учеников (антирелигиозный эпатаж и в его лирике; см.: «Эстетические стансы», 1919 и др.). Но в то же время в поэзии имажинистов появилось понимание революции как катаклизма библейского уровня, и эта новокрестьянская мифология – почему бы не предположить? – могла прийти к ним через Есенина. Например, Мариенгоф писал в 1918 г. о близящихся стенах Нового Иерусалима («Днесь»), как Есенин в маленьких поэмах о России – новом Назарете.

Двойное зрение. Так Есенин, судя по неотправленному письму к Иванову-Разумнику (май 1921 г.), называл свой художественный метод. Двойное зрение идет от двойного чувствования, двойного (бытового и церковного) переживания великороссом своего существования. Его привлекала ассоциативность скифских даров-загадок Дарию, многозначность образов в «Слове о полку Игореве», он хотел видеть такие же образы в имажинизме.

В «Отчем слове» он предлагал аллегория поэтического творчества: мы бьемся в речи, «как рыбы в воде, стараясь укунить упавший на поверхность льда месяц, но просасываем этот лед и видим, что на нем ничего нет, а то желтое, что казалось так близко, взметнулось еще выше»¹²⁵. Сравним со словами Есенина в записи Блока: «Образ

показательна: механизация нашей образной речи – явление, характерное не только для имажинистов» [Клычков С. Собр. соч.: В 2 т. Т. II. С. 483 – 484]. Подобные сведения о Есенине находим у М. Беккера, С. Городецкого, И. Грузинова, Вс. Иванова, М. Ройзмана, И. Старцева.

¹²⁵ Сергей Есенин в стихах и жизни. Поэмы 1912 – 1925. Проза 1915 – 1925. С. 254.

творчества: схватить, перекусить. / Налимы, видя отражение луны на льду, присасываются ко льду снизу и сосут: прососали, а луна убежала на небо. Налиму выплеснуться до луны»¹²⁶. Особое значение он придавал глаголу, его возможностям отражать и выражать в тексте двумерность.

Поэтическое слово, по Есенину, – явление природное; оно обладает способностью саморождения, оно проклевывается птенцом из сердца самого себя: «<...> слова дороги – только “проткнутые яйца”»¹²⁷; в «Преображении» – о том же: «Как яйцо, нам сбросит слово / С проклевавшимся птенцом». По сути в такой посылке нет и тени имажинистского рационализма Шершеневича и Мариенгофа. Но есть то, что привлечет Белого, в 1930-м написавшего о рождении образа из звука: «То, что я называю рождением цыпленка (образа) из зерна-яйца (звука), есть результат химического синтеза, выбрасывающий н о в о е, а priori не предвиденное, к а ч е с т в о; из а priori свойств яда хлора и яда натрия не додумаешься до свойств соли <...> Явление новых, непредвиденных к а ч е с т в е н н о с т е й и составляет основу так называемого “мышления образами” <...> образы, рожденные звуком темы, не подчиняются моим априорным намерениям подчинить их таким-то абстрактным приемам <...>»¹²⁸.

И двойное зрение, и самозарождение образа сказались в есенинских приемах: это звукопись и рифмы¹²⁹, цветопись, нелюбовь к переносам¹³⁰, метафоричность, не противоречащая прозрачности стиля¹³¹, символы, антиномии, лейтмотивность, богатство лексем¹³².

¹²⁶ Блок А. Собр.соч. Т. 7. С. 314.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Белый А. Как мы пишем // Белый А. проблемы творчества: Статьи. Воспоминания. Публикации / Сост. Ст. Лесневский, Ал. Михайлов. М., 1988. С. 16.

¹²⁹ Из письма Иванову-Разумнику: «Поэтическое ухо должно быть тем магнитом, которое соединяет в звуковой одноудар по звучанию слова разных образных смыслов»; «Глагол с глаголом нельзя рифмовать», «рифмую <...> легкокасательно, но разномысленно, вроде: почва – ворочается, куда – дал и т.д.». Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. С. 100.

¹³⁰ «Переносы предложения из одной строки в другую в первый раз я заметил у Лермонтова. Я всегда избегал в своих стихах переносов и разносок. Я люблю естественное течение стиха. Я люблю совпадение фразы и строки» (*Грузинов И.* С.Есенин разговаривает о литературе и искусстве // Сергей Есенин в стихах и жизни. Воспоминания современников. С.259.)

¹³¹ Н. Петровская писала о религиозной традиции лексики Есенина, в силу которой все названо своими именами, избегается намек и рефлексия. См.: *Петровская Н.* С.А.Есенин. Собрание стихов и поэм // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2.С. 25.

¹³² Например, «в состав природной парадигмы входит около 500 различных лексем <...> 189 из них повторяется с частотностью 3 и более». См.: *Степанченко И.И.* Поэтический язык Сергея Есенина: Анализ лексики. Харьков, 1991. С. 47. В упомянутом письме к Иванову-Разумнику Есенин писал: «<...> 500, 600 корней хозяйство очень бедное, а ответвления словесных образов дело довольно скучное, чтобы быть стихотворным мастером, их нужно знать дьявольски». Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. С. 99.

V. С. Есенин в 1920-е годы

«Пугачев». «Страна негодяев». «Москва кабацкая». В одном из его писем 1920-го читаем об омертвляющем все живое социализме, нетворческом, «нарочитом», взрывающем «мосты из-под ног грядущих поколений»¹³³. В его произведениях усиливаются мотивы враждебного города – символа победившей мертвенной цивилизации – и чужавшей свою скорую гибель деревни («Сорокоуст», 1920; «Песнь о хлебе», 1921; «Мир таинственный, мир мой древний...», 1922 и др.). 15 августа 1920 г. вспыхнуло Тамбовское восстание крестьян, к февралю 1921 г. оно достигло апогея (численность восставших – 50 тысяч), 27 апреля 1921 г. командующим войсками Тамбовской губернии был назначен М. Тухачевский, на Тамбовщине был создан режим террора против губернского населения (массовые расстрелы, взятие заложников, уничтожение деревень и проч.), против повстанцев были мобилизованы серьезные силы Красной армии, летом 1921 г. повстанцы потерпели поражение, боевые действия продолжались до лета 1922 г.

С марта по август 1921 г. Есенин создал поэму *«Пугачев»*, посвященную гениальной, с его точки зрения, личности лидера крестьянского движения. Он следовал и не следовал Пушкину. В отличие от *«Капитанской дочки»*, в *«Пугачеве»* нет женских персонажей; создана исключительно мужская трагедия, в сценах которой никто из героев, кроме главного, не повторяется, – все это ради доминирования образа Пугачева. Есенин писал об историческом смысле, а не о бессмысленности русского бунта. Кровь, против которой Есенин был всегда, теперь оправдана – не нравственно, но исторически. Описано предательство изменников, поражение Пугачева – эти события происходят в октябре.

Поэма *«Страна негодяев»* (1922 – 1923) продолжила тему мятежа. Есенин описал современность, в поэме сталкиваются комиссары и Номах (по сути Махно; портрет героя схож с портретом Есенина). Враг Номаха – Чекистов, «гражданин из Веймара», для него нет никого «бездарней и лицемерней», чем «русский равнинный мужик», он в России для того, «Чтоб чище синел простор / Коммунистическим взглядам», чтобы «укрощать дураков и зверей», перестраивать Божии храмы «в места отхожие». С точки зрения комиссара Рассветова, Россия – «пустое место». Комиссары выступают с идеей террора. Номах разочарован в революции: она не для крестьян; он «потерял равновесие». Но тем не менее Номах неуловим, недостижим, ускользает от комиссаров.

Тема «Страны негодяев» есть и в цикле *«Москва кабацкая»* (1921 – 1924): лирический герой «отовсюду гонимый», чужой в новой России, «потерял равновесие», но

¹³³ Письмо к Е.И. Лившиц от 11 – 12 августа 1920 г. // Там же. С. 92.

свой среди маргиналов – в московских кабаках. Отстраняясь от жестокой реальности, он, недавний пророк Инонии, теперь всего лишь безобидный повеса: «Не злодей я и не грабил лесом, / Не расстреливал несчастных по темницам. / Я всего лишь уличный повеса, / Улыбающийся встречным лицам» («Я обманывать себя не стану...», 1922). Вторая строка строфы для О. Мандельштама суть символ веры писателя – врага литературы («Четвертая проза», 1930).

Отметим, что и «Страна негодяев», и «Москва кабацкая» отчасти хронологически совпали с заграничным путешествием Есенина (май 1922 г. – август 1923 г.), во время которого, 7 февраля 1923 г., Есенин писал А. Кусикову: «Я перестаю понимать, к какой революции я принадлежал. Вижу только одно, что ни к февральской, ни к октябрьской, по-видимому, в нас скрывался и скрывается какой-нибудь ноябрь»¹³⁴. Он писал ему о своем «злом унынии», о желании скрыться хоть в Африку, о невыносимом положении пасынка в родной стране. Но он все-таки вернулся в Советскую Россию – и потому что тревожился за сестер, и потому что увиденная им Европа – как иллюстрация к «Закату Европы» О. Шпенглера, и потому что его издергала заграничная атмосфера, и потому что там он не испытал творческого взлета. Вернулся потому, что он «подлинно скиф», «весь из междометий»¹³⁵, как писал ему сопровождавший его в поездке по США и оставшийся там А. Ветлугин. Вернулся потому, что «любовь к России все заметнее и заметнее претворялась в заболевание»¹³⁶ – так писал о нем Кусиков.

«Самый яростный попутчик». После заграничного путешествия Есенин все же попытался постичь «коммуной вздыбленную Русь». В «Руси уходящей» (1924) он признает победу большевиков. В «Письме к женщине» (1924) называет себя «самым яростным попутчиком», в «Стансах» (1924) не прочь постичь «премудрость» Маркса. Но он все равно изгой, потому что «поэт», а не «кенар» и не «какой-то там Демьян» («Стансы»). Рапповцы называют его поэтом мужицкого консерватизма и реакции. В 1924 г. он говорит Иванову-Разумнику о «невозможности дышать и писать»¹³⁷. Но все же, как Клюев, он пишет о Ленине поэму («Ленин» – отрывок из поэмы «Гуляй-поле», 1924); в художественном отношении это неудачная попытка либо договориться с властью, либо уговорить себя принять советскую реальность. В воспоминаниях Н. Мандельштам приведены слова О. Мандельштама о том, что от Есенина требовали поэму, но талант лирика этому противился. Есенин пишет «Песнь о великом походе» (1924) – яркую, талантливую поэму о столкновении революции и контрреволюции, но как о

¹³⁴ Там же. С. 123.

¹³⁵ Письмо от 6 октября 1923 г. // Там же. С. 229.

¹³⁶ Кусиков А. «Только раз ведь живем мы, только раз...» // Русское зарубежье о Есенине. Т. I. С. 174.

¹³⁷ Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951. С. 21.

братоубийственной бойне. Он пишет «Поэму о 36» (1924), «Балладу о двадцати шести» (1924). Он пытается стать государственнымником.

Если попытаться понять причины того перелома, к которому Есенин шел сознательно, то, на наш взгляд, возникают два обстоятельства. Во-первых, Есенин находится под сильнейшим влиянием Пушкина, его собственная устремленность к «покою и воле» согласуется с пушкинской позицией периода «Бориса Годунова», «Стансов», интереса к Петру Первому. Но пушкинское государственное мышление вызрело в обстановке интереса общества к своей истории, к этнографии – к тому, что в есенинское время считалось вредоносным для революции. Во-вторых, попытка стать «самым яростным попутчиком» обусловлена его впечатлением от индустрии США, что следует из его «Железного Миргорода» (1923). В названии эссе – оксюморон: он восхищен цивилизацией, но уничижительно относится к американскому политическому снобизму по отношению к нему, в этом снобизме он видит провинциализм обывателей Миргорода, для которых нет ничего лучше Полтавы. В США Есенин чрезвычайно остро ощущает цивилизационную убогость русской деревни; его не останавливает то, что он сопоставляет несопоставимое: гигантский город и сельскую глубинку. Он «разлюбил нищую Россию»¹³⁸. В «Неуютной жидкой лунности...» (1925) появятся строки: «Через каменное и стальное / Вижу мощь я родной страны», «Нищету свою видеть больно», «Но и все же хочу я стальнойю / Видеть бедную, нищую Русь». Судя по «Железному Миргороду», он принимает коммунистическое строительство, готов оправдать жестокость революции, как и жестокость американской цивилизации: индеец никогда бы не сделал того, что сделал белый завоеватель. Америка в Бога не верит – и он иронизирует над русской верой в «деда с бородой»¹³⁹. Суждения Есенина экспрессивны и не исчерпывают всей сложности его отношения к США и России¹⁴⁰.

Январем 1925 г. Есенин датировал «Анну Снегину», лиро-эпическую поэму о нежных чувствах дворянки-эмигрантки и когда-то воспитанного кулаком поэта, пишущего стихи про кабацкую Русь. Параллельно развивается сюжет о столкновении богатого села и бедной деревни как модели революции, о крестьянском лидере

¹³⁸ Сергей Есенин в стихах и жизни. Поэмы 1912 – 1925. Проза 1915 – 1925. С. 240.

¹³⁹ Там же. С. 246.

¹⁴⁰ Из нью-йоркском письме к А. Мариенгофу от 12 ноября 1922 г.: «Лучше всего, что я видел в этом мире, это все-таки Москва. В чикагские “сто тысяч улиц” можно загонять только свиней»; искусство там никому не нужно – «хоть помирай с голоду»; «совершенно лишняя штука эта душа»; даже вышедшая в Нью-Йорке антология «Новейшая русская поэзия» (1921) с переводами его стихов – «убого очень»; он «учится говорить себе: застегни, Есенин, свою душу, это также неприятно, как расстегнутые брюки»; он там «столь же смешон для многих, как француз или голландец на нашей территории». Сергей Есенин в стихах и жизни: Письма. Документы. С. 120, 121. Об этом же его письмо А. Кусикову, написанное 7 февраля 1923 г. на борту корабля, пересекавшего Атлантический океан: «Сандро, Сандро! Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным <...>» (Там же. С. 122).

(«булдыжнике, драчуне, грубияне»), о многотрудной крестьянской жизни и до революции и при Советах («удел хлебороба гас»), о «суровых, грозных годах». Есенин в этой поэме – не попутчик, а созерцатель, он не участвует и не сочувствует, а размышляет и принимает произошедшее как данность.

Элегии Есенина 1920-х. В сборник «Москва кабацкая» Есенин включил цикл «Любовь хулигана», его лирический герой влюблен, спокоен, нежен, «отрекается скандалить»¹⁴¹ – все это противоположно вызывающим «Стихам скандалиста» (1923) или «Стихам хулигана» (1920), где поэт решил «из окошка луну обоссать». Сравним с «Вечерней молитвой» Рембо: «Спокойный, как творец и кедра и иссопов, / Пускаю ввысь струю, искусно окропив / Янтарной жидкостью семью гелиотропов» (перевод Б. Лившица 1911 г.¹⁴²). Таким образом, и лирика, и поэмы дают нам понять, сколь неоднозначным, противоречивым – от тихого лиризма до крайней экспрессии – был мир поэта.

Но в любом случае доминанта его творчества – исповедальность, интимность. Элегия для органики Есенина оказалась оптимальным жанром. Она медитативна, чем родственна философской лирике; ее темы – вечные, жанровая специфика консервативна; ей чужеродна авангардистская экспрессия, как и натуралистичность; она слабо сочетается и с повествовательностью, и с установкой на пассивность медиума. Особенно близки Есенину элегии позднего Пушкина, но есть в его элегиях и меланхолическая созерцательность В. Жуковского. Главное – в элегиях отражен мир самого поэта.

Есенинские элегии сотканы из традиционных для этого жанра тем и мотивов. Например, в «Мы теперь уходим понемногу...»: думы в тишине, согласие с природой, ценности прожитой жизни, мысли о том свете; но есть и нехарактерная для классической элегии ирония. Развернуты темы смерти, рока: «На московских изогнутых улицах / Умереть, знать, судил мне Бог»; «спокойно умереть»; «Под низким траурным забором / Лежать придется также мне»; «И сердце превратится в прах»; «Мне теперь не уйти назад»; «Песне тайна не дана, / Где ей жить и где погибнуть»; жизнь «Роковые пишет письма» и т.д. Но нет трагизма. В этом мы видим и пушкинское влияние, и проявление христианского мироощущения Есенина. Причем он рано заговорил о своем физическом увядании: «Догорит золотистым пламенем / Из телесного воска свеча, / И луны часы деревянные / Прохрипят мой двенадцатый час»; «Уж не юные веют года» и т.д. Как истинный элегический герой, он одинок: «Средь людей я дружбы не имею»; «Пусть обманут легкие подруги, / Пусть изменят легкие друзья» и т.д. Деликатна его грусть: «грусть свою уменьшив»; «Нежность грустная русской души»; «Так я роняю грустные

¹⁴¹ Цикл написан под впечатлением от влюбленности в А. Миклашевскую.

¹⁴² Лившиц Б. Полутораглазый стрелец / Сост. Е.К. Лившиц, П.М. Нерлер. М., 1989. С. 211.

слова»; «И тоска бесконечных равнин». Зазвучала тема спокойного осознания невозвратности прожитого, вступления в свою осеннюю пору, что сближает его лирику с пушкинской темой покорности «общему закону». Развилась и тема благодарности за прожитое («Будь же ты вовек благословенно, / Что пришлось процвести и умереть»). Утекающее время не вызывает экзистенциальных комплексов, апатия крайне редка. С одной стороны, «Нет любви ни к деревне, ни к городу», с другой – «Прояснилась омут в сердце мгlistом», «Слишком я любил на этом свете / Все, что душу облекает в плоть», «Мне все равно эта жизнь полюбилась, / Так полюбилась, как будто вначале», «Счастлив тем, что я дышал и жил. // Счастлив тем, что целовал я женщин, / Мял цветы, валялся на траве / И зверье, как братьев наших меньших, / Никогда не бил по голове». Элегичны и воспоминания поэта: «Сердцу приятно с тихой болью / Что-нибудь вспомнить из разных лет». 1920-х особенно прозвучало желание принять жизнь в ее полноте: «Все, как есть, без конца принимая. // Принимаю – приди и явись, / Все явись, в чем есть боль и отрада»; «Жить нужно легче, жить нужно проще, / Все принимая, что есть на свете»; «Радуюсь, свирепствуя и мучась, / Хорошо живется на Руси!» (сравним с «Элегией» Пушкина 1930 г.: «Я ведаю, мне будут наслажденья / Меж горестей забот и треволненья»). Частый в элегиях образ странника и автобиографичен («Я покинул родные поля»), и философичен («Ведь каждый в мире странник»), и ироничен («Брошу все. Отпущу себе бороду / И бродягой пойду по Руси»).

«Персидские мотивы». С осени 1924 г. по август 1925 г. под впечатлением от средневековой персидской поэзии¹⁴³ был написан цикл стихов с элегической традицией «Персидские мотивы», в которых отразилось стремление поэта к обретению душевного равновесия: «Улеглась моя былая рана», «Я давно ищу в судьбе покоя», «Хорошо бродить среди покоя». Как в персидской лирике, доминирующая тема Есенина – любовь. Но, в отличие от персидской традиции, он не сосредоточен на любовном страдании (если оно есть, то «красивое») соловья-поэта к розе-избраннице, его сердце не истекает кровью; он пишет о желании любить и умении влюблять, он знает «науку страсти нежной». В цикле есть обещания, ласковые речи, подарки и проч. Параллельно развивается тема тоски по России.

«Персидские мотивы» – апогей лиризации персидской темы в русской поэзии. Есенин не пошел по пути Клюева, в творчестве которого Персия занимает особое место. Клюев писал о «славяно-персидской природе», о «мужицком сладостном Ширазе», «Руси-персиянке» и т.д. У него есть пророческие строки: «И помянут пляскою дервиши /

¹⁴³ В XX в. переводы стихов Хайяма появились в 1901-м, 1910-м, 1913-м гг.; Есенин читал подготовленное Ф.Е. Коршем издание 1916 г. «Персидские лирики X – XV веков», составленное из текстов восьми поэтов.

Сердце-розу, смятую в Нарыме» («Миновав житейские вёрсты...», 1920). У Клюева с детства был интерес к персидским христианам, останавливавшимся в доме деда; в пятнадцать лет он прочитал восходящий к персидскому оригиналу древнерусский перевод «Сказания о двенадцати снах царя Мамера» (XV – XVII); на Соловках узнал о движении бабидов¹⁴⁴; мы помним и о его отношениях с персом Али из рода Мельхиседеков. Его Персия была носителем религиозной культуры. Его захватила доисламская Персия, он был увлечен культурой зороастрийцев: «Как перс священному огню, / Я отдал дедовским иконам / Поклон до печени земной» («Недоумённо не кори...», 1932); «Здесь Зороастр, Христос и Брама / Вспахали ниву ярых уд, / И ядра – два подземных храма / Их плуг алмазный стерегут» («“Я здесь,” – ответило мне тело...», между 1916 и 1918).

Есенин не пошел и по пути В. Хлебникова, в творчестве которого персидская тема имеет геополитическую коннотацию. Для евразийца Хлебникова Персия – «угол русской и македонской прямых»¹⁴⁵. Он размышлял об объединении России с азиатскими странами. Увлеченный Гилянкой революцией, он побывал в революционной Персии¹⁴⁶ и создал ряд текстов, в которых он – пророк, несущий персам «мир будущего» («Видите, персы, вот я иду...», 1921; «Дуб Персии», 1921 и др.) Хлебников, как и Клюев, выказывал интерес к бабизму, что, конечно, тоже отразилось в мотивах его поэзии и прозы. Но все же «Персидским мотивам» по ряду параметров близка «Пасха в Энзели» (1921) – Хлебников освобождается в садах Энзели от тревог, душевных ран; особенно явно, на наш взгляд, родство есенинского цикла и поэмы «Тиран без ТЭ» (конец 1921, 1922): тут и девы под чадрой, которые влекут Есенина и которых хочет освободить Хлебников, тут и персидские реалии (у Хлебникова выбритые лбы персов, чайхана, красная скорлупа, золотое масло и проч.; у Есенина синие цветы, розы, олеандр, левкой, сады и «цветочные чащи», чайхана и красный чай, шафран, хмельные ароматы и проч., но у него же Саади, Хайям, Фирдоуси, Магомет, Коран). Как у Есенина, у Хлебникова восточное пространство вбирает русский компонент («Дубинушка», «русская Азия», «Толстой большой человек» и проч.). Но Персия Есенина – вечная, устоявшаяся, Хлебникова – новая, с могучей харизмой, там все – Адамы.

Есенин воспринимал Персию и интимно, и эстетически. Эстетически ее ощущал и Гумилев, обожавший персидские миниатюры и соответственно создававший свои

¹⁴⁴ Мистическое учение Баба (Мирзы Али Маххамеда), возникшее в Персии в XIX в. Молодого Клюева бабизм мог увлечь установками на равенство, либеральные реформы, защиту прав личности. Он сравнивал бабидов с братьями Розы и Креста.

¹⁴⁵ Хлебников В. Дети Выдры // Хлебников В. Творения / Общ. ред., вступ.ст. М.Я. Полякова. М., 1986. С. 36.

¹⁴⁶ Хлебников находился в Персии с 15 апреля до конца июля 1921 г.; революция произошла 4 июня 1920 г.

персидские тексты. Назовем живописную, с изящной пластикой «Персидскую миниатюру» (1919). Второй источник интереса к Персии – это ее поэты, прежде всего Гафиз, чьи газели, возможно, питали жизнелюбие Гумилева. Но Есенин не мог позволить себе юмора по поводу бабизма, Кабы, Пророка, что мы видим в «Исламе» (1915) Гумилева. В отличие от Гумилева, Есенин не включался в литературную игру с персидскими поэтами, не углублялся в суфийский подтекст.

Его не увлек и популярный в России жанровый опыт рубаи, особенно газели с ее бейтами, сладостным языком, пышными метафорами, нормативной рифмовкой, редифом. «Персидские мотивы» свободны от жанрового канона. Если бы Есенин пошел за В. Брюсовым, Вяч. Ивановым, М. Кузминым, И. Северяниным, родился бы еще один стихотворный эксперимент в ущерб лирической экспрессии широкого диапазона – от гедонизма до печали, от наивности до философичности. Пяти- или шестистрочные строфы, клаузула без послерифмия, сочетание женских и мужских рифм в одной строфе, полирифмичность и проч. – все это традиционная парадигма русского стиха. Имитация тональности газели достигалась лишь повтором строк.

«Черный человек». Поэма закончена 14 ноября 1925 г., но поэт возвращался к ней до конца месяца. Она по праву считается высшей точкой есенинской поэзии. В ней угадываются реминисценции «Моцарта и Сальери» Пушкина, «Черного монаха» Чехова, «Портрета Дориана Грея» Уайльда, «Декабрьской ночи» Мюссе, произведений Гоголя, Достоевского, Белого, Блока, По. В свою очередь контекст поэмы есть в «Посмертном дневнике» (1958) Г. Иванова. «Черный человек» – загадка для любителей герменевтики¹⁴⁷. Ни одна из опубликованных трактовок, в том числе и представленная здесь, не может претендовать на истину. Где то проклюнувшееся яйцо? И где птенец?..

Поэма построена на диалоге поэта с черным человеком, который, с нашей точки зрения, воплощает не его грешное, эпатирующее «я», как это принято считать, а его рефлексию, его сомнения по поводу прожитого, перечувствованного, написанного. Есенин срывает маску «улыбчивого и простого» и говорит: «Я очень и очень болен». В финале поэмы он освобождается от рефлексии: его трость разбивает зеркало, в котором отражен он же – черный человек. Как дальше пройдет его жизнь в стране «Самых отвратительных / Громил и шарлатанов», ради чего произошло освобождение поэта, жаждавшего покоя, согласия с собой и миром в последний период своей жизни, – нет ответа. Как нет ответа и на вопрос об истинных обстоятельствах гибели Есенина.

¹⁴⁷ Н.И. Шубникова-Гусева полагает, что в ней не только переоценка своего пути, но и прощание с имажинизмом, и ассоциации с масонской символикой, и полемика с А. Мюссе. См.: *Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина от «Пророка» до «Черного человека».* М., 2001.

После его смерти назвал есенинскую поэзию «шовинистическим с в и н с т в о м», «вредным»¹⁴⁸ явлением и т.п. За насаждение «есенинщины» исключали из школ. Но из «Неугасимой лампы» Б. Ширяева мы узнаем, что Есенин – любимый поэт политзаключенных, его книги расходились на Западе в лагерях для перемещенных лиц, о нем появилось множество воспоминаний. Составитель тома избранных произведений Есенина (Париж, 1951) Г. Иванов писал, что все связанное с Есениным исключено из общего закона умирания.

VI. Творчество Н.А. Клюева в 1920 – 1930-е годы

Есенин в восприятии Клюева. Клюев мифологизировал Есенина: в 1910-е он «отрок вербный», его «голосок слаще девичьих бус» («Оттого в глазах моих просинь...», 1916), он «трехвенечный», их связывают «безмужние зачатья» («Ёлушка-сестрица...», 1917), но и в «Песни о великой матери» (между 1929 и 1934) «Ему на кудри мёда ковш / Пролили вёглы, хаты, рожь». Первоначально в их союзе Клюев лидировал, но слишком различна была их личностная, интеллектуальная, творческая природа¹⁴⁹; Есенин пошел своим путем, что породило в Клюеве подлинную драму: «отрок вербный» стал оборотнем Китоврасом («Ёлушка-сестрица...»), его поэзия «остужена» гордыней, его путь – «тропа к Иудиным осинам» («В степи чумацкая зола...», 1921). Есенин и жесток с Клюевым как поэт («Теперь любовь моя не та...», 1918; «Ключи Марии»), и заботится о нем как близкий человек. Обосновавшийся в Ленинграде Клюев оказался чрезвычайно притягательным для многих ярких и разных поэтов (от О. Берггольд до А. Введенского), для художественной, театральной, дипломатической среды, но творческий разрыв с Есениным, образ жизни Есенина и смерть Есенина (а он верил в его самоубийство) – всегда боль Клюева. В 1926-м он написал «Плач о Сергее Есенине» – о «птахе моей любимой», «рожоном моем дитятке», «жертве вечерней», «матюжнике милом», но и о «новом Иуде», который ушел от Клюева «разбойными тропинками», и которого сразила птица Удавница, и помянет которого «чёртушко» «Кутьей из углей да из обмылок банных!». В клюевских «снах» разворачиваются картины страшных адовых мук Есенина-самоубийцы.

Лирика. Один из лейтмотивов Клюева – универсальность России как вместилища всего тварного мира. В такой лирике проявились и евразийские, и религиозно-

¹⁴⁸ Бухарин Н. Злые заметки / Вопросы литературы. 1988. № 8. С. 222.

¹⁴⁹ «Один – воплощение мужественного, крепости, которая чувствуется во всем: в кряжистости и напористости языка, в скупости и суровости чувства и обилии образов. Это – Клюев. Есенин – женственен, мягок, всегда с уклоном в лиризм». См.: Иванов Ф. Мужичья Русь (Николай Клюев, Сергей Есенин) // Русское зарубежье о Есенине. Т. II. С. 72.

космические воззрения поэта. Этим же можно объяснить обилие тропов, создающих единое пространство народов, природы, утвари: «Дорожное вымя – бугры да ухабы, / Их доят сутёмки – в повойниках бабы» («Карельские зори раскосы и рябы...», 1922) и проч.

Приоритетной стала и тема назначения поэта. Сравнивая свое творчество с творчеством Гамсуна, он писал о себе – «глухонемом потоке» («Кнут Гамсун – сосны под дождем...», между 1929 и 1932); его «славянская звезда <...> / Скатилась на птичий двор» («Письмо художнику Анатолию Яру», 1932); он упрекал «нетопырей», впившихся в гриву «Пегасу русскому в каменоломне», писал о том, как одолеют «нетопырей» он сам, Клычков, Ахматова, Васильев («Клеветникам искусства», 1932); он, имея в виду ответственность поэта за написанное, называл Маяковского «Злодеем, чья флейта – позвоночник, / Бульжник уличный – построчник» («Есть демоны чумы, проказы и холеры...», 1934).

В «Есть демоны чумы, проказы и холеры...», как и во всем цикле «Разруха» (1934), он писал о жертвах революции и социалистического строительства, о «беломорском смерть-канале», о победе бесов, о превращении страны в «кочевья леших и чертей», поражении российской цивилизации «от Арарата до Поморья» («Сидит на гноище Москва, / Неутешимая вдова, / Скобля осколком по коростам»), о кремлевском «жилье зловещего кота» – «Там сатаны заезжий дом».

Еще одна, также запретная, тема – любовь избраннику, возлюбленному (цикл «О чем шумят седые кедры», 1930 – 1932).

«Погорельщина». Клюев не скрывал своих антиправительственных взглядов¹⁵⁰. Поэма «Погорельщина» написана в 1928 г., она, как и другие, не могла быть опубликована в СССР, но поэт читал ее в узких кругах интеллигенции; один список поэмы был сохранен итальянским славистом Этторо Ло Гато, другой хранился в архивах НКВД. Клюев полагал, что непосредственной причиной его ареста стала «Погорельщина». В этой и других поздних поэмах Клюева сказалась старообрядческая

¹⁵⁰ Публицист и критик Р. Менский вспоминал о своей встрече с Клюевым в 1928 г.: «Поговорили о деревне, о надвинувшемся на крестьян горе. Когда мы уходили, Н.А. почти шепотом несколько раз сказал: “Будет гарь... Ох, будет гарь”... Насильственная коллективизация у него ассоциировалась с насильственным никонианством» (Менский Р. Н.А. Клюев // Николай Клюев глазами современников. С. 182.). О том же вспоминал Э. Ло Гато: «И в 1929 и в 1931 гг. Клюев имел случай сказать мне – и я записал это, по понятным соображениям не мог использовать в тогдашних моих статьях, – что “величайшее преступление” советского правительства состояло в насильственном превращении русского мужика в пролетария, в беспощадном уничтожении того, что составляло глубинную сущность России, в осуждении, как противоречащей материальному прогрессу, той религиозности, которая всегда жила в душе русского крестьянства хотя бы в самых первобытных формах, как, например, в жестокие времена Болотникова, Стеньки Разина или Пугачева, столь дорогих большевикам» (Ло Гато Э. Воспоминания о Н.А. Клюеве // Там же. С. 191.).

культура: бытовая, религиозная, интеллектуальная, образная – иконописная¹⁵¹, поморского медного литья, кружев, вышивки, жемчужного шитья и, полагаю, словесная (от протопопа Аввакума, от главной книги старообрядческой догматики и полемики «Поморские Ответы», от Семёна Денисова – автора «Слова воспоминательна о святых чудотворцах, в России воссиявших» и др.). Смысл древнерусских миниатюр, по Д. Лихачеву, заключался в пространственном преодолении повествовательного времени¹⁵², что мы и видим в пространственно-временном универсализме, в композиции образов «Погорельщины». Мастера Поморья – кружевницы, резчик, иконник – творят, уподобляя земной мир и горний, крестьяне словно сосуществуют со святыми Зосимой и Савватием, с Нилом Столпником, в современность вплетается библейская история, развернуты картины России реальной и «нерукотворной». Змий покоряет поморский староверский рай – Великий Сиг; на погосте заплакал глиняный Христос, в коклюшках заржал кружевной горбунок, с иконы исчез Егорий, Микола не пришел на помощь поморцам, напилась с поганого копытца и стала нечистой кружевница Настя, «За кус говядины с печенкой / Сосед освежевал мальчонка», «сосновые херувимы» несут Иродовой дочери рублевского Спаса. Но Клюев высказывает надежду на то, что Россия – как ветхозаветный город Лидда, возрождавшийся после разрушений. Клюев придал Лидде новозаветные и русские черты: там маковки с крестами, Богородица пригожа «бровью волжскою», Лидда в «Погорельщине» находится в Индии, а Россия для Клюева – Белая Индия. В поэме 1926 г. «Деревня» (также о гибели крестьянской цивилизации) поэт верил, что все же мужик сметет «ясык с ордынской басмою», придет Иван Третий «попрать татарские плети»; в «Погорельщине» он верит в то, что в России еще «пахнет жасмином / От Саронских гор» – от плодородной Палестины.

«Песнь о великой матери». Поэма, по сути эпопея, писалась между 1929 и 1934 гг. В 1934-м поэта арестовали, рукопись поэмы изъяли, она долгое время считалась пропавшей, но, найденная в архивах КГБ, была опубликована в 1991 г. «Песнь о великой матери» – могучий поэтический эпос, равного которому, возможно, в русской литературе XX в. нет. Как это свойственно поэтике Клюева, она избыточна образами и информацией. В ней развернута грандиозная картина и старообрядческой поморской жизни, и погибающей послереволюционной России («больше нет родной земли», «Я вижу белую Москву / Простоволосою гулёной»). Россия видимая срастается с мистической: «Эти притчи – в день Купалы / Звон на Кижях многоглавых, / Где в горящих покрывалах, / В

¹⁵¹ По мнению Э. Райса, главная заслуга Клюева – «претворение средневековой иконописи в словесное искусство», «подобно иконописцам Клюев сводил многообразие земного мира к знаку, к символу, ни в какой мере не теряющему своей красочной действительности». Райс Э. Николай Клюев // Клюев Н. Соч.: В 2 т. / Общ. ред. Г.П. Струве, Б.А. Филиппова. Мюнхен, 1969. Т. II. С.101.

¹⁵² См.: Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.

заревых и рыбьих славах / Плещут ангелы крылами» и т.п. В поэме повествовательность, изобразительность сочетаются с библейскими мотивами, с плачами, голошениями («Ах, обожжен лик иконный / Гарью адских перепутий, / И славянских глаз затоны / Лось волшебный не замутит! / Ах, заколот вещей лебедь / На обед вороньей стае, / И хвостом ослиным в небе / Дьявол звезды выметает»), гимнами («Нет прекраснее народа, / У которого в глазницах, / Бороздя раздумий воды, / Лебедей плывет станица! / Нет премудрее народа, / У которого межбровье – / Голубых лосей зимовье, / Бор незнаемый кедровый, / Где надменным нет прохода / В наговорный терем слова!»), пророчествами («И в зыбуне косматый леший / Народ развенчанный ведет, / Никола наг, Егорий пеший / Стоят у Китежских ворот!»). Раствление, разорение страны показано на контрасте с устоявшимся старообрядческим миром¹⁵³, его обрядами, книгами, изысканной мифологией, иконами, почитанием покойных, семейным ладом, бытовой чистоплотностью.

В сюжете о матери – о Параше¹⁵⁴ – старообрядческие реалии сплетены с мистикой, воспринимаемой как данность, как узнаваемая реальность, что дает нам основание отнести поэму к магическому реализму. Восемнадцатилетняя девушка влюблена в св. Феодора Стратилата, изображенного на «венецейском складне», она отправляется в Царьград на мистическое свидание с избранником («Тебе вручается душа»), ей является Богородица и предсказывает свадьбу с вдовцом («А плоть, как стены шалаша, / Я китобойцу отдаю!..»), рождение сына-«сладкопевца». В дороге Параша проходит через испытания: ей попадаются «стада ночных нетопырей» (но «бесстрашна внучка Аввакума»), волки (она осеняет себя крестом, как Федосья Морозова), она проваливается в медвежью берлогу (ее ценой собственной жизни спасает человек с символическим для нее именем Федор – «Христос венчает нас!»). Мать в сознании Клюева наделена исключительной харизмой. В ее свитках – призыв к последнему собору, она обращается ко всем верующим, в том числе и к сектантам («Да от рязанских кораблей / Чету пречистых голубей, / Еще Секиру от скопцов»).

Клюев в поэме – и судья-старообрядец, и кающийся грешник, некогда причастный к отступничеству, и пророк сильной России, способной «Испепелить Левиафана / Двоперстным огненным крестом».

Сны. А. Ремизов, издавший в 1954 г. собрание своих снов «Мартын Задека» (1954), конечно, ничего не мог знать о снах Н. Клюева. Дружественными их отношения не были, хотя в стилевых, жанровых и мировоззренческих исканиях того и другого есть точки пересечения. Сны Ремизова укоренены в повседневности, а Клюев вне ее; подсознание

¹⁵³ См.: Киселёва. Мифология и «реалии» старообрядчества в «Песни о великой матери» Николая Клюева // http://kluev.org.ua/academia/starover_st_1.htm

¹⁵⁴ На старых севернорусских иконах Параскева Пятница изображалась на обороте образа Богородицы.

Ремизова тревожное, утягивает к гибели, в онейрических интенциях Клюева – святоотеческая опора, некоторые интонационно близки библейскому плачу; Ремизов в снах переживает собственную жизнь, сны Клюева – «провидческие наития»¹⁵⁵. В снах Клюев духовно близок Преподобному Серафиму, но и осознает свою малость: он грешник, заслужил, как «ошпаренная шелудивая собака», пинка («Неприкосновенная земля», 1923). Различим гоголевский проповеднический максимализм, хотя Гоголь снится ему в аду, где пребывает «за сомнения»; Гоголь посылает ему духовного наставника о. Игнатия (Брянчанинова). Повторяющийся мотив – высокое предназначение его пути («Два пути», 1922) в страшном мире. Клюев сны не записывал, а наговаривал¹⁵⁶.

Смертный ужас испытывает Клюев в сне «Мертвая голова» (1922): он в чужом месте, откуда нет пути назад и где грязь под ногами и «псиный воздух» (ср.: у Мандельштама в «Четвертой прозе», 1930 – «в псиные московские ночи»¹⁵⁷; у Данте – бесы, «как псы, бросаются на бедняка»¹⁵⁸); за прилавком – бесы, люди с собачьими глазами, они торгуют подержанной одеждой, пропитанной кровью, и человечины; на прилавках – колбаса из кишок, на крючьях – части тела; среди товара – мертвая голова Коленьки¹⁵⁹. В поэтике сна срослись сюрреалистические и натуралистические черты, на современном материале разворачивается босховская картина. Чужим, бесовским, местом в снах оказывается и гостиница, и незнакомая комната, и кабак, и ночная грязная улица. Снится Коленькина смерть: он удушенник, либо его убивают военные, либо его птица «в зоб уместила, пожрала». Снится, как Есенин попадает медведице в лапы, и «Сереженькина медовая кровь» древесным соком потянулась к сосновым макушкам («Медвежий сполох», 1923). Снится и собственная смерть: он взят под стражу – «завтра казнь» («Сон аспидный», 1923); «солдатишко», «этапная пустолайка», в него целится, его «выстрелом кончат будет» («Пресветлое солнце», 1923); девка показывает Клюеву нитку-петлю, на которой его повесят («Царьградский закат», 1924); его пронзают копьями казаки-персы («Лебязье крыло», 1925).

¹⁵⁵ Михайлов А.И. О прозе Николая Клюева // Клюев Н. Словесное древо. С. 14.

¹⁵⁶ В этом особенность клюевского творчества. Н. Минх свидетельствовал: «Он не раз говорил мне, что, творя, он никогда ничего не записывает. Все слагается в уме, запечатлевается в памяти, и лишь после того, как произведение бывает окончено, он садится и записывает его набело. Он делает потом кое-какие поправки, но они всегда незначительны». Минх Н. Из воспоминаний о поэте Николае Клюеве // Николай Клюев глазами современников. С. 19. Сны за Клюевым записывал Н.И. Архипов, искусствовед и историк. Они познакомились в 1918 г. В 1924 г. Архипов был назначен хранителем Петергофа, потом стал директором петергофских дворцов и парков. В клюевских снах он – Коленька. Шесть снов записала Н.Ф. Христофоровой, у которой Клюев останавливался, бывая в Москве в 1931 – 1932 гг.; она воспроизвела их по памяти в 1960-х гг. Сны цит. по: Клюев Н.А. Словесное древо. С. 79 – 102.

¹⁵⁷ Мандельштам О. Сочинения: В 2 т. / Сост. С.С. Аверинцев, П.М. Нерлер. М., 1990. Т. II. С. 93.

¹⁵⁸ Здесь и далее текст «Божественной комедии» цит. по: Данте А. / Пер. с итал., вступ.ст., коммент. М. Лозинского. М., 2002. Перевод «Ада» Лозинский закончил в 1938 г. Клюев мог знать перевод Н. Голованова (1896 – 1902) или опубликованный в 1902 – 1904 перевод Д. Мина.

¹⁵⁹ Н. Архипов был арестован в 1937 г., через год его осудили на пять лет заключения.

Сны – личный мистический опыт Клюева. Мы можем лишь отметить сходство некоторых образов с образами «Божественной комедии». В снах Клюев погружается в адовы глубины. Данте круг называл кольцом, а Коленка еще не прошел седьмого кольца («Седьмое кольцо», 1923). Клюеву снится рассечение человеческой плоти, надругательство над ней – и это мотив «Божественной комедии» (песни 14, 28 и др.). Клюевский ад (1 января 1926 г., после гибели Есенина, он видит сон «Пучина кромешная») «за порогом земным», «посреди мерзлой, замогильной глади», «и та гладина – немереный и немислимый кал человеческий да трупная стужа», «<...> поперек трость панельная в серебряных буквах, а на ней голова насажена бабья, в рыжих волосьях, а кишки, как кал земной и мертвецкий мусор». Мотив нечистот есть и в «Царе славы» (1922): Клюев в чистых ризах идет через «человеческие отбросы», вброд по «вонючей да зеленой» луже. В «Божественной комедии»: «Туда взошли мы, и моим глазам // Предстали толпы влипших в кал зловонный, / Как будто взятый из отхожих ям. / Там был один, так густо отягченный / Дерьмом, что вряд ли кто бы отгадал, / Мирянин это или постриженный». Часто снились истязатели. Или это огромные птицы, от них Клюев и Коленка откупаются кровавым хлебным мякишем («Львиный сон», 1923); или Есенина, насквозь прошитого цепью, гонит лютый бес, у него погонялка – «змей-чавкун, шьет тело быстрее иглы швальной» («Пучина кромешная»). У Данте (песни 24, 25) описано, как змеи скручивали и пронзали тела грешников. У Данте жажда – адова мука; Клюева мучает жажда («Студеная жажда», 1923).

Но снится и спасение, оно в иконе¹⁶⁰, молитве, колокольном звоне, в «святочистой» горница, в Египте, где Клюев прячется от ищеек. Все светлое связано с матушкой.

Однако в 1930-е годы сны подсказывают ему, что пути в благой мир не будет, что суждено ему пережить земные скорби. Видит он отчаливший пароход с русскими подвижниками, странниками, мучениками, святыми; оставшийся на берегу Клюев понимает, что все они покинули Россию, осталась одна Владычица в одеждах странницы. Или он идет по погруженному во тьму ледяному пространству, натывается на кочкообразные стонущие и вопящие глыбы – головы мучеников, среди них узнает самоубийцу, погибшего «по своей упавшей до бездны воле». У Данте описано ледяное озеро, в которое вмерзли грешные души: «Одни лежат, другие вмерзли стоя». Клюев узнает Есенина, но не может ему помочь – он сам «изнемог в этом мертвяще-ледяном вихре». То же испытал в ледяном пространстве и Данте: «Как холоден и слаб я стал тогда». Или сюжет другого сна: чудовища волокут окровавленного самоубийцу, его

¹⁶⁰ Пономарева Т.А. Икона и иконное изображение в прозе Н. Клюева // XXI век на пути к Клюеву / Сост., науч. ред. Е.И. Маркова. Петрозаводск, 2006. С. 71 – 80.

голова бьется о бесконечные каменные ступени, «его поглотила бездна». И опять Данте: бес, накинув человека на плечо, держал его «за сухожилия ног» и «мчал на скалы» (119). Адовы страдания Есенина – частый мотив¹⁶¹.

VII. Творчество С.А. Клычкова в 1920 – 1930-е годы

Проза. Проза Клычкова необычайна и для 1920-х, и для нашего времени. В ней простодушие увязано с философской глубиной, сказовое повествование – с модернистским стилем. В его романах («Сахарный немец», 1925; «Чертухинский балактирь», 1926; «Князь мира», 1927) высказаны не поддающиеся однозначному толкованию мысли о Боге и умственных искушениях, о природном мире, о мужицкой жизни, в которой «перепутаны концы и начала не хуже, чем в любом житии», о времени, что катится, «как раскатистые сани на полозах», о движении светил в космической беспредельности. Клычков не вписался в советскую литературу. На вопрос анкеты журнала «На литературном посту» (1931. № 20 – 21) «Какой нам нужен писатель?» он отвечал: роковым для современного писателя является отсутствие сопротивления современности, писателю необходимо «оставлять для себя и для своего творчества что-то такое в жизни и своей собственной (глубоко интимной!), и в той ее части, которая имеет соприкосновение с так называемой жизнью в обществе и для общества, – оставлять для себя некую запретную зону для идей, чувств и мыслей <...>»¹⁶².

«Сахарный немец» – первый из задуманного, но лишь частично осуществленного девятикнижия «Живот и смерть». В главном герое, Миколае Митриче Зайцеве, – черты автора. Он крестьянин, зауряд-прапорщик и потом подпоручик, поэт; о нем написал в газете его долгоносый приятель (имеется в виду Городецкий), его песни распевают солдаты. Его зовут Лелем, Зайчиком. Время действия – Первая Мировая война. Место действия – фронт, село, город Чагодуй, Петербург, опять фронт. Зайчик приезжает на «побывочку» в родное село Чертухино. В нем много наивного и пытливого, он избирательно видит и чувствует больше других, его сознание свободно переходит из реальности в онейрическое пространство. Он восприимчив к лунной энергии:

¹⁶¹ Клюев в 1926 г. говорил Архипову, как много терпят мужики, но не уходят из жизни по-есенински. Во втором номере «Нового мира» за 1926 г. была опубликована статья С. Городецкого «О Сергее Есенине», в ней откровенно неприязненное отношение к Клюеву, его творчеству, его влиянию на Есенина. По поводу этой статьи Клюев писал Клычкову в декабре 1926 г.: «Я еще по<ка> не повесился и не повешен, и у меня есть перо и слова более резонные и общественно нужные, чем статья Городецкого» (Клюев Н. Словесное древо. С. 258.).

¹⁶² Клычков С. Собр. соч. Т. II. С. 517.

«Только еще и теперь часто Зайчика месяц будит, и он подолгу не может заснуть, пока власть не наглядится...

– Месяц! – шепчет в такие минуты Зайчик. – Месяц!...»

Старообрядческий деревенский мир сложен. Перед нами, казалось, пастораль. Крестьяне знания о жизни черпают из мудрой книги «Златые Уста», радужные врата открываются душе человека, прочитавшего ее. В избяном укладе Зайцевых достоинство и достаток. Чертухинцы поэтичны, их идеал совестливости и простоты выражен в легенде о царе Ахламоне, попадающем в идеальное царство Зазнобы под водами озера: там чужого никто не желает, но и своего не имеет, там нет ничьей власти, работают две секунды в день, все круглосуточно спят и во сне видят себя еще богаче, добрее, краше. Чертухинцы верят в разголубую страну, где нет лиходейства, налогов, острогов, коней седлают только на пашню, в реке течет живая вода; там нет царя, а пастух выше министра. Но чертухинский мир – не идиллия, он разваливается на глазах у Зайчика. «Златые Уста» потеряны, домовый исчез, последних коней забирают на фронт, невеста Клаша, с которой Леля в духе и свете венчал староверский поп Андрей Емельянович, вышла замуж за купеческого сына, и сам Зайчик грешит с Клашей – уже чужой женой. Лелю мир кажется запеленутым в туманный саван. Клычков пишет: «И как тут не плакать, как не сронить слезу в глубокую реку, где свет – как песчаное дно, но тьма и туман над рекою; как не плакать, живя в такой серой, туманной, печальной сторонке! О, где ты, пресветлый Иордан, в который смотрятся избы под тайной полуночной звездой!». Кто же запутывает концы и начала этой жизни? Черт, которому податлив и кузнец, и дьякон. Лель, вернувшись на позиции, убивает, как ему показалось, маленького карлика-немца с сахарным и грозным голосом, с игрушечной пищалью, со штыком с запекшейся сладкой кровью; в снах Леля этот немчик заряжал ружье, стрелял сахарной пулей – и дергалась земля: «Пришел, видно, Русь, тебе кончик». В реальности Лель совершает ненужное убийство – стреляет в какого-то немецкого солдата во время перемирия. Душа героя, обманутого чертом, опустошена. Сам Клычков писал с фронта Журову: «Первый выстрел будто разбудил, ошеломил, накинулся на меня, как вор, на дороге жизни и сделал меня из богача нищим. Чувство какой-то роковой странной душевной опустошенности не покидает меня по сие время»¹⁶³.

Прочитав столь необычный роман, Журов предостерег: «Берегись, берегись, Сережа, мне больше всего за тебя страшно <...> с какой-то вышки уже следит за Тобой неусыпный враг»¹⁶⁴. Пришло хвалебное письмо от Горького¹⁶⁵. Но Горький, понимая всю

¹⁶³ Журов П.А. Две встречи с молодым Клычковым // Русская литература. 1917. № 2. С. 154.

¹⁶⁴ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 199.

степень таланта Клычкова-прозаика, понимал и чужеродность романа для советской идеологии, что и высказал в записке к П. Крючкову и в письме к Н. Бухарину: в «Сахарном немце» не было героя, «воплощающего в себе инстинкты и дух массы, влекомой к жизни поистине новой», в романе возрождался «сентиментализм народничества», а потому Бухарину или Троцкому следовало, по мнению Горького, «указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен – даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух “направлений”»; и не нужно никакой цензуры, она лишь усугубит «идеологию мужикопоклонников и деревнелюбов», нужна «нешадная» критика крестьянской идеологии¹⁶⁶. Судя по июньскому 1925 г. письму Горького Бухарину, в этом вопросе Горький не надеялся на рапповцев: «Все эти Родовы, Лелевичи, Вардины прежде всего бездарны»¹⁶⁷. Однако к чести Горького, когда встал вопрос об экспроприации дубровкинского дома, писатель обратился к Горькому и был ему благодарен за сочувствие и посильное участие. Городецкий советовал Клычкову бросить «китежи», отказаться от нестеровского мировидения, писать о «едва сейчас строимом, но уже начатом стройкой светлом мире будущего человечества», и тогда Клычков станет «самым чудесным писателем»¹⁶⁸. Но в 1926 г. в «Новом мире» (при В.П. Полонском) был опубликован «*Чертухинский балакирь*». Как в журнале, Госиздатом роман был выпущен под одной обложкой с выполненной в напостовском духе статьей Г. Лелевича «Поэт мужицкой стихии», в которой роман обличался как реакционный. Роман впечатлил Горького, хотя Ф. Гладкову 30 октября 1926 г. он писал о том, что не разделяет идеологии Клычкова – выразителя крестьянских масс. Но злонамеренности в авторе не усмотрел и роман воспринял как «эмоциональный бунт»¹⁶⁹, о чем в следующем месяце написал Воронскому. В том же письме он отозвался о «Чертухинском балакире» как о «хорошей книге»¹⁷⁰; через два года Р. Роллану сообщил, что Клычков написал «два интереснейших романа»¹⁷¹. Пожалуй, особенно примечательно его письмо к М. Пришвину; с одной

¹⁶⁵ «Прочитал “Сах<арного> немца” с великим интересом. Большая затея, и начали Вы ее – удачно. Первые главы – волнуют; сказка Пенкина “Ахламон” – безукоризненно сделана. Всюду встречаешь отлично сделанные фразы, меткие, пахучие слова, везде звонкий, веселый и целомудренно чистый великорусский язык. Злоупотребление “местными речениями” – умеренное, что является тоже заслугой в наши дни эпидемического помешательства и некрасивого щегольства “фольклором”» (Архив А.М. Горького. Пг-рл 1875/1).

¹⁶⁶ Из письма М. Горького к Н. Бухарину от 13 июля 1925 г. // Известия ЦК КПСС. 1989. № 1. С. 246 – 247.

¹⁶⁷ Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 182.

¹⁶⁸ Из письма С. Городецкого С. Клычкову от 3 марта 1925 г. РГАЛИ. Ф. 1684, оп. 1, ед. хр. 44.

¹⁶⁹ Архив Горького. Т. 10. Кн. 2., М., 1965. С. 43.

¹⁷⁰ Там же.

¹⁷¹ Литературное наследство. М., 1963. Т. 70. С. 20.

стороны, «неожиданная книга <...> в коммунистическом и материалистическом государстве», с другой:

«Да – “Крепок татарин – не изломится!

А и жиловат, собака, – не изорвется!”

Это я цитирую Илью Муромца в качестве комплимента упрямому россиянину¹⁷². Пришвин, при всей сложности личных отношений с Клычковым, ответил достойно: «<...> гений наш человеческий не может быть уничтожен, а если он бывает подавлен, то выпрет свое, не считаясь с эпохой»¹⁷³. «Чертухинский балакирь» вызвал поток статей в журналах и газетах разных уровней.

Герой – Петр Кирилыч – такой же необычный мечтатель, как Зайчик, чистосердечный «чертухинский враль», балакирь, которому «все казалось иначе, как, может, никогда и ни у кого не бывает». Его сватом становится леший Антютик; не искушенный в вере, редко бывавший в церкви, он женится на дочери еретика Спиридона Емельяныча и просится в его веру; наконец, в него влюблена чертухинская ведьма Ульяна. Сложная для понимания клычковской точки зрения – фигура Спиридона Емельяныча, владельца Боровой мельницы, которую он в сектантских целях выменял у барина Бачурина за двух медвежат и за книгу «Златые Уста»: в мельничной подклети он устраивает скрытую церковь – «чтобы попы про веру не пронюхали». Спиридон и его брат Андрей – староверы, были на Афоне, где поддались искушению соборного черта, принявшего облик монаха. Он вкладывает в их сознание мысль о недоступности рая для мужиков. Вновь Клычков пишет о религиозном, интеллектуальном бессилии человека перед чертом: нечистый «спокоен века живет с человеком, и нет такой хаты и дома, где бы не было с добрый десяток чертей», даже мурцовку и тюрю выдумал бес, чтобы мужик меньше верил в Бога. Спиридон решает попасть и в рай, и в святые («С крайку, да в райку!»). Его мельница – скит, в подклети появились иконы с ликами святых, похожими на чертухинских крестьян. Суть его веры: человек – двуипостасная тварь, обращенная к небу и пригнувшаяся к земле, потому надо плоть лелеять; однако Спиридон требует от близких трехлетнего плотского воздержания («Ведь Спаситель был три дня в... смертной плоти»), себе дает обет пожизненного воздержания. Воронский («Лунные туманы», 1926) журил Клычкова, «необычайно талантливо», за дуализм: «Только материалистический монизм, рассматривающий “дух”, “душу”, психическое как функцию “непомерной плоти”, материи, примиряет диалектически противоречие, которое мучает Клычкова, и только он, этот монизм, жизнерадостен, не требует подспорья в виде заплотинного

¹⁷² Там же. С. 335.

¹⁷³ Там же. С. 337.

царства»¹⁷⁴. Судя по письму Горького к Воронскому из Сорренто от 2 ноября 1926 г., тот недостаточно разоблачил идеологию романа.

Отметим: мельник – не Клычков; мельник близок к платоновской трактовке тела как могилы души, к гностическому противопоставлению духовного и телесного, к аскетизму изводивших себя половым воздержанием манихейцев. Жертвы мельниковых установок – жена и дочери. Лукава история с собственным воздержанием: чтобы новый пророк не нарушил зарока, к нему по ночам с того света приходит жена Устинька. Она, конечно, не в раю, но ей хорошо и у райской ограды под калиновым кустом. Апостол Петр наказывает Устиньке: «Спи с ним последние годы, потому теперь на вас на обоих нет уже никакого греха!..». Но мельнику не удастся попасть в святые: к своему ужасу однажды под утро он видит около себя не Устиньку, а оборотня и колдунью Ульяну. Произошло это после сна о прародительнице Еве, предложившей ему съесть яблочко. В итоге тайная церковь сгорает, а вместе с ней и мельник, и впавшая в летаргический сон дочь. Пожар случается от образа Неопалимой Купины. Перед смертью Спиридон называет себя окаянным. И еще: когда Спиридон и Андрей бежали из афонского скита, прихватив с собой армяк святого Ворсонофия, одному отшельнику приснился сон о них – хриstopродавцах, пришедших с болотной стороны, где обитает нечистая сила.

В мельнике Клычков не видит ни живой жизни, ни истинной веры. Ему ближе космизм не отвергавшего христианства Антютика: вселенская гармония устроена также, как в кадучке рассол без прокиса, «потому круглый месяц, круглое солнце, круглое колесо... у телеги, потому что телега иначе не стронется с места, а на то она и телега, как на то же и месяц, и солнце, чтоб не стоять на одном месте, а катиться и катиться по небу».

А.В. Луначарский в обзоре «Литературный год» (1929) выделил «*Князя мира*» как явление попутнического романа большого художественного достоинства. В. Полонский в статье «Октябрь и художественная литература» (1928) назвал Клычкова самым крупным художником. В то же время на Клычкова рисовали карикатуры, писали статьи-доносы.

В «*Князе мира*» вновь появляется черт. Один из наиболее интересных Клычкову мыслителей Ориген Александрийский писал: «<...> он и был назван князем сего мира, то есть земного обиталища»¹⁷⁵. Обратившийся ко времени крепостного права Клычков полагал, что зло и бессилие укоренились в человеке давно и прочно. В пору написания «*Князя мира*» Клычковым, по всему видно, овладела тревога. Он говорил о своей смерти, просил Журова похоронить его на Дубне без всяких обрядов; он написал завещание,

¹⁷⁴ Воронский А. Искусство видеть мир / Сост. Г.А. Воронская, И.С. Исаев. М., 1987 С. 231, 228.

¹⁷⁵ Ориген. О началах // Ориген. О началах. Против Цельса. СПб., 2008. С. 125.

назначил его опекуном дочери. В декабре 1927 г. Журов записал в дневнике его слова о мире, лежащем во зле, о неодолимости зла и даже о вере в черта.

Старик Михайла, признанный односельчанами чуть ли не святым, отправляется в странствие вокруг земли. И вновь Клычков показывает, как слаб человек: путешествие взявшего в жены молодуху «святого» вызвано желанием вернуть мужскую силу («со слов он угодник, а с усов он греховодник»); по дороге Михайла встречает черта и в страхе отдает ему свой лик. Черт живет с Михайловой молодухой Марьей, в избе появляется достаток, но от Марьи отстраняется иконный лик Николая Угодника. Разворачивается пародия на евангельский сюжет: Марья в последнюю субботу перед Пасхой рождает младенца, будущего барина Бачурина – мучителя крестьянского мира, на тесемке у новорожденного Мишутки висит неразменный целковый с изображением князя сего мира. После смерти Марьи и исхода черта целковый обеспечивает сироте капитал, но прежде мирской сирота проходит все испытание земного ада: крестьянский мир жалостлив, но и жесток. Как говорит единственный заступник Мишутки дьякон Порфирий Прокофьич: «Потому мирской человек вроде как в бессрочном порядке... захотят – в землю заруют, и никакой управы на мир не найдешь, потому – мир!» В этой и других сюжетных линиях романа Клычков показал, сколь исказился человек, как святость одного оборачивается бедой для всех крестьян Скудилища, как черт оказывается беззлобнее человека (палача Хомки, помещицы Рысачихи и др.¹⁷⁶).

Во всех романах Клычков изобразил особую крестьянскую суть. Крестьянин трудолюбив и нищ – ситник видит только во сне; он кормилец, «приучен к тяжести»; он философ и простак. В ненаписанном романе «Хвала милостыне» должна была развиваться мысль о том, что плоть мужичья тверда и даже жестока, но дух – с голубиными крыльями, в бело-розовом лебяжьем пуху. И хоть крестьянский мир остался без «Златых Уст», размыли ее дожди, буквы стали клюквой и куманикой, строчки повисли на черничных ветках, все же бабы и девки собирают эти ягоды, кормят ими малых ребят, дают старикам, «потому-то и мудр простой человек, и речь его проста и цветиста!» Но крестьяне в массе своей духовно непросветленные. В «Сахарном немце» приводятся слова староверского батюшки о душе, подобной слепцу: человечьи очи навсегда закрыты пеленой. Солдатская душа вообще темна, солдат Святое писание читает «наоборот», когда «одна часть мне, часть благая, а другая – рогатому черту». Но и ученые люди мало понимают в Божьем мире: наука родилась от барской зевоты, от скуки ума, в науке человеческий разум плавает, как слепой котенок в ведре, придет хозяин, станет разметать

¹⁷⁶ См.: Никё М. Дьявол у С. Клычкова и М. Булгакова // *Revue des etudes slaves*. Paris. LXV / 2. P. 369 – 375.

духовную пустошь и закинет котенка на луну. Человеку нет дороги в Сорочье царство, а богатырь из Сорочьего царства тридцать лет ездит по белому свету, но не встречает людей «в настоящем их виде».

Романы пронизаны религиозной мыслью. Без Бога превращается «все в страшную бессмыслицу!»¹⁷⁷. Сквозная тема – теодицея. Как согласовать идею благого Бога и наличие мирового зла? Как оправдать Бога?

В «Железном Миргороде» Есенин сказал: вера в Бога, «деда с бородой», – «чепуха»¹⁷⁸. По-видимому, Клычков имел в виду эти слова, когда в «Чертухинском балакире» писал: «Есть Бог... безбородый, потому бороде негде на нем поместиться, ибо он есть высшая плоть, плоть плоти, сиречь речь говорится: нескончаемый дух!.. Только всего этого человек хорошо не может понять». Троечник Петр Еремеич в «Сахарном немце» произносит: «<...> вера – единый исток дыхания и жизни здесь, на земле, оттого и не падает волос без веры». Пенкин говорит, что с верой не так страшно. Силы колдуньи иссякают, когда балакирь произносит: «Осподи Суси!». Мать укладывает Зайчика: «<...> ложись со Христом...». На груди у Мишутки не только неразменный рубль, но и крест. И рассказчик, и герои понимают, что без высшего заступничества они пропадут.

В 1927 г. – а тогда появился «Князь мира» – Н. Бердяев опубликовал свою статью «Из размышлений о теодицее», где высказал мысль: «Христианская теодицея возможна лишь через свободу человека, свободу твари»¹⁷⁹. Романы Клыčkкова – о религиозной и нравственной свободе человека, но эта свобода опасна. Примечателен разговор в чагодуйском трактире между Петром Еремеичем и дьяконом с Николы-на-Ходче о Господе, отдавшем Свою премудрость в руки человека, но и отринувшем от земли Свое Лицо, забывшем о ней навсегда: «Бог в нас с тобой, дьякон, больше не верит», а надо, чтобы верил, даже если люди будут «в вере блудить сколько им угодно». У Зайчика от дьяконовых рассуждений, от такой «свободы твари», «под сердцем мутит». Он утешает себя: «Все – слава Богу!». Но уже на фронте признается Пенкину, что верить стало все труднее. Клычковские герои удивляются, почему Бог их забыл, но очевидно, что они Его забывают.

Как гностики не решили проблемы теодицеи и представили человеческий мир изначально злым, как сменившие их манихеи сошлись на том, что зло и добро равноправны, так и клычковские философы уверяют друг друга в своей богооставленности и силе черта. Прохор Акимыч Пенкин рассказывает притчу об ищущих Божьей правды правильных старцах, которые вместо нее в лампаде

¹⁷⁷ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 203.

¹⁷⁸ Сергей Есенин в стихах и жизни: Поэмы 1912 – 1925. Проза 1915 – 1925. С. 246, 243.

¹⁷⁹ Путь. 1927. № 7. С. 57.

иерусалимского храма нашли бесенка, а на Афон-горе узнали, что Божья правда «у черта в батраках живет». В «Князе мира» прозвучали слова: «<...> мир заделывал Бог, хорошо не подумав, и многое сотворил впопыхах, почему и пришлось потом уж на свободе доделывать черту». Идея чертова сотворчества, как и всеислия зла, в русской литературе не нова¹⁸⁰. Клычков, наблюдая, как истончается вера, как укрепляется зло, говорит Журову: «Мир во зле лежит, облечен злом и каждый человек»¹⁸¹. Черт «большакам» не мешает, они тоже свободны в выборе; новые люди не помнят, что раньше на месте совхоза стоял монастырь; скоро человек передушит лесных зверей, выморит из рек рыбу, переловит птиц, срежет все деревья – придет час расплаты, земля станет похожей «на голую бабью коленку, на которую, брат, много не наглядишь», черт привертит человеку вместо души гайку.

В.Н. Горбачева, вторая супруга Клычкова, записала за ним: «Ориген был великий мыслитель. Он учил, что Господь Бог в веках простит и спасет ангела зла: сатану»¹⁸². Не надо искать в этих словах оправдания дьявола. В этих словах – желание верить в силу и милость Бога, во всеобщее прощение. По-видимому, Клычков размышлял о ереси (как было решено в 553 г. V Вселенским Собором) Оригена: ангелы, демоны, люди примирятся с Логосом и восстановится изначальная гармония творения. Возможно, идея Апокатастасиса, конечного спасения всего сущего, не была чужой Клычкову, как на определенном этапе и Клюеву («Песнь Солнценосца»). Но в его романах мысли о спасении нет; с каждым последующим романом усиливалась тема зла.

Еще одна неудобная тема – Церковь. Перед боем главный человек для солдата – батюшка; на солдатах православные и староверские кресты; они обращаются к ротной иконе Федора Стратилата. Во время свадьбы балакиря и Маши колдунью смущает присутствие попа. Но Клычков – старообрядец, как и многие герои его романов. Он не скрывает разногласий с новообрядцами, снисходительного или ироничного к ним отношения староверов. В молитвах староверов больше истовости, среди православных есть слабый до женского пола «попишка», поп Федот жаден до денег, дьякон с Николы-на-Ходче пропил водосвятный крест и верит в боженят. Но он же, в свою очередь, не любит старообрядцев за кичливость и жестокость. Возможно, Клычков полагал, что ни

¹⁸⁰ См.: «Лимонарь» (1907) и других произведениях А. Ремизова, который извлек из «Разысканий в области русского духовного стиха» А.Н. Веселовского представление о родственном гностицизму богомилах. По богомилам, Сатана, низвергнутый на еще не устроенную землю, устраивает ее по-своему, создает тело человека, властвует над своим миром; сотворенный Богом Логос, Его Сын, заковывает Сатану в тартар, но его демоны оставлены, они живут в каждом человеке.

¹⁸¹ РГАЛИ. Ф. 2862, оп. 1, ед.хр. 23, л. 59. Слова Клычкова близки сказанному и Оригеном: «<...> он начальствует над всеми теми, которые последовали его злобе, так как даже мир весь (миром я теперь называю это земное место) во зле лежит и именно в этом отступнике» (*Ориген. О началах. С. 125*), и апостолом Иоанном: «Мы знаем, что мы от Бога и что весь мир лежит во зле» (1Ин. 5, 19).

¹⁸² Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 204.

одна Церковь не обладает исчерпывающими знаниями о Боге. К месту вспомнить думы Зайчика о старце, который уронил ключ от Церкви в синее море.

Тип мышления Клычкова-философа – магический. Он создал романы магического реализма. У Горбачевой есть запись: «Чудесное, сказочное в семье считается обыденным»¹⁸³. Помимо сказки и семейных речевых традиций свою роль в становлении художественного стиля сыграла любовь к Н. Гоголю. На вопрос анкеты «Какой нам нужен писатель?» (1931) Клычков ответил, что не имеет склонности следить за идейно-теоретическими дискуссиями. Когда в 1925 г. вышел «Сахарный немец», он вряд ли знал, что в том же году в Германии появилась книга Ф. Роо «Постэкспрессионизм. Магический реализм». Магическая реальность создавалась Клычковым через онейрическую атмосферу. Нет смысла искать в каждом фрагменте логическую последовательность. Зайчик потерял черту, за которой «начинается сон, а явь и виденье из-под ног уплывают, как песок на крутом берегу». Неизвестно, насколько серьезно Клычков знал работы А. Бергсона, но его романы – пример интуитивистского восприятия времени. Он описывал видимую и невидимую реальности через взаимопроницаемость языка номинативного и тропеического («и солнышко будто вот только что за Чертухиным выкатило свой золотой глаз и съест еще совсем росы не успело»; «за пряслом мутный день поднял белесую голову и взглянул растекшимся глазом в окно»; «на небе в синий облак уткнулись большие рога от зари» и т.п.). Стиливая манера Клычкова кардинально отличается от «деревенского» стиля.

При тропеической густоте стиль романов прозрачен. Простота – эстетический критерий Клычкова. О простоте языка, чувстве меры его «Лысяя гора»; о поэтической простоте он разговаривал в июне 1932 г. с П. Васильевым, и тот написал: «Поверивший в слова простые, / В косых ветрах от птичьих крыл, / Поводырем по всей России / Ты сказку за руку водил» («Лето», 1932). Специфика повествовательности – в лирическом сказе, выстроенном по принципу версэ; множество абзацев написано метризованной прозой, с внутренними рифмами, и этого новаторства в прозе «мужикопоклонников и деревнелюбов» не принял (или не понял) Горький. Исключительность романов Клычкова и в том, что он опозитизировал почвенный язык. В его прозе есть высокая лексика

¹⁸³ Там же. С. 214. Госиздатовский редактор «Чертухинского балакиря» А. Тарасов-Родионов во внутренней рецензии писал об авторе как о «талантливейшем романтике уходящей патриархальной русской деревни», написавшем сказку о русской глуши, о бесхитростных людях, о чудесном мире, о поиске правды «и у водяных, и у леших, и у незлобливового сурового мужицкого бога»; Тарасов-Родионов писал о романе и как о «ярком показателе реакционных, подсознательных настроений тех слоев старой русской деревни, которых ломает и перестраивает социалистическая индустриализация» (РГАЛИ. Ф. 613, оп. 3, д. 28, л. 20). В. Горбачева писала: Клычков «жил в туманной сказке, а не в политике, в которую его насильно вовлекли критики, делая из него кулацкое пугало» (Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 217).

(«светлоосиянного дня» и т.п.), просторечия («обсмотреть», «несь», «особливо» и т.п.), алогизмы («но об этом пока речь молчит»), есть и тавтология («бедная скудоимость в хозяйстве» и т.п.). Тип мышления Клычкова-художника – фонетический: «Скушно у нас теперь без Петра Кирилыча стало!..», «Скушно мне, Феклуша!..», «Да мне-то што...». Но в его оригинальном стиле есть мера: стиль хорош не потому, что забавный и остроумный, а потому, что «заставляет о себе забывать»¹⁸⁴.

В художественной литературе 1920-х годов был богатейший русский реализм, народился нормативный язык социалистического реализма, но сохранился и развился модернистский стиль (Бабель, Клычков, Пильняк, Платонов).

Поэзия. Благодаря поэтическому слову Клычков в тяжелые для себя годы (конец 1920-х и 1930-е) верил, вопреки наступлению на него критиков, что его творческие силы не исчерпаны. С конца 1920-х тема *слова* все же звучала трагически. Все чаще, вслед за А. Блоком, он писал о немоте, безглагольности, бессловности времени, «безголосой мгле» («Пока из слов не пышет пламя...», 1929). Он писал о том, как голос лирика заглушается громом, а сам он – как сверчок за трубой («Под кровлей шаткою моею...», 1929). Поэт, по Клычкову, не теург, не пророк, не вестник, даже не избранник. Стараясь понять смысл знаковых самоубийств, он размышлял о расплате во имя искупления и очищения. Есенинское «До свиданья, друг мой, до свиданья...» (1925), предсмертное письмо В. Маяковского навели его на мысль: «В древности злокачественную коросту и паршу лечили, обмываясь собственной кровью. Современной литературе неплохо бы воскресить этот способ лечения. Не здесь ли тайна трагических обращений к т[оварищу] правительству, стихов, написанных кровью?»¹⁸⁵. Талант Есенина он ценил, в Маяковском не видел особого поэтического дара: «Маяковский был не поэт, а верблюд, вдобавок двугорбый»; трагизм, однако, в том, что горб не помог Маяковскому перейти «пустыню»¹⁸⁶. Возможно, он относился к поэзии Маяковского (первая книга – «Простое как мычание», 1916) как к голосу стада, толпы: «Я с даром ясной речи, / И чту я наш язык, / А не блеюн овечий / И не коровий мык!» («Должно быть, я калека...», 1929). Поэт, по Клычкову, – бесприютный странник, обреченный на «лихое кочевье» («Стала жизнь человечья бедна и убога...», 1923, 1927; «Упрятана душа под перехват ребра...», 1929; «Луна», 1926 – 1927 и др.) Клычков – человек деревни, но он уже не крестьянин; он долго жил в Москве, но в городе он чужой, «одинок и сир» («Мне не уйти из круга...», 1929).

В его отношении к *бытию* есть целомудрие позднего Л.Н. Толстого, который 22 апреля 1901 г. записал в дневнике о своей малости, своем ничтожестве. Мир, по

¹⁸⁴ Клычков С. Лысая гора // Клычков С. Собр. соч. Т. II. С. 484.

¹⁸⁵ Сергей Клычков: Переписка, сочинения, материалы к биографии. С. 201.

¹⁸⁶ Там же. С. 202.

Клычкову, – непостижимый универс: «Мир так велик, а я так мал!» («От поля с мягкой травой...», 1929). В таком осознании своего я было глубоко нравственное понимание природы, космоса, Бога. Как писал Толстой 8 августа 1907 г.: «Нет ничего более полезного для души, как памятование о том, что ты – ничтожная и по времени, и по пространству козявка, сила которой только в понимании этого своего ничтожества»¹⁸⁷. Клычков писал о взаимообусловленности и подобии всего сущего: «Пусть старый Бог живет на небеси, / Как вечный мельник у плотины... / Высь звездная – не та же ль ряска тины, / А мы – не щуки ли и караси?» («Лукавый на счастливого похож...», 1930-е); о безначальности и бесконечности мира, в котором «День и ночь златой печатью / Навсегда закреплены, / Знаком роста и зачатья, / Кругом солнца и луны!» («День и ночь златой печатью...», 1929). В его поэтических пейзажах изначальный свет щедро «пролит над полями» и ему «кончины нет» («До слез любя страну родную...», 1930). Он жил с ощущением своей неразрывности с *природой*. В нем с детства накапливалось восхищение природой, потом рождались строки о благодати: «Вкушает мир покой и увяданье, / И в сердце у меня такой же тихий свет...» («Люблю тебя я, сумрак предосенний...», 1922), о пространстве плодоносящем и безмерном: «Идешь, идешь, – / И только целый день / Ячмень и рожь / Пугливо зыблют тень / От облака, бегущего по небу...» («Куда ни глянь...», 1919, 1927), о преклонении перед вечностью: «Так хорошо склониться ниц / Пред ликом вечного сиянья» («Лежит заря, как опоясок..», 1928 – 1929). Глагольные метафоры, метафорические эпитеты, метафорические сравнения – знаки единства обитателей земли и космоса – стали основными, если не тотальным, приемами в его лирике: «Вечер пройдет и уронит / Щит золотой у ворот», «Гадает ночь-цыганка, / На звезды хмуря бровь», «Верба шапку ниже клонит, / За прясло́ выходит ель», солнце «Свою золотую телегу / Все выше и выше катит», «Где из синих глубин в голубое / Полумесяц плывет, словно льня...», «Вот и звезды, как окуни в стае, / Вот и лилия, словно свеча...» и т.д. Сквозной мифический образ лирики и прозы – луна, она правит судьбой-ладью поэта.

Клычков не строил социализма и не сражался с классовыми врагами, он поэт *негероической повседневности*, в которой нужно «Кормить семью и для скотины / Косить по зарослям ковыль, – / Здорового лелеять сына» («Люблю свой незатейный жребий...», 1922, 1927), «тянуть большою ложкой тюрю», знать, что выросли дети и на лавке под божницей не хватает места («Уставши от дневных хлопот...», 1928); он писал: «Счастлив я, в труде, в терпенье / Провожая каждый день, / Возвестить неслышным пенем / Прародительницы тень!..» («День и ночь златой печатью...», 1929). Его счастье

¹⁸⁷ Толстой Л.Н. Философский дневник / Сост. А.Н. Николюкин. М., 2003. С. 27.

непретенциозно. Родной край «ясен, дик и прост», но поминальный звон колокола звучит все «печальней и плачевней» («Монастырскими крестами...», 1922). В стихах он не ругал власть, но его стихи воспринимались как проявление мелкобуржуазности.

В почвенности Клычкова не было ни идеализации, ни сентиментальности, *русский человек* в его поздней лирике сложен: убог и думает о Боге, суров, «с душой, укрытой на запор», неулыбчив, податлив «злому самогонцу». Но он не осуждал, писал о фатальном – работая на земле, крестьянин отдает ей «и силу, и сыть», потом окропляет ее за «голодный кусок». В стихотворении «Лихо» (1926 – 1927) мужик впускает на ночлег

Лихо в образе монашка, утром Лихо ест хозяйский квас с луком, достает из-под рясы полуштоф и угощает хозяина, уродуя его жизнь. Сравним со строками П. Васильева, обращенными к Клычкову: «Послушай, синеглазый, тихо. / Ты прошепчи, пропой во мглу / Про то монашье злое лихо, / Что пригорюнилось в углу» («Лето», 1932).

Клычков искал утешение в *любви*. Отношения с первой супругой, московской красавицей Евгенией, осложнились; в его лирике часты мотивы ревности, «нерадостной музыки»: «Сегодня в ночь взошла луна, / К земле склонившись, как к надгробью, / Точь-в-точь как ты, моя жена, / Когда ты смотришь исподлобья» («Сегодня в ночь взошла луна...», 1927). Любовь потерять страшно, но любовь – «мачеха злая» («Стих ветер, заря уж погасла...», 1923, 1927). С октября 1930 г. у него другая жена – В.Н. Горбачева, она филолог, автор книги «Молодые годы Тургенева (по неизданным материалам)» (1926). Будучи супругой Клычкова, написала роман «Чернышевский» (1936). Ее литературный псевдоним – Арбачева. В ней Клычков обрел «милого друга»: «Впереди одна тревога, / И тревога позади... / Посиди со мной немного, / Ради Бога, посиди!» («Впереди одна тревога...», 1934).

В его дневниковых «Неспешных записях» – о том, что надо терпеть, что страдание дано во благо, что не надо лгать и книги не должны быть блудницами. Он занял позицию неучастия, потому что подвиг смешон, жертва бессмысленна, борьба невозможна. Он уверял, что нужно предпринять всенародное молебствие об умиротворении сердец тех, кто находился у власти. Он не подписывал коллективных писем против врагов народа. Он поддерживал неблагонадежных и защищал их от благонадежных, как это было с молодым Л. Гумилевым, он хлопотал за выселенных беспаспортных обитателей ста шелепихинских домов, он всеми силами поддерживал высланного Клюева.

Клюев из Томска написал 22 февраля 1935 г. Н.Ф. Христофоровой: «Клычкова не печатают. Это добрый, хотя и рассыпанный человек <...>»¹⁸⁸. Клычков, как писал

¹⁸⁸ Клюев Н. Словесное дерево. С. 353.

Фурманов, поэт «за кулачка»¹⁸⁹. Вокруг Клычкова у критиков разворачивалась своя история¹⁹⁰. Последний поэтический сборник «В гостях у журавлей» вышел в 1930 г., стихи 1930-х годов писались «в стол». Литературные переводы стали поводом для политических нападков. В его лирике конца 1920-х – 1930-х зазвучала тема *искаженной реальности*, собственного «оскорбительного двойника» («Душа – как тесное ущелье...», 1929); в «Меня раздели донага...» (1929) есть строки: «Меня раздели донага / И достоверней были / На лбу приделали рога / И хвост гвоздем прибили...»; в «Должно быть, я калека...» (1929): «Должно быть, я калека, / Наверно, я урод: / Меня за человека / Не признает народ!» Культ коллектива побуждал к мрачным предчувствиям: «Тебя сомнет без сожаленья / Людской стремительный поток!» («Душа – как тесное ущелье...», 1929). Бесприютная душа прилегла к советской нови, «как батрачка» («Ни избы нет, ни коровы...», 1931). В «Я сплю тяжелым жутким сном...» (конец 1920-х – начало 1930-х) он выразил свое ощущение приближающейся смерти, описал ее в образе костлявой слепой и глухой старухи, она, в изношенном чепце и узористой шали, приходит в дом поэта и подводит часовые стрелки, но он, готовый и уставший, спокоен. В 1934 г. Клычков назвал смерть «полночным воров» («Впереди одна тревога...»).

Он не переставал верить в *Бога* даже когда убеждался в неодолимой силе зла. В стихотворении «Есть в этом мире некий...» (1930) Клычков писал о «водителе вышних сил»: Бог не знает пределов, пред Ним простерты моря и суши, у Его ног пастуший «грозный кнут» кометы, Его лик незрим, а шаг неслышим, но люди живут и дышат «дыханьем с Ним одним». Поэт был внецерковным: «Люблю наедине слагать свои молитвы / И не хожу молиться в многолюдный монастырь» («Люблю наедине слагать свои молитвы...», 1929). Образ иконы частый в его лирике. «Спаса древнего оклад» охранял крестьянский «мир и лад» («Сколько лет с божницы старой...», конец 1920 – нач. 1930). Но в «Я не видал давно Дубравны...» (конец 1920-х) описан сон: на божнице нет Христова лика. В «Не мечтай о светлом чуде...» (зима 1930 – 1931) написал: «Не мечтай о

¹⁸⁹ Фурманов Д. Собр. соч. М.: Худ. лит., 1961. Т. 4. С. 335.

¹⁹⁰ В ноябре 1928 г. в «Известиях» была опубликована статья В. Полонского «Октябрь и художественная литература», в которой о Клычкове говорилось как о самом крупном писателе; в ответ журнал «Земля советская» (в первом номере за 1929 г.) опубликовал статью П. Замойского «Кнутом направо»: Полонский был назван путаником, а Клюеву, Клычкову и покойному Есенину автор желал синовий кол на могилу; во втором номере «Нового мира» за 1929 г. Полонский напечатал свои «Листки из блокнота» – с высокой оценкой творчества Клычкова; ответом стала статья В. Карпинского «Кого же считать крестьянским писателем?», автор связал Клычкова, Клюева и Полонского с Троцким; в десятом номере «Нового мира» Полонский защищал новокрестьянских писателей в статье «Проблемы литературы. Кого же, наконец, считать крестьянским писателем»; в 1930 г. вышла в свет книга статей критика Коммунистической Академии О. Бескина «Кулацкая художественная литература и оппортунистическая критика»: Клычков обвинялся в верности самодержавию, православию, народности. С некоторыми статьями Бескина Клычков был знаком по их публикациям в периодике; в «Литературной газете» он отвечал ему статьями «О зайце, зажигающем спички» (1929) и «Свирепый недуг» (1930).

светлом чуде: / Воскресения не будет! / Ночь пришла, погаснул свет... / Мир исчезнул...
мира нет...»

VIII. Поэзия П.Н. Васильева

«Новый с поля придет поэт, / В новом лес огласится свисте», – писал Есенин в «По-осеннему кычет сова...» (1920). Васильев по темпераменту, поведению, своему витализму похож на Есенина. Он родился в Зайсане в семье учителя, выходца из казачества, мать – из павлодарского купечества (дед в прошлом был крестьянином). Он знал, что талантлив, и презирал «литературных недомерков»¹⁹¹. Он вошел в новокрестьянскую литературу, поддержанный Клюевым и особенно Клычковым. Но он был человеком другого времени, он пришел со своими песнями. Клычков понял, что в крестьянской поэзии наступил перелом: романтический период с приходом Васильева уступал место *героическому*. Об этом он говорил в Московском товариществе писателей 26 ноября 1932 г.

Судя по лирике, Васильев ощущал страну как огромный фронт, он восхищался нарождавшейся индустриализацией, но славил не власть, а возможности человека и страны. Он писал о Сибири, где «герои строительства и труда» создавали новый мир («Провинция-периферия», 1931). Он ненавидел застойную провинцию и предпочитал огромные, лежащие за пределами центров пространства, в которых возводился новый мир, называть периферией. По Васильеву, индустриализация не поглощает мира естественного, а срастается с ним – таким же могучим: «В черном небе волчья проседь, / И пошел буран в бега, / Будто кто с размаху косит / И в стога гребет снега» («Песня», 1932). По сути Васильев – «скиф» иного поколения, о чем говорят и энергичная поэтика, и эмоциональный склад¹⁹².

Среди его лирических персонажей нетординарных и слабых. В прошлом матрос и старатель на золотых приисках, Васильев создал в поэзии 1930-х годов духовно и физически *здорового героя*, сохранившего в себе «звериное дыханье» молодости, привыкшего к «курганному ветру», с «извечной жестокостью» прокладывающего свой

¹⁹¹ Из письма П. Васильева к А. Крученых (после 1.09.34) // *Васильев П.* Сочинения. Письма. С. 818.

¹⁹² Из воспоминаний Н. Асеева: «Характер его был неуравновешенный, быстро переходящий от спокойного состояния к сильному возбуждению. Впечатлительность повышенная, преувеличивающая все до гигантских размеров. Это свойство поэтического восприятия мира, нередко наблюдаемое у больших поэтов и писателей, как, например, Гоголь, Достоевский и Рабле. Но все эти качества еще не были отгранены до полного блеска <...>». Цит. по: *Хомяков В.И.* Художественная картина мира в поэзии Павла Васильева. Омск, 2006. С. 14.

«непокорный путь» («Глафира», 1930). Его герой не рефлексировал. У его лирики мужское лицо; как писал о его поэзии В. Цыбин – «яростный и открытый мужской характер»¹⁹³.

Воспевавший новый могучий мир, он был связан со своим родом, *домом*, с семейными преданиями, сказками деда («Рассказ о деде», 1929), его поэзия вырастала из воспоминаний об охоте («Охота с беркутами», 1931), «пестрой станице» («Конь», 1932), казацком буйстве («Там, где течет Иртыш», 1927), «темных сѣнцах, где разложен невод» («Рыбаки», 1927). Национально-родовое сознание, как и ощущение себя внутри природного мира, сближает его с новокрестьянами. В отличие от них, он не был художником-философом, но сквозные темы его лирики и поэм – человек и мир, пароксизм любви как проявление природной силы мужчины, жизнь и смерть, дом и степь, земля и космос, жажда невозможного и колоссального, преображение сущего и другие – по сути философские, причем осмысленные в контексте национальной истории и современности, интерпретированные в русле привитой ему когда-то казацкой ментальности. Он описывал крестьян как неистовых и деятельных искателей правды («Пускай еще совсем не коммунисты, / Но правду все ж / Почувявши свою, / За революцию / На чистом поле брани / Дрались они, товарищи крестьяне, / И падали, / Убитыми в бою»; «Крестьянская, бедняцкая Россия / Голосовала шашкой за Октябрь»), а крестьянское бытие включенным в космическое пространство: «И колокол пространства голубой / Раскачивался / На мизинце бога...» («Крестьяне», 1936).

В его азарте, беспредельности, избыточности (особенно в любовной лирике) проявлялась русская порода, но и степная азиатская тоже. По Васильеву, русская энергетика близка азиатской («Азиат», 1928). В его творчестве, как в поэзии Клюева и Есенина, явна *евразийская* направленность. Особенно она проявилась в поэме «Соляной бунт» (1933). Его Азия (казахская, башкирская, киргизская) – яркая, неукротимая, безжалостная: «Висит казахстанское небо прочно», «Тяжелое солнце в огне и туманах», «Пустынен и страшен / На лицах у идолов отблеск души» и т.п. Российский Восток – древний мир, дикий, воинственный, но и культурный: по его «травам сырым» прошли гунны, «степной саранчой» устремленные к Риму («Киргизия», 1930); на шее скакуна «старинные зашиты письма» («Затерян след в степи солончаковой...», 1929).

Васильев был человеком советской эпохи, но в нем не было партийности. В поэме «Песня о гибели казачьего войска» (1929 – 1930), как в есенинской «Песни о великом походе», противостояние русских друг другу трагично. Васильев писал о судьбе

¹⁹³ Цыбин В. Земля поэта // Лит. Россия. 1989. 29 дек.

объединившегося «под седой горой Алтаем» и погибшего в битве с Красной Армией казачьего войска. Теме казачества созвучны интонации плача («Обними меня руками / Лебедиными, / Сгину, сгину за полями / За полынными»), лирической казачьей песни («Видно, вам, казаки, полечь. / Ой, хорунжий, идет беда, / У тебя жена молода»), колыбельной («Кровь у твоего батюшки на виске. / Спи ты, неразумное, засыпай, / Спи, дитё казацкое, баю-бай»); теме Красной Армии – воинственные ритмы («Чтобы республика зацвела, / Щедрой рукою поседем свинец», «Если припомнишь, как, горько любя, / В зыбке старухи качали тебя, / Если припомнишь, что пел коростель, / Крепче бери стариков на прицел, / Голову напрочь – и брат и отец»). Конфликту придан и инонациональный смысл: «Одолеет кыргизня, / Только дай ей волю». Поэмы Васильева («Соляной бунт», 1933; «Кулаки», 1933 – 1934 и др.) обращены к эпохальным событиям, но в них в первую очередь раскрыта тема страстной, стихийной, сильной природы человека.

Об отношении Васильева к *власти* говорит его эпиграмма на Сталина 1931 г., которая начинается так: «Ныне, о муза, воспой Джугашвили, сукина сына. / Упорство осла и хитрость лисы совместил он умело. / Нарезавши тысячи тысяч петель, насилием к власти пробрался». В «Старой Москве» (1932) создан образ обессиленной Москвы, ее конец «лют», и хотя «народец» ее сохранился, она оставлена Богом: «Но теперь уж ты вовек / У скуластых богородиц / Не поднимешь птичьих век. / Ночи глухи, песни глухи – / Сколь у Бога немоты!». Васильев нарисовал фантастическую и одновременно реальную картину 1930-х: Москва с «возов скрипучих» вываливает груды мертвых тел, их много – они бредут по Москве «от зари и до темна», страна становится нелюдимой. Это стихотворение трактуют по-разному, в нем видят даже иронию по отношению к китежской, нестеровской Руси. На наш взгляд, оно трагично. По-видимому, Васильев, как Есенин, не находил онтологического оправдания страданиям, вслед за Есениным он обвинял *Бога*: «Бог пропажи и вранья», «овечий» Бог – потому что превратил людей в овец. Он не верил в Бога или не верил так, как Клюев, Клычков, Есенин¹⁹⁴. В его памяти запечатлелись картины не богослужений, а разгуля: «Спивались на Троицын праздник в лоск / Все три отдела казацких войск / От Омска и до Зайсана» («Провинция-периферия»). В Васильеве была страсть жить реальностью, вне религиозной истории страданий: «Устали звезды говорить о Боге, / И девушки играли в волейбол» («Так мы идем с тобой и балагурим...», 1930).

¹⁹⁴ «Павел с детства проникся неприятием религии». См.: Куняев С. Русский беркут. М., 2001. С. 29.

Васильеву покровительствовал И.М. Гронский, который из него, очевидно, хотел сделать поэта власти, но не удалось. Васильева воспринимали врагом большевизма: «Но бесят тебя / Большевистские речи», «В руках у Клычкова / Твои удила»¹⁹⁵, – писал М. Голодный. В марте 1932-го Васильева арестовали, в июне его освободили; Горький в «Литературных забавах» (1934) писал о том, что Васильев хулиган не меньше Есенина, но пора обеззаразить среду от хулиганов; Бухарин, выступая на Первом съезде Союза писателей, признал исключительные поэтические возможности Васильева, но потребовал «обломать в себе острые углы собственнической дикости»¹⁹⁶; в 1935-м его исключили из Союза писателей, в «Правде» было опубликовано коллективное письмо писателей против Васильева – поводом послужила провокация Безыменского, Алтаузена и других, в том же году он был арестован, но по ходатайству Гронского освобожден в марте 1936-го; в феврале 1937-го Васильев написал: «Скоро ль, скоро ль на беду мою / Я увижу волчьи изумруды / В нелюдимом северном краю» («Снегири взлетают красногруды...»), в феврале его арестовали, 16 июля расстреляли.

Вместо послесловия

В противовес новокрестьянским поэтам было создано Всероссийское общество крестьянских писателей (ВОКП)¹⁹⁷ – тех, кто, как тогда говорили, встал на пролетарские рельсы. В 1929 г. ВОКП насчитывало 950 членов. 3 июня 1929 г. во время открытия съезда ВОКП в приветственном слове ЦК партии прозвучало: «Мы не можем признать и никогда не признаем, что писатели вроде Клычкова и Клюева, которые выражают кулацкие стремления деревни, являются крестьянскими писателями»¹⁹⁸. Клычкову, Клюеву, как и покойному Есенину, было отказано в праве называться подлинно крестьянскими писателями. Их творчество стало постоянной темой критических нападок со стороны журнала «Земля советская». Идеологическим основанием для подобной критики послужили «Злые заметки» (1927) Н. Бухарина. Агрессивная атака на новокрестьянскую литературу была предпринята со стороны рапповцев – напостовцев, что было связано с курсом на раскулачивание. Л. Авербах обвинил Клюева и Клычкова в том, что они являлись выразителями мелкобуржуазных идей («Об ориентации на массы и

¹⁹⁵ РГАЛИ. Ф. 618, оп. 2, ед.хр. 818.

¹⁹⁶ Стенографический отчет Первого Всесоюзного съезда советских писателей. М., 1990. С. 497.

¹⁹⁷ Об истории ВОКП: *Солнцева Н.М.* Китежский павлин. Филологическая проза: Документы. Факты. Версии. М.: Скифы, 1992.

¹⁹⁸ ОР ИМЛИ. Ф. 159, оп. 1, ед.хр. 5.

опасности царства крестьянской ограниченности», 1929). После упразднения РАПП, ВОКП и создания единого Союза писателей травля не прекратилась. На заседании коммунистов бюро правления РАПП 2 мая 1932 г. А. Фадеев говорил о Клычкове как о реакционном элементе, классовом враге, на что Клычков, выступая 14 мая 1932 г. на заседании правления и актива ВССП, ответил: «Фадеев большой мастер употреблять страшные слова»; пусть он, Клычков, не такой беллетрист, как Фадеев, но еще неизвестно, «что останется в будущем как документ эпохи – мой ли “Чертухинский балакирь” или, еще больше того, “Сахарный немец”, или ваш, товарищ Фадеев, “Последний из Удэге”»¹⁹⁹.

В истории литературы остались и Фадеев, и новокрестьянские писатели, как в истории страны – и «товарищи крестьяне», и кулаки. Продуктивность и осмысленность изучения литературного процесса возможна с установкой на полноту картины. Фавориты и маргиналы, ортодоксы и еретики меняются местами – смотря с какой горы подул ветер. История литературы многосложна – многосложна и история новокрестьян, в которой есть очевидные художественные и интеллектуальные ценности, есть блуждания мысли, есть яркая человеческая порода, есть необычайная писательская судьба.

¹⁹⁹ Клычков С. Собр. соч. Т. II. С. 519.

Вопросы

1. Раннее творчество Н. Клюева. «Избяные песни».
2. Религиозные интенции Н. Клюева. Хлыстовство, скопчество, голгофское христианство, старообрядчество в творчестве Н. Клюева.
3. Н. Клюев и А. Блок: письма, творческие взаимовлияния («Сосен перезвон» и др.).
4. С. Есенин в творчестве Н. Клюева («Плач о Сергее Есенине» и др.)
5. Лирика Н. Клюева 1920 – 1930-х годов: темы, поэтика.
6. Свод мотивов в поэме Н. Клюева «Мать-Суббота».
7. «Погорельщина» Н. Клюева: мотивы, поэтика.
8. «Песнь о великой матери» Н. Клюева: мотивы, поэтика.
9. Ранняя проза Н. Клюева в контексте революционных и христианских идей.
10. «Сны» Н. Клюева и «Мартын Задека» А. Ремизова.
11. Лирика С. Клычкова 1910 – 1920-х гг.: темы, поэтика.
12. Лирика С. Клычкова 1930-х гг.: темы, поэтика.
13. Анализ романов С. Клычкова («Сахарный немец», «Чертухинский балакирь», «Князь мира»).
14. Поэтика прозы С. Клычкова.
15. Лирика С. Есенина 1910-х гг.
16. Маленькие поэмы С. Есенина 1916 – 1918 гг.: мотивы, поэтика.
17. Мифологизация революции в поэзии Серебряного века.
18. Эстетические установки С. Есенина («Ключи Марии», «Быт и искусство» и др.).
19. Творчество С. Есенина и имажинизм.
20. «Пугачев», «Страна негодяев», «Анна Снегина» С. Есенина.
21. «Москва кабацкая» С. Есенина.
22. «Персидские мотивы» С. Есенина и «персидская» темы в русской поэзии.
23. Лирика С. Есенина 1920-х гг.: общая характеристика.
24. «Черный человек» С. Есенина: мотивы, поэтика, литературные аллюзии.
25. Лирика С. Есенина и европейская поэзия (Р.М. Рильке, «проклятые поэты»)
26. Творчество П. Карпова в контексте хлыстовской идеологии. П. Карпов и Л. Толстой.
27. Философские мотивы в поэзии А. Ганина.
28. Мотивы лирики П. Васильева.
29. Поэмы П. Васильева: общая характеристика.
30. Евразийские тенденции в творчестве новокрестьянских писателей.
31. Гностические идеи в мировоззренческих исканиях новокрестьянских писателей.
32. Идеи новокрестьян и богоискательство, богостроительство в Серебряном веке.

33. Скифская идеология и творчество новокрестьян.
34. Поэзия новокрестьян и литературная ситуация Серебряного века.
35. Творчество новокрестьянских писателей и литературная ситуация 1920 – 1930-х годов.
36. Проза новокрестьянских писателей и стилевые искания в литературе 1920-х годов.

Источники

1. Васильев П. Сочинения. Письма М.: Эллис Лак, 2002.
2. Ганин А. Стихотворения. Поэмы. Роман. Архангельск: Северо-Западное книжное издательство, 1991.
3. Ганин А. «К тебе пришел я, край родимый...». Вологда: Книжное наследие, 2005.
4. Есенин С. в стихах и жизни: В 4 кн. М.: Республика, 1995
5. Есенин С.А. Полное собр. соч.: В 7 т. (9 кн.). М.: Наука – Голос, 1995 – 2002.
6. Карпов П. Пламень. Русский ковчег. Из глубины. М.: Современник, 1991.
7. Клычков С. Собр. соч.: В 2 т. М.: Эллис Лак, 2000.
8. Клычков С. Сараспан: Обработка фольклора и переводы. М.: Голос-Пресс, 2009.
9. Ключев Н. Сердце Единорога. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
10. Ключев Н. Словесное древо: Проза. СПб.: Росток, 2003
11. Ключев Н. Письма к А. Блоку. М.: Прогресс-Плеяда, 2003.

Литература

1. Азадовский К. Жизнь Николая Ключева: Документальное повествование. СПб.: Изд-во ж. «Звезда», 2002.
2. Баран Х. Поэтика русской литературы начала XX века. М.: Прогресс - Унверс, 1993.
3. Бахтин М.М. Лекции об А. Белом, Ф. Сологубе, А. Блоке, С. Есенине (в записи Р.М. Миркиной) // Диалог. Карнавал. Хронотоп. Витебск, 1993. № 2/3.
4. Богомолов Н.А. Русская литература первой трети XX века: Портреты, проблемы, разыскания. Томск: Водолей, 1999.
5. Воронова О. К проблеме «Сергей Есенин и русско-немецкие литературные связи (С. Есенин и Р.М. Рильке)» // Современное есениноведение. 2004. № 1.
6. Гайденко П.П. Владимир Соловьев и философия Серебряного века. М.: Прогресс – Традиция, 2001.
7. XXI век на пути к Ключеву: Сб. статей. Петрозаводск: Карельский Научный центр РАН, 2006.

8. Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы. Рязань: Пресса, 2006.
9. Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы. Рязань: Пресса, 2007.
10. Захаров А.Н., Савченко Т.К. Имажинизм // Русская литература 1920 – 1930-х годов: Портреты поэтов: В 2 кн. Кн. I. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
11. Захаров А.Н., Савченко Т.К. Сергей Есенин // Русская литература 1920 – 1930-х годов: Портреты поэтов: В 2 кн. Кн. I. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
12. Исупов К.Г. Философия и литература «серебряного века» (сближения и перекрестки) // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): В 2 т. Т. I. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.
13. Келдыш А.А. Русская литература «серебряного века» как сложная целостность // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): В 2 т. Т. I. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000.
14. Клинг О. Влияние символизма на постсимволистскую поэзию в России 1910-х годов. М.: Дом-музей Марины Цветаевой, 2010.
15. Куняев С. Русский беркут. М.: Наш современник, 2001.
16. С. Куняев, Ст. Куняев. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 1997.
17. Куняев С.С. Павел Васильев // Русская литература 1920 – 1930-х годов: Портреты поэтов: В 2 кн. Кн. I. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
18. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина: В 5 т. М.: ИМЛИ РАН, 2003 – 2013.
19. Литературные объединения Москвы и Петербурга. 1980 – 1917: Словарь. М.: НЛЮ, 2004.
20. Маркова Е.И. Творчество Николая Клюева в контексте северно-русского словесного искусства. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 1997.
21. Маркова Е.И. Родословие Н.Клюева. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2007.
22. Марченко А. Поэтический мир Есенина. М.: Советский писатель, 1989.
23. Михайлов А.И. Пути развития новокрестьянской поэзии. Л.: Наука, 1990.
24. Морозов Вяч. Клычков – переводчик // Клычков С. Сараспан: Обработка фольклора и переводы. М.: Голос-Пресс, 2009.
25. Наследие комет. Неизвестное о Николае Клюеве и Анатолии Яре. М.: Территория, 2006.
26. Николай Клюев: Исследования и материалы. М.: Наследие, 1997.
27. Николай Клюев: Образ мира и судьба. Томск: ТГУ, 2000.
28. Николай Клюев: Глазами современников. СПб.: Росток, 2005.
29. Николай Клюев: Воспоминания современников. М.: Прогресс-Плеяда, 2010.
30. Пичурин Л. Последние дни Николая Клюева. Томск: Водолей, 1995.
31. Пономарёва Т.А. Новокрестьянская проза 1920-х годов: В 2 ч. Череповец: ЧГУ, 2005.

32. Поэтика и проблематика творчества С.А. Есенина в контексте Есенинской энциклопедии. М.: Лазурь, 2009.
33. Проблемы научной биографии С.А. Есенина. Рязань: Пресса, 2010.
34. Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. М.: ИНКОМ, 1993.
35. Самоделова Е.А. Антропологическая поэтика С.А. Есенина: Авторский житнетекст на перекрестье культурных традиций. М.: Языки славянских культур. М., 2006.
36. Семёнова С. Русская поэзия и проза 1920 – 1930-х годов: Поэтика – Видение мира – Философия. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.
37. Сергей Антонович Клычков: Исследования и материалы. М.: Изд-во Лит. института им. А.М. Горького, 2011.
38. Серёгина С.А. Пасторально-идиллическая топка в маленьких поэмах С. Есенина // Филологические штудии: Сб. науч. трудов. Иваново: Ивановский гос. ун-т, 2005.
39. Солнцева Н.М. Китежский павлин. Филологическая проза. М.: Скифы, 1992.
40. Солнцева Н.М. Новокрестьянские поэты и прозаики // Русская литература рубежа веков (1890-е – начало 1920-х годов): В 2 т. Т. 2. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.
41. Солнцева Н.М. Имажинисты // История русской литературы XX века: 20 – 90-е годы: Литературный процесс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.
42. Солнцева Н.М. Новокрестьянская поэзия // История русской литературы XX века: 20 – 90-е годы: Литературный процесс. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2006.
43. Солнцева Н.М. Новокрестьянские поэты // Русская литература 1920 – 1930-х годов: Портреты поэтов: В 2 кн. Кн. I. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
44. Солнцева Н.М. Сергей Клычков // Русская литература 1920 – 1930-х годов: Портреты поэтов: В 2 кн. Кн. I. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
45. Солнцева Н.М. Скифы и скифство в русской литературе // Историко-литературное наследие. Российское научное издание. 2010. № 4.
46. Соловьев Ю. Иное царство Николая Клюева // Контекст. Вып. 6. М., 2000.
47. Степанченко И.И. Поэтический язык С. Есенина: Анализ лексики. Харьков: ХГПИ, 1991.
48. Субботин С.И. Николай Клюев // Русская литература 1920 – 1930-х годов: Портреты поэтов: В 2 кн. Кн. I. М.: ИМЛИ РАН, 2008.
49. Хомяков В.И. Художественная картина мира в поэзии П. Васильева. Омск: ОГУ, 2006.
50. Шубникова-Гусева Н.И. Поэмы Есенина: От «Пророка» до «Черного человека». М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2001.
51. Шубникова-Гусева Н.И. Сергей Есенин и Галина Бениславская. СПб.: Росток, 2008.

СОДЕРЖАНИЕ

Общая характеристика.....	
I. Творчество новокрестьянских писателей в 1900 – 1910-е годы	
Николай Клюев	
<i>Формирование ранних воззрений: старообрядчество, хлыстовство, голгофское христианство. Отношение к А. Добролюбову, Л. Семёнову, А. Блоку.....</i>	
Темы.....	
Пимен Карпов	
<i>Сектантская утопия. П. Карпов и Л. Толстой. Хлыстовство в революционном контексте.....</i>	
<i>«Пламень» и «Серебряный голубь».....</i>	
Сергей Клычков	
<i>Специфика поэтики.....</i>	
<i>Экзистенциальные интенции.....</i>	
Сергей Есенин	
Влияния.....	
Религиозные акценты.....	
Витализм.....	
Двойственность лирического героя. Есенин, Рильке, Рембо.....	
Общие мотивы в ранней лирике С. Клычкова и С. Есенина.....	
Ранняя проза.....	
II. Конец 1910-х – начало 1920-х годов	
Скифство в новокрестьянском восприятии революций.....	
Проза Н. Клюева 1910-х годов.....	
Маленькие поэмы С. Есенина.....	
III. Поражение утопии: П. Орешин, А. Ширяевец, П. Карпов, Н. Клюев, С. Клычков, А. Ганин, С. Есенин.....	
IV. Эстетические установки Есенина как проекция космизма	
«Ключи Марии».....	
Есенин и имажинизм.....	
Двойное зрение.....	
V. С. Есенин в 1920-е годы	
«Пугачев». «Страна негодяев». «Москва кабацкая».....	
«Самый яростный попутчик».....	
Элегии Есенина 1920-х.....	
«Персидские мотивы».....	
«Черный человек».....	
VI. Творчество Н.А. Клюева в 1920 – 1930-е годы	

<i>Есенин в восприятии Клюева</i>	
<i>Лирика</i>	
<i>«Погорельщина»</i>	
<i>«Песнь о великой матери»</i>	
<i>Сны</i>	
VII. Творчество С.А. Клычкова в 1920 – 1930-е годы	
<i>Проза</i>	
<i>Поэзия</i>	
VIII. Поэзия П.Н. Васильева	
Вместо послесловия	
Вопросы.....	
Источники.....	
Литература.....	